Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 1

2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Лейла БЕГИМ. **И я люблю тебя!..** *Повесть* 21
Владимир МИШИН, Шамиль СУЛЕЙМАНОВ. **Третья древнейшая**. *Роман* 36
Натик МАМЕДЛИ. *Рассказы* 110
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. **Линзы**. *Этюд* 125
Ляман БАГИРОВА. **Благодарность карантину.** *Эссе* 131

ПОЭЗИЯ

Аладдин ЯГУБОВ. *Стихи* 32
Михаил САЛЬМАН. *Стихи* 106
Ляман БАГИРОВА. **Разговор на краю вечности** 128

ПУБЛИЦИСТИКА

Елизавета КАСУМОВА. **Армянский синдром** 3
ПИСЬМА ИЗ ИНТЕРНЕТА 6
Вильфрид ФУРМАН. **Борьба Азербайджана за международное право** 17
Низами ТАГИСОЙ. **Полноценный человек в философско-художественном и морально-нравственном понимании Абая Кунанбаева** 102
Лейла АБДУЛЛАЕВА. **Лютфали Абдуллаев: солнечное искусство музкомедии** 121

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**
Литсотрудники – **Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,*** **Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ**

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 18.12. 2020 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2021 г.

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

АРМЯНСКИЙ СИНДРОМ: мания величия, искаженное восприятие действительности, бредовые идеи

Армения не готова к миру и будет к нему готова еще очень нескоро. Такой вывод можно сделать из заявлений, сделанных министром иностранных дел Армении Арой Айвазяном на совместном брифинге с главой МИД России Сергеем Лавровым. Он фактически призывал к новой войне, и спрятать этот посыл за дипломатическими вывертами ему не удалось.

(Информационное агентство day.az, 7.12.2020 г.)

Итак, Азербайджан выиграл Карабахскую войну, которая была для него Отечественной, справедливой войной. Азербайджанская армия победила. Справедливость восторжествовала.

Но не стоит забывать, что мы имеем дело с коварным и при этом упертым и не очень дальновидным врагом, главным оружием которого являются не военное искусство и воинская доблесть, а подлость, лживость и наглость. И эти его качества помогали ему в течение почти 30 лет удерживать под оккупацией незаконно, в результате агрессии, захваченные азербайджанские земли – даже при наличии ряда правовых документов, принятых соответствующими международными организациями, обязывающих Армению безоговорочно вернуть Азербайджану оккупированные территории.

Возвращать Азербайджану эти территории Армения не собиралась, надеясь с помощью третьих стран со временем окончательно закрепить их за собой. Но она не учла одного: ничто не стоит на месте, мир меняется. В отличие от Армении, всегда рассчитывавшей «на чужого дядю» и за прошедшие три десятилетия практически ничего не сделавшей для своего развития, Азербайджан бурно развивался. Он превратился в страну с мощной экономикой, сильной, хорошо обученной и вооруженной армией, страну, пользующуюся доверием и уважением в мире. Армения же все это время, исходя ненавистью и завистью к «тюркам», продолжала осуществлять военные провокации на линии соприкосновения и в конце концов обнаглела настолько, что переместила свои провокации на армяно-азербайджанскую границу. И Азербайджан вынужден был ответить мощным контрударом. Помощи от третьих стран, на которую она рассчитывала, Армения не получила, а воевать своими силами армяне никогда не умели, прячась, подобно шакалам, за спинами более сильных государств. И Армении пришлось капитулировать в войне, которую она сама же и спровоцировала. Как говорится, за что армяне боролись, на то и напоролись. Армения проиграла войну, и проиграла самым позорным образом. Финал войны для армян можно охарактеризовать словами «полный разгром». За короткий срок азербайджанская армия очистила от оккупантов целый ряд своих районов. Армяне, бросая вооружение и военную технику, бежали, почти не пытаясь сопротивляться. Потрясавшая оружием, периодически устраивавшая на границе с Азербайджаном военные провокации, кичившаяся своей «военной мощью» и «храбростью» своих солдат Армения вынуждена была капитулировать всего через 44 дня от начала войны, потеряв в этой войне большое количество военной техники и более трех тысяч своих солдат (официально признанная армянами цифра, скорее всего, преуменьшенная). Миф о «мощности военной

армии Армении» рассыпался, как карточный домик. И всем стало ясно, что воевать армяне не умеют. А умеют лгать – все это время лгали и продолжают лгать даже собственному народу, и воровать – иначе куда подевались предусмотренные в госбюджете Армении на военные цели средства, а также обильные денежные вливания армянских диаспор из разных стран мира, которыми они щедро делились с братьями-армянами, лишь бы те не возвращали Азербайджану его земли. А о том, что пожертвованные живущими за границей армянами средства куда-то подевались, свидетельствовали голодные и плохо обмундированные и вооруженные армянские солдаты – у многих не было даже соответствующей обуви.

Об этом пишут сами армянские СМИ: в дни войны армянские диаспоры разных стран перечислили крупные суммы денег во Всеармянский фонд «Айастан», думая что они пойдут на закупку оружия и боеприпасов. Сейчас уже всем ясно, что деньги были попросту прикарманены. Точно так же были прикарманены деньги, которые передавались диаспорами некоторым частным лицам, которых они ассоциировали с армией и войной, думая, что они пойдут на закупку оружия и боеприпасов. Причем некоторые даже предоставляли чеки о тратах, которые, как выяснилось позже, были фальшивыми.

Так что конец войны был вполне закономерен. Как закономерно и то, что творится сейчас в самой Армении. Массовые беспорядки, митинги оппозиции, выступления недовольных граждан, в первую очередь, матерей погибших, которым власти Армении не вернули даже трупов их сыновей, чтобы их можно было похоронить. Чехарда в правительстве, где постоянно происходит смещение старых и назначение новых лиц, осуществляемое решениями Никола Пашиняна, продолжающего руководить страной, несмотря на все требования армянского народа о его отставке. «Никол, уходи!» – это сегодня главный лозунг, провозглашаемый армянским народом. Но Никол уходить не хочет, а на народ ему плевать. Страна нищает, ее экономика разваливается, того гляди, развалится и само государство, перестанет существовать, а Никол и в ус не дует. Он назначает нового министра иностранных дел, им становится Ара Айвазян, и отправляет его в Россию, взявшую на себя посредническую, миротворческую функцию для остановки военных действий и решения оставшихся нерешенными вопросов без кровопролития, что, в общем-то, и спасло Армению от еще больших жертв и, быть может, от утраты собственной государственности.

Так вот, Пашинян отправляет Айвазяна в Москву для предварительного обсуждения условий мирного договора, который предстоит заключить Армении с Азербайджаном. И с чем же приехал Айвазян в Москву, представляя фактически капитулировавшую страну? Какие идеи озвучил в беседе с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым? Кстати, сами армяне называют свое поражение в войне «тактическим отступлением». И это свидетельствует о том, что армяне вновь лгут (какое же это отступление, это – полный, позорный провал!), пытаясь сделать хорошую мину при плохой игре. Мы, дескать, специально отступили, это у нас такая тактика, мы потом свое наверстаем… не наверстаете! Теперь уже весь мир увидел ваше истинное лицо. И все ваши позорные реваншистские мечты и бредовые планы обречены на провал.

Итак, Ара Айвазян заявил Лаврову, что окончательное урегулирование карабахского конфликта «возможно только на основе реализации права наций на самоопределение и при обеспечении безопасности народа Карабаха». Поразительно! Армяне ведут себя так, словно и не было их позорного военного поражения, и они могут выдвигать какие-то условия. К тому же с точки зрения международного права подобная формулировка не имеет под собой никаких оснований. Что значит «право наций на самоопределение» применительно к Карабаху? Термин «право наций на самоопределение» вообще означает, что нация, народ вправе сам решать, как ему жить в пределах своей территории. Исходя из этого, армянская нация может самостоя-

тельно решать, как ей жить, в пределах территории Армянской республики, то есть, на своей территории (своей ли, это еще вопрос, так как и эта территория, искони принадлежавшая тюркам, 200 лет назад была «подарена» армянам русским царем). Так что, в принципе, и этот вопрос (вопрос о возврате нам и этих земель) может быть поднят Азербайджаном, если армяне продолжат наглеть.

Что касается Карабаха и «его народа», о защите прав которого радеют армяне, то такого государства и такого народа нет, а есть часть территории Азербайджана – Нагорный Карабах – и его население, являющееся, соответственно, частью народа Азербайджана.

Возвращаясь к понятию «самоопределение наций», напомним следующее: самоопределение наций не должно осуществляться с сепаратистских позиций, в ущерб территориальной целостности и политическому единству суверенных государств. Так что то, что в течение почти тридцати лет исповедовали и продолжают исповедовать сегодня армяне, чистой воды сепаратизм.

Заикнулся Айрапетян и о «статусе Нагорного Карабаха», хотя Президент Азербайджана Ильхам Алиев четко и твердо заявил, что ни о каком статусе Нагорного Карабаха речи больше не будет, это абсолютно исключено. Нагорный Карабах – неотъемлемая часть Азербайджана, и никакого особого государственного статуса предоставлять ему никто не собирается.

Напомним, что такой статус у Нагорного Карабаха уже был: во времена СССР он именовался НКАО – Нагорно-Карабахская автономная область, то есть он обладал определенной государственной автономией со всеми вытекающими атрибутами. Но армянам этого показалось мало – постепенно вытеснив с этой территории ее коренное население, азербайджанцев, которые к концу 80-годов составляли уже всего 25 % от населения НКАО, они пожелали изгнать их оттуда полностью. Здесь невольно вспоминается известная русская сказка про хитрую лисичку и доброго, доверчивого зайца. Помните? Была у зайца избушка лубяная, а у лисы ледяная. Лубяная-то лучше, теплее, – подумала лисичка и попросилась к зайчику пожить. Доверчивый зайчик пустил лису к себе. Лиса пожила-пожила, а потом до того обнаглела, что зайчика из его же избушки и выгнала… Думаю, и армяне хорошо знают эту сказку. А конец ее помнят? Пришлось ведь лисичке из зайчиковой избушки драпать, поджав свой пышный хвост, который она так любила распускать, хвастаясь своей красотой и хитростью. А присказку помните? Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок. Азербайджан все полученные уроки помнит и делает из них выводы. А вот Армения полученный урок никак не усвоит. Ведь до чего договорился Ара Генриевич – потребовал «деоккупации территорий Карабаха» (!), фактически требуя возвращения под оккупацию всех освобожденных территорий. Это с какой же стати? Или армяне по-прежнему собираются жить по принципу «наглость – второе счастье»? Только поговорка эта работает лишь до поры до времени, и армянам необходимо это наконец понять.

А пока они этого не поймут, надо им об этом напоминать. Один из российских политических экспертов сказал, что Азербайджан за последние годы выиграл у Армении и информационную войну. Это действительно так – в этом направлении проделана большая работа, и правду об армянах и спровоцированном ими карабахском конфликте удалось довести до многих. Но армяне продолжают провозглашать черное белым, и наоборот. Они никак не могут избавиться от своей старой болезни – мании величия в совокупности с лживостью и наглостью. Поэтому следует продолжить информационную борьбу с ними. Тема армянского сепаратизма, армянского фашизма, стремления армян к присвоению чужих ценностей – чужих земель, чужой истории, чужой культуры, стремления навязать миру свою «правду» должна быть продолжена. Ибо армянская правда – это всегда ложь. И эту ложь надо продолжать разоблачать. Доносить до всех правду настоящую. Чтобы те, кому она еще неизвестна, узнали ее, а те, кто о ней забыл, – ее вспомнили.

ПИСЬМА ИЗ ИНТЕРНЕТА

1news.az 30 ноября, 2020

Сенаторы и «парашютисты» – послание Анара Сенату Франции

Слежу по телевизионным каналам за поспешной и постыдной рекомендацией французского сената о признании несуществующего в реальности «государства».

По «Евроньюс», смакуя, передают отрывок из речи сенатора, призывающего Азербайджан немедленно «освободить оккупированные территории» и задумываюсь: кем является этот сенатор – купленным провокатором или полным идиотом?

И в то же время у меня непроизвольно возникают ассоциации с текстом, прочитанным мной аж 60 лет тому назад. И, что интересно, вспоминается не только содержание и дух этого текста, но и эпиграф из Ромена Роллана.

Для уточнения нахожу в своей библиотеке 6-й номер журнала «Иностранная литература» за 1958 год.

Так и есть, к публицистике Анри Аллега «Допрос под пыткой» предпослан эпиграф из классика французской литературы: ***«Обличая растленных французов, я защищаю Францию»***. **Ромен Роллан, «Жан Кристоф».**

Спустя 62 года перечитываю леденящее душу свидетельство покойного французского журналиста о зверствах французских колонизаторов при подавлении освободительного движения алжирского народа.

Анри Аллег – честный французский журналист – попал в руки истязателей из-за того, что пытался писать правду в своей газете, и был подвергнут нечеловеческим пыткам, потому что не выдал ни одного из своих соратников. Пытали его изверги в человеческом обличии. Попавшие в лапы изуверов «новички» задают друг-другу вопросы: «Давно арестованы? Пытали? Кто? Парашютисты или полицейские?»

В те далекие годы самые жестокие истязатели были из числа «парашютистов».

«В этой огромной, переполненной тюрьме, где каждая камера – обитель страданий, на первом этаже «отделение» смертников. Здесь восемь-десять человек. Их ноги в оковах. Они ждут. Ждут помилования или конца. По вечерам каждый заключенный мечется на своем соломенном тюфяке, думая о том, что рассвет может оказаться для него роковым. Однако именно из камер смертников доносятся из дня в день запретные песни – прекрасные песни, всегда идущие от самого сердца народа, борющегося за свою свободу. Ночи напролет я слышал вопли истязуемых людей. Их крики всегда будут звучать у меня в ушах. Измученные пыткой, они тихо шептали слова древней арабской молитвы».

Анри Аллег, описывая свои собственные мытарства, раскрывает перед читателями целый «букет» пыток, которым подвергался. Здесь и побои, и издевательства, и применение электрических разрядов по проводам, прикрепленным к различным частям тела, и испытание голодом, жаждой и многое другое, «изобретенное» извращенной фантазией палачей. И это в стране, полтора века до того провозгласившей лозунги Свободы, Равенства, Братства.

Впрочем, «парашютисты» не обманывают себя иллюзиями высоких слов. Один из них разглагольствует: «Здесь у нас – гестапо! Ты знаешь, что такое гестапо? То, что делается здесь, сделают и во Франции. Твою гулящую девку – Республику просто-напросто взорвут и она взлетит в воздух».

В очень далекие годы я писал в «Ночных мыслях»: «Внедрение демократии в сознание даже наиболее прогрессивных, мыслящих и честных интеллектуалов не так однозначно. В иных умах непостижимо причудливо сочетаются идеалы равенства, свободы, демократии с чисто имперскими амбициями. Многие из лучших людей Фран-

ции, провозгласившей благородные идеи свободы и независимости, ее славные граждане, с оружием в руках вставшие на защиту своей земли в годы нацистской оккупации, все эти похвальные патриотические чувства сочетали с лозунгом «Алжира французского». Чего уж говорить о «парашютистах», у которых одна «мораль», вернее, антимораль – *то, что применимо к нам, не применимо к колонизированным нами народам. Державный патриотизм – только наша привилегия, угнетенные нами «туземцы» не имеют права на чувство национального достоинства*.

Неужто некоторые французские сенаторы (а их, к сожалению, большинство) настолько безграмотны, что не ведают: не Азербайджан оккупировал земли Армении, а Армения тридцать лет держала под оккупацией 20 процентов земель Азербайджана, чья территориальная целостность признана мировым сообществом, в том числе и самой Францией? Несмотря на четыре резолюции ООН, требующие немедленного вывода армянских войск с оккупированных территорий, Франция в качестве сопредседателя Минской группы вот уже не одно десятилетие вела бессмысленные и бесперспективные переговоры для будто бы решения проблемы.

А в это самое время армянские оккупанты, с одной стороны, строили свои якобы непреодолимые «линии Мажино», а с другой – следуя принципу «выжженной земли», уничтожали жилые дома и архитектурные памятники, мечети и православные церкви, рубили многовековые деревья и сжигали целые рощи.

А французские сенаторы, не ведая, что творят, требуют от нас вывода своих же азербайджанских войск со своих же освобожденных азербайджанских территорий.

Что касается принципа самоопределения, то армянский народ уже самоопределился на территории Республики Армения. Нельзя же «самоопределяться» в самых разных странах, куда переселился и где проживаешь, да еще провозглашать эти отколовшиеся анклавы «независимыми государствами».

Разве французским сенаторам так трудно догадаться об этом? А у голосовавших «за» сенаторов есть хоть малейшее представление о нагорной части Карабаха в составе азербайджанского Карабахского ханства в XIX веке и в качестве автономной области в составе Азербайджанской республики в советское время?

В Париже на площади Согласия возвышаются символические статуи французских провинций. В годы Первой мировой войны, когда кайзеровская Германия захватила французские провинции Эльзац и Лотарингию, их статуи на площади Конкорд были занавешаны вплоть до их освобождения в конце Второй мировой войны.

Сегодня Франция и Германия – европейские сестры. До карантина канцлер Ангела Меркель и президент Эммануэль Макрон целовались при каждой встрече. Отчего же французским сенаторам не порекомендовать своему правительству отдать немецкий город Страсбург германской сестре или признать независимость Корсики в качестве отдельного государства? И почему не объявить Марсель исконно армянским городом, поскольку в нем проживают сотни тысяч людей данной национальности?

Вот когда вступает в силу «закон» двойных стандартов. Что категорически неприемлемо для одной страны, может быть применено в отношении другой.

Сенаторы пекутся о сохранности исторических и религиозных памятников на освобожденных нами землях. Допустим, они не знают о полной сохранности армянской церкви в центре Баку. Наверное, не ведают и о том вкладе Азербайджана в реставрацию, в том числе христианских, памятников в Европе. Но разве они не видят репортажей своих западных корреспондентов с освобожденных территорий – уничтоженные дотла города, разрушенные и осквернённые мечети? Разве представители иностранных дипслужб в Баку не видят своими собственными глазами и не передают в свои страны сведений о развалинах некогда процветавших городов – Агдама, Физули, Джебраила? И не слышали о руинах Тертера, обстреленного запрещенными кассетными бомбами? И при всем этом ни единого слова сочувствия к

пострадавшим, потерявшим близких и родных! И ни слова осуждения военных преступников!

Задумываются ли умные люди на Западе (а их, несомненно, большинство), что постоянная приверженность двойным стандартам чревата взрывом негодования со стороны подвергавшихся лживой пропаганде масс?

Свобода слова – вожделенное чаяние всех нормальных людей. Но стоит ли становиться заложником этой идеи и не пресекать попытки пошлыми карикатурами, оскорбляя чувства сотен миллионов мусульман во всем мире?!

Конечно, всеми здравомыслящими людьми сурово осуждается убийство школьного учителя, но ведь этот же учитель показывал своим несовершеннолетним ученикам порнографические карикатуры с изображением пророка. Разве свобода слова оправдывает кровь, пролитую во имя таких вот безответственных карикатур? И разве свобода слова оправдывает опять же гнусную карикатуру в том же журнале «Шарли Эбдо» с глумливо изображенным телом мертвой сирийской девочки-беженки? Свобода слова не может служить аморальности, свобода слова не способ разжигать межнациональные и межрелигиозные конфликты.

Почему же одни акты терроризма справедливо осуждаются, а другие, как, например, взрывы, учиненные армянскими террористами в парижском аэропорту Орли, не только не осуждаются, а выдаются за акты возмездия («возмездия» за трагические события столетней давности)? Задумываются ли интеллектуалы, властители дум Европы о том, что двойные стандарты, двойная мораль, двойные оценки событий – губительны по своим последствиям для всех – как на Востоке, так и на Западе?

В конце приведу еще одну цитату из текста Анри Аллега:

«Пусть знают, что алжирцы не отожествляют своих палачей с великим народом Франции, у которого они многому научились, чьей дружбой они глубоко дорожат. Но народ Франции должен также знать, что здесь делается от его имени».

Замечательные слова. Я также с глубоким уважением отношусь к великой французской культуре, с ее мыслителями и поэтами, великими романистами и живописцами. И знаю, верю, что наряду с духовными наследниками «парашютистов» есть и Франция, верная традициям Анри Аллега и всех совестливых людей. А их, честных французов, в отличие от сенатского большинства, значительно больше.

Народный писатель Азербайджана, общественный деятель, режиссёр и сценарист АНАР (Анар Рзаев)

Баку, 23 ноября, АЗЕРТАДЖ

Как уже сообщалось, на днях ряд российских деятелей культуры попросили ЮНЕСКО включить христианские памятники Нагорного Карабаха в перечень объектов всемирного наследия. Письмо подписали дирижеры Владимир Спиваков и Теодор Курентзис, музыкант Борис Гребенщиков, режиссеры Александр Сокуров, Алексей Герман-младший и др.

Профессор Московской консерватории, член Московского Союза композиторов Фарадж Караев *выступил с открытым письмом к дирижерам Владимиру Спивакову и Теодору Курентзису, подписавшим данное обращение.*

Азертадж представляет читателям текст этого письма.

«Уважаемые коллеги, я ознакомился с текстом вашего обращения в ЮНЕСКО и, конечно, поддерживаю ваше предложение о включении культурных, художественных и архитектурных христианских памятников, находящихся на территории Азербайджана, в список всемирного наследия. Спору нет, это действительно необходимо!

Далее вы сетуете на то, что эти памятники ожидает та же трагическая судьба, которая постигла сирийскую Пальмиру – мы хорошо помним, как этот уникальный город был разрушен отморозками из ИГИЛ. И вот, проявляя заботу о памятниках культуры в Карабахе и вспоминая в подобном контексте Пальмиру, вы тем самым вольно или невольно сравниваете Азербайджан с одной из самых страшных террористических организаций, отвергнутых всем цивилизованным миром.

Не слишком ли это цинично и беспардонно?

Мне хотелось бы напомнить вам, уважаемые коллеги, что сегодняшний Азербайджан – это многонациональное и многоконфессиональное государство, живущее по канонам мультикультурализма. И защита христианского культурного наследия, как, кстати, и мусульманского, и иудейского, является одним из приоритетов Правительства светского Азербайджана. Нормальная церковная жизнь религиозных памятников Карабаха будет сохранена. «Именно в таком ключе будет действовать азербайджанская сторона», – так проинформировал Ильхам Алиев Президента России Владимира Путина.

А слова Президента Азербайджана никогда не расходятся с делом!

Хотелось бы задать вам вопрос: знакомы ли вы с тем, что семь районов Азербайджана, не находящихся на территории Карабаха, в течение почти тридцати лет находились под оккупацией соседнего государства? Знаете ли вы, что в этих районах, кроме средневековых христианских монастырей, существовали многочисленные мечети, а также православная церковь, находившаяся в Ходжавенде?

Предлагаю вашему вниманию несколько фотографий, на которых видно, во что превратился православный храм за эти годы:

ФОТО: ХОДЖАВЕНД – Русская православная церковь.

Обратите внимание на имя «ГАРИК», украшающее стену разрушенного храма. Это имя не встретишь среди азербайджанцев, но оно распространено среди жителей соседней страны.

А это фотографии мечетей – в Зангелане она была превращена в свинарник, в Агдаме – в хлев.

ФОТО: ЗАНГЕЛАН – мечеть

ФОТО: АГДАМ – мечеть

А сам город Агдам, некогда цветущий и процветающий, за эти годы превратился в город-призрак:

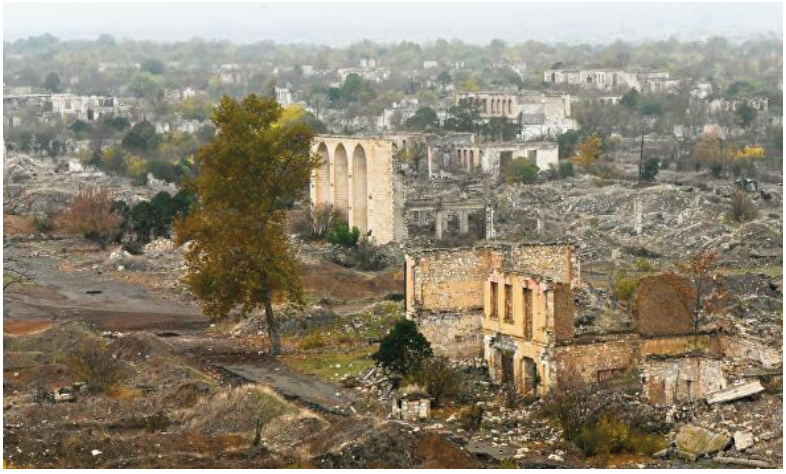

ФОТО: АГДАМ город-призрак

Город Шуша, жемчужина Карабаха или, как ее называли, Консерватория Закавказья, была освобождена. Что же увидели там азербайджанские солдаты?

Посмотрите, вот памятник выдающемуся азербайджанскому певцу Бюльбюлю, установленный во дворе его разрушенного Дома-музея:

Только в Шуше разрушено около двухсот памятников культуры, в том числе дворец Панах-хана и дворцовая библиотека, Ханский дворец и Караван-сарай, мечеть Саатлы, Верхняя и Нижняя Говхерага, мавзолей Вагифа, дом поэтессы Натаван, с которой Александр Дюма-отец играл в шахматы во время путешествия по Кавказу.

В скором времени специальная комиссия ЮНЕСКО должна посетить освобожденные от оккупации территории. Вот список разрушенных объектов, которые им предстоит увидеть своими глазами.

1. 927 библиотек с 4 600 000 экземплярами книг;
2. 700 памятников истории и культуры;
3. 808 Дворцов культуры, Домов культуры и клубов;
3. 85 музыкальных школ, включая школы с изучением изобразительного искусства;
4. 22 музея и музейных филиалов со 100 000 экспонатов;
5. 4 художественные галереи, 4 театра, 2 концертных зала;
6. Худаферинские мосты постройки VII-XII веков;
7. Мавзолей в селе Хачин-Турбатлы, Агдамский район, XIV век;
8. Азыхская пещера, стоянка первобытного человека, которая была заминирована (!) отступающими оккупантами.

Согласитесь, коллеги, что с террористами из ИГИЛ нужно и должно сравнивать жителей страны-оккупанта, но никак не азербайджанцев!

Никто не требует от вас извинений за оскорбление азербайджанского народа, уважаемый Владимир Теодорович и не менее уважаемый Теодор Иоаннович, слова в такой ситуации бессмысленны.

Но, может быть, вам, уважаемые коллеги, теперь придет в голову светлая мысль посетить один из разрушенных до основания городов Азербайджана и дать там симфонический концерт? Тем самым вы подчеркнули бы свое честное и беспристрастное отношению к происходящему, музыка нивелировала бы ваши несправедливые обвинения, и ваше реноме было бы полностью восстановлено. Ведь именно таким образом продемонстрировал свое отношение к вандалам, дикарям и разрушителям маэстро Валерий Гергиев, приехав со своим оркестром в разрушенную Пальмиру, чтобы дать концерт. Уверен, что подобный поступок по отношению к Азербайджану и его народу стал бы подтверждением вашей благородной гражданской позиции».

3 декабря 2020 GRADATOR

В соцсетях распространяется исповедь, крик души россиянина, уставшего от армянского российского телевидения. Вот что он пишет:

Армения vs Азербайджан

Месяца два назад обратил внимание на картинку в телевизоре. Он работал без звука, шла передача Соловьева. Несколько людей солидного возраста кричали, размахивали руками, явно что-то доказывали друг другу. Наблюдать было интересно и смешно. Пришлось даже звук включить. Сразу вспомнилось «Уберите своих детей от наших голубых экранов».

О, боги! Что полилось оттуда! Пересказывать не стану, естественно. Но оценку дам. Или они получают огромные деньги – приглашенные в студию эксперты, или они действительно так сильно верят в то, что говорят.

Одним словом, благодаря им я обратил свое внимание на конфликт между Арменией и Азербайджаном.

Сначала просто наблюдал, потом стал копаться в истории этого конфликта, обратился к разного рода экспертам и источникам, чтобы вынести свое независимое мнение. И знаете что? Вынес. Но об этом в самом конце.

Итак. Все, что успел узнать, прочесть, посмотреть, наталкивает меня на следующее.

«Азербайджан проигрывает в информационной войне. Сильно проигрывает». Стал выяснять, почему. Оказывается, что практически все медиа в моей стране – армянские. Как так получилось? Не знаю. Но на телевидении нет людей, которые отстаивали бы позицию Азербайджана. Бывают приглашенные. Зато Шахназаров там постоянно. Хотя, надо отдать ему должное, вел себя прилично.

И еще слушал азербайджанского писателя Чингиза Абдуллаева. Не читал его произведений, не могу ничего сказать о нем как о писателе. Но как о человеке грамотном, выдержанном и интеллигентном могу сказать – да, прекрасный представитель своей страны. Вот и все, что было от Азербайджана. Если ошибаюсь, поправьте.

Самое интересное, что на этом «поражения» Азербайджана заканчиваются.

Дальше небольшой анализ последних тридцати лет.

Азербайджан развивается, становится популярным туристическим местом. Армения – нет.

Азербайджан строится. Дороги, дома, концертные залы. Армения – нет.

Азербайджан издает указ об охране русского языка, сохраняет русские школы, названия улиц (Гоголя, Толстого, Пушкина и т.д.). Армения – нет.

Армения кричит «долой русских оккупантов» и сжигает российские флаги. Азербайджан – нет.

Азербайджан совершенствует армию и вооружение. Армения – нет.

В Азербайджане имеются православные храмы. Католические церкви. Синагоги. В Армении – нет.

Азербайджан дружит практически со всеми. Армения умудрилась остаться в одиночестве не только в Закавказье.

Азербайджан воюет на своей территории. Армения – нет.

Армения бомбит мирные города вне зоны конфликта. Азербайджан – нет.

Читаю комментарии в соцсетях. Азербайджан представлен на прекрасном русском языке. Давит противника фактами. Армения кричит, матерится и проклинает.

Почти 30 лет Армения удерживала под своим контролем не только территорию Карабаха, из-за которой и началась война, а еще и семь прилегающих районов. Моему изумлению не было предела. Оказывается, Армения 30 лет чихать хотела на резолюции ООН, по которым все действия армянского руководства являются как минимум незаконными, если не преступными.

А когда я прочел про Грибоедова, про переселение им армян в Карабах, все карты и сошлись. И это российские документы. Не азербайджанские.

И как вишенка на торте – это сравнение руководителей спорящих стран.

Одного выбрал народ, второй пришел к власти путем переворота.

Один из прекрасной семьи, с великолепным образованием, второй – сомнительный журналюшка.

Один владеет, как минимум, тремя языками, второй и на родном не очень доносит мысль. Мысль – это уже комплимент от меня.

Вышенаписанное – это так, на скорую руку. Чтобы не обременять читателя длинным текстом. Больно высказаться хотелось, а времени на большее не хватило.

Хочу сказать спасибо Соловьеву. Благодаря его бездарной передаче и беспринципным «экспертам» я узнал, что такое Азербайджан.

И последнее. Когда вся эта ерунда с ковидом закончится, я поеду отдыхать.

Азербайджан – да. Армения – нет.

В Facebook обсуждается публикация бакинской армянки Марианны Нариманова, которая обратилась к бакинским армянам, поливающим в последние дни грязью Баку.

Как передает ***Day.Az 4 ноября 2020****, в своей исповеди Марианна пишет:*

Все, нет больше моих сил. Я все это время молчала. Не комментировала. Но всякому терпению приходит конец! Молчать дальше – не уважать себя!

Бакинские армяне, я обращаюсь к вам! К тем из вас, кто пишет безобразную ложь о городе, где жили, о людях, с которыми дружили. Остальные представители армянской национальности могут не беспокоиться. Просто потому, что вам никогда не понять, что это за город, что это за люди и что это такое – потерять все это.

Вам никогда не понять, как это – проснуться ночью и услышать, как срывается бакинский ветер за окном. Как шумит КАСПИЙСКИЙ прибой. Как летним вечером, когда спадает жара, с бульвара тянет прохладой. Как в выходные, рано утром, во двор приходит бабушка Шафига и кричит: «Маааацонь!!!» И голос ее разносится по двору-колодцу, поднимается вверх, будит и обещает беспечный день уставшим за неделю взрослым и дождавшимся каникул детям. Как цветет каштан в садике 26-ти. Как журчит фонтан в Молоканском садике. Как дядя Рамазан, в неизменном, и зимой, и летом, костюме-тройке, сокрушенно качая головой, поднимает с тротуара корочку хлеба и бережно кладет на бордюр подземного перехода. Как зимой кутают пальму на Парапете. Как на Новруз пахнет из каждого окна. Как можно бродить часами по Старому городу. Как, как, как, как ....

Поэтому я сама, дочь армянина и еврейки, спрашиваю вас, бакинские армяне, неужели в вашей жизни эти дни **ТАК** ничего не значили? И не надо мне сейчас рассказывать, что вас зажимали. Только не мне. Вы жили в прекрасном городе, занимали высокие должности, получали такие же зарплаты, как и все, сидели за одним столом с представителями разных национальностей. Чего вам не хватало? Не вы ли в минуты радости или горя бежали не к своим родным, а стучали в соседнюю дверь к азербайджанцу. И разве не он радовался с вами, как ребенок, или горевал, разрывая свою душу за вас? И вы в ответ радовались или горевали с ним так же искренне. Или нет? Я понимаю вашу боль, обиду, несправедливость того, что случилось. Но ведь не ваши друзья и соседи виноваты в произошедшем. Да, от этого не легче. Я не оправдываю того, что случилось. Но неужели вы не понимаете хотя бы сейчас, что вас принесли в жертву те, кого вы считали своими соплеменниками, но для которых вы были и есть ***шортвацы***[1].

Неужели каждый раз, закрывая за соседом дверь или приходя от него, вы говорили своим детям, что это враги, что они недостойны вашего «высочайшего» внимания? Неужели, пожав руку другу-азербайджанцу и поцеловав свою азербайджанскую подругу, вы жертвовали на Дашнакцутюн. Я не хочу в это верить.

Может, потому, что знаю, что для большинства из вас, так же, как и для меня, все это оказалось полной неожиданностью, что вы, как и я, по настоящему любили этот город, тоскуете по нему вдалеке, по-прежнему перезваниваетесь с бывшими соседями, оставшимися там, и да, ездите иногда в гости.

[1]от редакции: шортвац – предатель, перевертыш, просто негодяй.… В годы геноцида беженцев из западной Армении называли «КРО», в годы Советского Союза появились «ахпары» (репатрианты из Сирии), в годы Арцаха беженцев из Баку и т.д. называли как попало, «турки матор», «туркацац хай» или просто «пахстакан» предавая этому слову оскорбительный смысл! Но самое главное было разделение армян из Армении и из Арцаха! настоящие армяне только в Араратской долине, а остальные просто смесь армян с разными народностями. Они на себе почувствовали, что такое быть в Армении «шортвац».

Может, потому, что у меня были и есть настоящие подруги и друзья.

А может, потому, что мой отец-армянин учил меня, что прежде всего я – Человек. И вокруг меня Люди. Не армяне, евреи, русские, татары, немцы, а **Люди**!!

Я не знаю, что он в этот момент думал, но в одном я уверена точно: он не хотел, чтобы его дочь росла в ненависти. Потому что любил меня.

Может, потому, что моя мама-еврейка учила, что самый больший в жизни грех – Неблагодарность. И все беды начинаются с того, что кто-то забывает сказать спасибо за любую мелочь. А тем более за возможность спокойно и безопасно жить в городе, где никто не крикнет тебе вслед: Жидовка! Потому что она тоже хотела светлой жизни для своей дочери и знала, что это возможно только если в этой жизни не будет ненависти. Она тоже любила меня. Их давно нет. Мне, теперь взрослой, уже некому сказать **Спасибо** за эту любовь и за то, чему они меня научили. Я не успела. Но у меня есть время, возможность и желание сказать спасибо всем тем, кто был со мной рядом все мое детство и юность. Тем, чьи руки обнимали меня, заворачивали мне с собой так любимые мною шякярбура и пахлаву, куличи и кяту. Тем, кто ни разу не сделал разницы между девочкой-полукровкой и своими детьми. Тем, кто качал в детстве на коленях. Тем, кто защищал, не думая, что может случиться с ними. Тем, кто, гладя меня по голове на прощание, говорил: «Не плачь, Баки-бала, не плачь».

Спасибо ВАМ за ВСЕ!!!

Но особенно за то, что благодаря всем ВАМ я не озлобилась. За то, что вы были и есть. Спасибо самому красивому, гостеприимному, доброму и самому родному городу в мире – Баку!!! Я долго не могла понять, как люди, жившие в этом городе, ходившие по этим улицам, дышавшие этим воздухом, плававшие в этом море, могут писать гадости о нем. Поливать грязью людей, которые помогали им в трудную минуту. Плевать в лицо тем, кого называли своими друзьями. Я злилась, плакала, негодовала. А теперь мне просто их жалко. Они потеряли настоящую **РОДИНУ** и никогда не обрететут новой. Потому что Родина одна. Они потеряли друзей, верней которых у них больше не будет. Потому что «друзей теряют только раз». Они потеряли **ДОМ**, полный любви, света и радости. И хоть дворец построят, не будет им там так же уютно. Они потеряли соседей, которые ближе родных. А во дворцах за оградой нет соседей. Они потеряли **ЛИЦО**! И это в комментариях не нуждается.

Жаль только, что с ними все это потеряла я. Кроме, надеюсь, лица. Это у меня и тысяч других, таких, как я, они украли РОДИНУ и ДОМ в погоне за мифическим величием и маниакальной верой в собственную исключительность! Но друзей и родных, к счастью, отнять невозможно. Я спрашиваю вас еще раз, бакинские армяне, расселившиеся по всему миру: может, хоть сейчас вы задумаетесь, кто на самом деле в этом виноват? Те, с кем вы делили хлеб, или те, кто пришел на эту землю с войной? Я не жду ответа. Правду вы не скажете даже себе, даже шепотом. Да и не нужна она никому, кроме вас самих. Я только прошу вас просто вспомнить по имени маленького мальчика или девочку, которые вместе с вами играли в казаки-разбойники, плавали наперегонки, сидели за одной партой, смотрели на звезды, мечтали. Вспомните, неважно, кто это будет – азербайджанец, русский, армянин или еврей. Это все – дети Баку! Может, вам станет легче.

А я вернулась в свой город спустя 15 лет. И отвезла туда сына. Он имел право знать, где родились его родители. И он, рожденный в Москве и выросший в Нью-Йорке 14-летний подросток, влюбился в этот город с первого взгляда. Самой большой радостью для меня стали его слова: «Теперь я знаю, почему вы так скучаете, и почему ты так плачешь».

И я вернусь сюда снова. Назло всем тем, кто раздувает пожар ненависти.

И МЕНЯ ТАМ ЖДУТ!!! А вас?

ЭЛ М.КОРОНОН

Специально для Vesti.az азербайджанец родом из Агдама, живущий в Лондоне, писатель и автор множества публикаций

07 Декабря 2020

У армян два пути: либо они смирятся с поражением, либо будут в плену мифов о «великом» прошлом – ДИЛЕММА.

О народе не принято говорить плохо, мол, это люди бывают хорошими или плохими, а не народы. И все же, есть такое понятие как «национальная черта». Слепо переносить национальную черту на каждого представителя народа так же неверно, как, и наоборот, судить о народе на основании отдельных его представителей. Но всякое общепринятое правило подтверждается своим исключением: **хайи**.

Судьба сыграла злую шутку с хайами. Тысячелетиями они мирно жили компактными, разрозненными общинами в Персидской, Римской и Османской империях, занимаясь главным образом торговлей и обслуживанием господствующих народов. Это не могло не наложить отпечатка на своеобразие их духа. Он стал внешне приветливым и услужливым, хотя в глубине остался жадным, завистливым и полным ненависти. Полным ненависти по той причине, что в своей истории не столько хайи творили, сколько другие вытворяли что-то, используя их. Их унижали, уничтожали, притесняли и не раз переселяли.

Последнее крупное переселение хайев было осуществлено русскими из тюркских империй Османов и Гаджаров на южный Кавказ почти двести лет тому назад. Спустя сто лет им удается образовать государственность на этих новых для них территориях, где до того проживало преимущественно тюркское население.

Как холоп, переодевшийся в барина, не перестает быть холопом, точно так же хай, нарядившись в атрибутику государственности, не перестал быть хайем. Это ни у кого не вызывало особого удивления в следующие семьдесят лет, поскольку государственность хайев, как и прочих советских народов, имела лишь атрибутивную значимость.

Ситуация изменилась в корне с образованием независимых государств на обломках Советского Союза. Настала пора подлинного государственного строительства для новоиспеченных республик, а для России, сверх того, еще и установления новых взаимоотношений с ними. При этом Россия, конечно, бдительно и ревностно следила за соседями, не забывая проверять их на «вшивость».

Однако хайи не могли не отличаться от других бывших советских народов. Их «исключительность» тут проявила себя в полной красе. Движимые жадностью и враждебной ненавистью к тюркам, они единственные из всех вместо строительства государства избрали путь захвата чужих земель под прикрытием международного права наций на самоопределение. При этом хайам было невдомек, что во-первых, они уже однажды воспользовались этим правом при образовании республики Армения, и во-вторых, нарушают другое международное право, а именно, право о нерушимости суверенитета и целостности государственных границ. Их агрессивные амбиции прямо не противоречили интересам России.

Ведь она сама переселила их на южный Кавказ, создавая буферную зону. И потому Россия терпела это до поры и до времени.

Более или менее толковые политологи у хайев понимали, что они встали на ложный и пагубный для себя путь. И именно в этом они видят главную причину поражения Армении во Второй Карабахской войне. На самом деле главной причиной является несомненное военное превосходство азербайджанской армии, которая освободила свои земли от оккупантов на волне высочайшего военно-патриотического

духа народа. Несомненно, немаловажным сопутствующим условием поражения Армении послужило изначальное невмешательство России.

Почему изменилось отношение России к Армении? Что произошло? И что может произойти в долгосрочной перспективе?

Произошла потеря доверия. Более двухсот лет хайи втирались в доверие к русским, и вот, потеряли его всего за два года. А «потерянное доверие не вернешь». Эта поговорка, наверняка, знакома хайам, владеющим русским языком. Однако даже их самые продвинутые «головы» не хотят или не могут до конца осознать простую истину: «в доверие входят один раз, а выходят навсегда». Достаточно было начать сжигать российские флаги на площадях Еревана и переориентироваться официально на Запад, чтобы русский народ потерял доверие к хайам раз и навсегда.

Этого не изменит никто и ничто. Никогда. Ибо колесо истории вспять не повернуть. Поэтому окажутся тщетными всякого рода объяснения, оправдания и старания проармянского лобби, каким бы влиятельным оно себя не считало в российских политических и информационных кругах. С этой потерей у России возникает необходимость поиска и установления с Турцией новых, более доверительных, чем прежде, отношений.

Сокрушительное поражение поставило хайев на колени. Теперь перед ними дилемма:

Либо они смирятся с поражением и поймут, что государственность создается не сказками и мифами о никогда не существовавших былых империях, а выращивается столетиями в духе народа кровью и потом лучших его сыновей. И в этом случае хайи займутся строительством своего скромного государства в подаренном им уголке Кавказа. Поймут ли они также, что им отныне не останется ничего другого, кроме как, затаив дыхание, следить за ходом самой Большой игры в мире между ее главными силами? Вряд ли. Полная ненависти и неугомонно завистливая, жадная душа у них глуха к голосу разума. «Рожденный ползать не может летать».

Либо же они будут по-прежнему находиться в плену выдуманных для них англосаксами мифов о великом прошлом. И пребывать в заблуждении, что в будущем какая-нибудь из главных мировых сил поможет им реализовать территориальные притязания на чужие земли.

Однако впутывать крупные державы в свое неправое дело для мелких стран часто означает одно: путаться у них под ногами. А это в лучшем случае может обернуться тем, что хайи будут вынуждены вернуться назад в свое привычное в прошлом состояние: жить компактно и разбросанно по всему миру, общинами среди других народов.

И тогда будущий летописец лет через сто мог бы записать в анналах истории последние строки о недолгой судьбе Армении на Кавказе: «Хайи были одним из множества племен, живших тысячелетиями в Армении. А Армения это всего лишь географическое название в Малой Азии, и точка!». Возможно, подняв голову, он также промолвил бы про себя: «Жадность фраера сгубила».

ГОСТЬ

ВИЛЬФРИД ФУРМАН
Профессор международных экономических отношений
Потсдам. Германия

БОРЬБА АЗЕРБАЙДЖАНА ЗА МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

I

В Азербайджане более четырех недель бушует война, война за освобождение оккупированных Арменией в нарушение международного права семи районов и Нагорного Карабаха Азербайджанской Республики.

Процесс освобождения оккупированных территорий начался на юго-западе в Физулинском, Джебраильском и Зангеланском районах, в результате которых были освобождены административные столицы этих районов. В этих регионах, захваченных в 1994 году армянами, согласно Статистике СССР 1989 года, проживало 98% азербайджанцев и всего 224 армян, что составляет менее 0,2%. Цена освобождения этих земель высока. Президент Азербайджана объявил погибших мучениками-шехидами. Эти зоны являются равнинной частью с горным подъемом к Нагорному Карабаху и находятся вдоль реки Араз, так что теперь вся граница Азербайджана с Ираном вновь перешла под контроль Баку. Это означает также, что мосты у сел Гумлаг и Худаферин, являющиеся историческими памятниками XI-XII веков и частью Великого Шелкового пути, были снова освобождены. Конечно, ожесточенное сопротивление, многочисленные минные поля и заграждения задерживают продвижение азербайджанских войск.

К районам, подлежащим освобождению азербайджанской армией, ведущей боевые действия на юге, так называемой «Южной армией», относится также и Ходжавенд, значительная часть земель которого также находилась под оккупацией.

После освобождения Зангелана военные действия переместились на запад, где теперь освобождено, но частично, более половины Губадлинского района, однако эта часть все еще находится под артиллерийским огнем. Азербайджанская армия вышла на дорогу, ведущую в Лачин, а, следовательно, к так называемому «Лачинскому коридору». В мирное время это была старая почти прямая (конечно, с небольшими изгибами) азербайджанская трасса протяженностью около 50 км.

Но теперь необходимо принимать во внимание не только военные действия, но и общеизвестные факты того, что Армения оккупировала эти территории в течение 30 лет, и за это время не только не построила никакой новой инфраструктуры, но и уничтожила старую азербайджанскую. В самой Армении много свободных земель, они были заброшены обнищавшим населением, которое и раньше не обеспечивалось должным образом (сельские жители массово покидали свои дома и переселялись на окраины Еревана или уезжали за границу). Армения не может колонизировать все оккупированные территории. Она использует их как буфер и как защиту флангов для Нагорного Карабаха, на этих землях они сваливают мусор и металлолом (а также радиоактивные отходы), добывают сырье (ценную древесину – в том числе для роскошных европейских лимузинов, руду и т.д.). Даже старые плотины не обслуживаются, так что прорыв этих плотин угрожает разрушительными наводнениями не Армении, а только жителям Азербайджана, именно на равнинную часть устремится вода, снося все на своем пути. Азербайджан сразу по освобождении своих территорий начинает работы по восстановлению регионов. Фактически,

на пути к Лачину следует ожидать более сильного сопротивления, при условии, если армянские подразделения не слишком ослаблены (нехватка продовольствия и военного снабжения; да и уменьшающуюся живую силу вряд ли возможно восполнить без детей и наемников). Лачинский коридор – это «ворота» в Нагорный Карабах, то есть в его предгорье. Снабжение и пополнение для Нагорного Карабаха происходит через этот коридор, это, так сказать, «дорога жизни».

И тут сразу возникает самый главный вопрос для сражающихся там армянских частей и для каждого отдельного солдата: нужно ли мне как можно быстрее по Лачинскому коридору выбираться из Нагорного Карабаха, или я хочу умереть, сражаясь здесь (за что именно?), или я хочу остаться и в случае необходимости сложить оружие перед наступающими азербайджанцами. Итак, сколько армянских солдат согласится попасть в окружение при дальнейшем наступлении азербайджанской армии на Нагорный Карабах.

Президент Азербайджана заверил мирное население Нагорного Карабаха в том, что все их права, как граждан Азербайджана, будут соблюдены. Он заверил всех солдат, сложивших оружие, что по отношению к ним будут соблюдаться все международные правила. Это было сделано публично.

II

Положение армянских военных представляется крайне опасным. Но призывы и статьи, которые помогают Армении и/или значительно усиливают давление на Азербайджан, чтобы предотвратить надвигающуюся кровавую бойню или массовое убийство, являются непростительным преступлением, которое в то же время разжигает страхи и обвиняет азербайджанцев в дьявольских поступках, в частности, среди прочего сделана ссылка на Югославию. Публичное заявление президента Азербайджана игнорируется или ставится под сомнение, как и события войны и оккупации с 1993 года.

Азербайджан доверял, надеялся и действовал в соответствии с законом в течение 27 лет в международном сообществе и в международном праве. Он терпел несправедливость оккупации в течение 27 лет и понес большие людские и материальные потери/ущерб.

В нынешней войне Азербайджан также придерживается международного права и строго соблюдает международную границу с Арменией, в то время как азербайджанские города подвергаются артиллерийским обстрелам и бомбардировкам крупнокалиберными орудиями и ракетами с территории Армении. Но Армения не объявляла войну. Последствиями этих военных действий являются смерть (в том числе иностранцев, например, русский ребенок) и ранения, а также серьезный материальный ущерб, такой как почти полностью разрушенный город Тертер. Они стреляют с безопасных позиций с территории Армении по участкам, находящимся в непосредственной близости от трубопроводов, по побережью Каспийского моря и ударами по городу Тертер демонстрируют доступную им «точность» ударов, прекрасно зная, что Азербайджан не ведет войну против Республики Армения и не будет вести ответный огонь.

В противном случае России пришлось бы защищать своего союзника, хотя она не хочет быть втянутой в войну, поскольку считает оба народа «братьями» (министр иностранных дел Лавров 26 октября 2020г.) – братьями в старом понимании несостоявшегося СССР или потенциальных партнеров Москвы?

В то же время Россия явно пытается не подпускать к этой войне третьи страны (Франция, Турция и т.д.), потому что она не может быть заинтересована ни в дестабилизации Кавказа третьими странами, такими как Франция, ни в идее Союза исламских государств, которая затем продолжит развиваться в условиях дальнейшей

эмоциональной национализации. Однако, как показывает увеличивающееся количество грузовых рейсов в Ереван, эти усилия не кажутся полностью успешными.

Разве каждое требуемое одностороннее давление не соответствует уже вмешательству, не манипулирует восприятием общества? И не соответствует ли это фактической политике группы ОБСЕ, которая не помогла международному праву добиться разрешения этого вопроса, а лишь продолжила закреплять статус оккупации за счет Азербайджана? Однако за величайшим провалом современной дипломатии не должно последовать еще и падение журналистики.

Особенно оскорбительно то, что подобные «предупреждения» и призывы предполагают, что будто бы азербайджанцы совершили массовые убийства во время войны 1988-1994 годов, а не были их жертвами. В конце концов, **азербайджанцев** систематически убивали или изгоняли из этого **азербайджанского** региона, так что азербайджанцы там не живут и им не разрешается вернуться на свою родину. Этот факт, скорее, отражает **геноцид**, совершенный против азербайджанцев.

Бомбардировки азербайджанских городов армянской армией – это разновидность террора, направленная на деморализацию азербайджанцев. Но с учетом успехов последних четырех недель и в противовес отрицательным результатам дипломатии за прошедшие 27 лет война, количество погибших, попытка деморализации, в общем, ни к чему не привели. Скорее, это мотивировало азербайджанский народ, еще больше сплотив его и усилив власть президента. Но такое «предупреждение» может побудить молодых людей из разных стран (Греции, Франции, Ливана, Ливии и др.) броситься на помощь Армении в качестве наемников. Немецкие политики также посетили Нагорный Карабах и обещали помощь.[1]

Еще более опасным является то, что террористические бомбардировки «мирного гражданского населения», осуществляемые Арменией на государственном уровне, могут привести к террористическим актам и нападениям. Так посольство США в Баку недавно (24 октября 2020 г.) предупредило о террористических атаках в Азербайджане. И (по этой причине) люди, живущие в Баку, задумываются о 30 тысячах мирно проживающих там армянах (при этом из Армении все азербайджанцы были изгнаны). И этот риск «индивидуального» террора возрастает ввиду стремительно увеличивающихся грузовых рейсов в Ереван (доставляющих, вероятно, в Армению военную помощь, а обратно вывозящих на борту богатых беженцев), тем более, когда ходят упорные слухи о том, какие страны тайно поддерживают Армению.

Благие призывы и помощь, а также националистические лозунги не должны иметь эмоциональной окраски. Требуется ответственность.

III

Так называемая «дорога освобождения» из Лачина в Нагорный Карабах ведет сначала в Шушу, колыбель азербайджанской культуры и музыкальную консерваторию всего Кавказа. Шуша была оккупирована 8 мая 1992 года. С освобождением Шуши, будет освобожден и Ходжалы, если он к тому времени не будет освобожден другими силами азербайджанской армии. Ходжалы был оккупирован армянами 26 февраля 1992 года, вслед за аэропортом и последним маршрутом снабжения и эвакуации азербайджанского мирного населения. Здесь армянами была проведена резня азербайджанцев, вошедшая в историю как «Ходжалинская трагедия». Это событие глубоко запечатлелось в сознании людей.

Для Азербайджана освобождение Ходжалы стало бы избавлением от серьезной травмы.

[1] ***от редакции***: депутаты Бундестага из ультраправой партии «Альтернатива для Германии» (AfD) без разрешения МИДа Азербайджана посетили оккупированный Нагорно-Карабахский регион Азербайджанской Республики.

Для Армении возвращение «Нагорного Карабаха» также стало бы облегчением от этого бремени, которое все больше подавляет возможности этой страны и делает жизнь армян чрезвычайно тяжелой и обремененной. В конце концов, простые армяне жаждут не войн и мечты элит о власти, а мира и дома, развития и прочной стабильности – жизни, как любой свободный, открытый народ.

IV

Азербайджанская стратегия, по-видимому, направлена на взятие врага в клещи. Азербайджан продвигается вперед не только по юго-западному маршруту, но и через оккупированные районы к северу от Нагорного Карабаха. Это северное крыло армии освобождает районы Агдам и Тертер, оба заняты лишь частично, и Тертер находится в свободной неоккупированной части района. В Кельбаджарском районе, который уже частично освобожден, военные перемещаются в Лачинский район, чтобы объединиться с южным крылом или освободить Лачинский коридор с обеих сторон. В случае успешного движения и выполнения этой боевой задачи, Азербайджан снова возьмет под свой контроль всю свою международную границу, а район Нагорного Карабаха станет «островом» в Азербайджане.

V

Пока неизвестно, будет ли обсуждаться вопрос, выдвигаемый ранее автономной зоны/Нагорно-Карабахской Республики, поскольку (до возвращения всех перемещенных семей) не может и не будет «референдума», ни сейчас, ни в обозримом будущем.[1]

Тем не менее, о будущем следует думать и его планировать. Нет необходимости говорить о том, что сначала необходимо создать инфраструктуру (включая аэропорт). Вопрос, сколько времени понадобится на восстановление Нагорного Карабаха, открыт. Один из вариантов – создание Культурно-исследовательской зоны (особой зоны) Нагорного Карабаха, в которой должны быть размещены культурные и исследовательские объекты, включая гостиницы, оздоровительные комплексы и санатории. Институциональные, правовые и социальные рамки, необходимые для этого, пока что также не обсуждаются, но есть общая концепция, цель: все эти институты могут сформировать глобально уникальный культурный и исследовательский кластер. Все страны (от России до Армении, от Грузии до Турции и т.д.) могут быть приглашены для участия в создании индивидуальных или совместных музыкальных и театральных школ, исследовательских учреждений и т.д.

В случае успешной освободительной войны Нагорный Карабах мог бы быстрее залечить свои многочисленные раны и стать региональным кластером общего будущего.

29.10.20

---

[1] ***От редакции:*** Президент Азербайджана, выражая мнение всего азербайджанского народа, заявил: «ни о каком статусе Нагорного Карабаха речи идти не может».

ЛЕЙЛА БЕГИМ

И Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!..

ВОЙНА И МИР

Прозаический венок/ Повесть.

***

Зловещий звук электрической гитары рок-оперы «Jesus Christ Superstar» распиливал воздух так, что к горлу подступал ком, глаза слезились – то ли от разлетавшихся во все стороны воздушных щепок, то ли от ожившего в одно мгновение музыкального гения, бросившего вызов залу, замершему в ожидании действа... В последующую минуту справа, в проходе, в двух метрах от моего крайнего сидения, действительно выросла тень, скользнувшая в передний ряд. От страха я старалась не смотреть, но боковое зрение четко обрисовало хорошо знакомый мне силуэт.

– Нет, этого не может быть. Так не бывает... Здесь 4 этажа. На каждом – несколько входов в зал. Я села не в свой ряд. Не на свое место. Да и как он здесь очутился? Такого не могло...

– Могло, – эхом пронёсся ответ, магнитом тянущий меня вниз.

– Я не должна двигаться. Любое движение, любой шорох выдадут мое присутствие...

– Суть в этом, – вновь раздалось эхом, и в эту же секунду на сцене появился Иисус, и вся сцена залилась ярким светом…

– В чем? – невольно мысленно переспросила я, но с уст слетел вырвавшийся на волю «Чёрт!», под пение Иуды несущийся вслед за выпавшим из рук билетом, который скрывшись в щели между рядами, предательски приземлился на переднее сиденье.

– Это Свыше. Знак. – заключила я, осторожно подняв глаза.

Знакомый силуэт уже находился одним рядом выше. Рядом со мной.

– Ты? – растерянно, шёпотом спросила я.

– Ты... – улыбаясь, протягивая мне билет, ответил он.

... А со сцены струилась новая, неземная мелодия, медленно поднимающаяся вверх, к нам, предвещая финал – бурные аплодисменты, восторженные свисты вперемешку с «Bravo!» и долго звучащее эхом: «Love you!»

***

Love you...

– I love you, – сиплым голосом тянула Билли Айлиш, а за окном сыпал снег кадрами немого кино тридцатилетней давности...

Почти 30 лет время от времени я просматривала этот фильм и каждый раз понимала, что пронзительнее финала и не придумаешь...

Смахнув со щеки накатившийся сентимент, я потянулась к телефону.

20 непрочитанных сообщений в Вотсапе. 10 новых писем и масса оповещений в фейсбуке, который своим фейковым лицом буквально начинал поднадоедать.

– Не отвечать, – твёрдо приказав себе, я вскочила с постели. Через 15 минут я уже была за рулём, а ещё через час – у дверей офиса, к которому мысленно шла последние шесть месяцев.

***

Шесть месяцев, как мы получили долгожданную работу. Репортажи, поездки, встречи со знаменитостями наполнили нашу жизнь красочными моментами, пестрящими в социальных сетях, вызывавшими не менее яркие эмоции у наблюдавших.

«Тет-а-тет с Тиной Тёрнер», «Сто секунд настоящего времени со Стингом», «Блиц интервью с Кейт Бланшет», «Признание Призрака Оперы» краткими огненными вспышками попадали в цель.

Он держался в тени, а я невольно оказывалась в лучах славы моих звёздных собеседников. Рубрика «Искусство настоящего времени» с космической скоростью увеличивала количество подписчиков.

У меня было такое ощущение, что мы находимся на борту корабля, мчавшегося в неизвестность... Известно было только то, что я влюблена. В жизнь, в него и во все вневременное, что было связано с ним...

***

Связано с ним было многое.

Одни улицы, по которым мы, счастливые ходили в юности, скалы со стаями чаек в ожидании шторма, томящее солнце уходящего лета, стихийно залетевшее в город горе, ропот глухой ночи, чёрные пустые глазницы соседских окон, цинковые гробы, конец и начало жизни...

***

Конец и начало жизни сходятся в одной точке.

Я взяла телефон. Открыв заметки, стала записывать:

Это ты был?
Холодный пепел
Я вдыхала, ловила вкус...
И слетал с губ солёных лепет,
И с петли ночь сорвалась – в хруст,
И метались в груди две птицы,
И в два голоса дождь стенал,
И – тенями – чужие лица
Поглощала густая тьма...
И тянула магнитом пропасть,
Поднимались слова со дна,
А на небе раскрылся лотос ...
Это ты был? Шепни мне: Да.

Поставив точку, я коснулась значка вотсап. 1 непрочитанное сообщение. От него. С коротким ответом: ДА.

***

– Да. Сегодня, конечно, – мелодично протянул он. Заметив мою улыбку, добавил: – Почему?

– Потому, что я люблю тебя.

Он нежно потянул меня к себе.

Мне кажется, я помню этот час –
Звенящую прохладу водопада,
Свет восходящей за окном лампады
Как миг скользнул в шафрановых лучах,
Проникнув властным ласковым ручьём
Из тысячной ночи Шехерезады...
И разверзалась тишина, и рядом
Я ощутила ангела плечо...

***

– Я ощутила ангела плечо!

Правда, все было так реально...

– Наши сны и есть реальность. С одной лишь разницей: там нет времени.

– Вот откуда ты такой умный?

– Из твоего сна. Но сейчас мы живем в настоящем времени. Поэтому быстро вставай и марш в ванную. Я пока кофе сварю.

– Во сколько мы должны быть там?

– В два. Через четыре часа.

***

Через четыре часа мы уже были в вестибюле отеля.

Долго ждать не пришлось. Буквально через пару минут появилась высокая белокурая молодая женщина, которая и проводила нас к нашему герою...

– Настоящий герой! Мне не верится, что я его увидела!

– Жаль, что он не увидел, какая ты красивая у меня!

– «Three wonderful minutes with Stevie Wonder» will rock current time!

– Three wonderful min with my Nata will rock a time![1]

– Я люблю тебя!..

***

– Я люблю тебя... Только нам надо через час быть в редакции. Если опоздаем, никто не станет выслушивать наши признания

– Чтоб получить признание Стив Уандера, поверь мне, нас выслушают.

– Верю. И жду тебя в машине.

В редакции нас уже ждали.

– Ну? Есть что-то новое? – едва отведя взгляд от лаптопа, спросил редактор.

– Да.

– Что?

– Признание от Стива Уандера.

– Какое?

– На вопрос: что бы вы сказали маленькому, 5-летнему Стиву Уандеру, если бы встретились с ним?

– Я бы нежно обнял и поцеловал его в глаза... и поблагодарил. За преданность.

– Очень трогательно! Только поэт может вдохновить незрячего гения на такое откровение...

– Только моя Ната так умеет, – шепнул он мне.

Я улыбалась и понимала, что я счастлива.

Сегодня. 23 сентября. А завтра впереди еще один счастливый день – мой ДР и я возвращаюсь домой, к детям.

В этот день дома всегда пахло вином, яблоками и корицей.

[1] Три волшебные минуты со Стивом Уандером встряхнут настоящее время!
Три волшебные минуты с моей Натой минуют время! – **перевод автора.**

И в этот раз всё так и было. На этот раз – благодаря моей дочери, которая напекла сладостей и накрыла стол.

Как всегда, на 5 человек.

***

«Как всегда, на 5 человек у тебя накрыт стол.

Ты в новом красном платье. Латунный поясок, подчёркивающий твою тонкую талию, так блестит, что режет мне глаза....

Ты дома, счастлива ... А я...

Я через океан от тебя. За оконной рамой твоей поэзии...

Сегодня я, как и ты, в красном. В рубашке, которую подарила мне ты.

Я тоже счастлив. Правда.

Потому, что у меня есть ты...»

Прочитав это сообщение, я послала ему сердечко и отложила телефон.

Впереди целый месяц.

***

Впереди целый месяц – так я думала ещё пару дней назад. Но вой, ворвавшийся в нашу жизнь, сорвал все планы.

Вой - на, – стучало в голове.

Война, – получила я сообщение. – Я должен срочно вылететь в Баку.

– Понимаю...

– Я, видимо, сразу отправлюсь в горячие точки. Должен быть там. Не знаю, как будет со связью.

– Понимаю...

– Мне надо собираться. Я тебе наберу из аэропорта.

– Ок.

– Это все, что ты хочешь мне сказать?

Я хотела написать ему, что мне страшно за него, что я боюсь. Но чувства, захлестнувшие меня, были настолько противоречивы, что я ничего не соображала.

Я столько писала о войне, но поняла одно – я ничего о ней не знаю... И не знаю, как реагировать на неё.

Когда она подошла к моему порогу, оказалось, что я к ней не готова! Я не знала чего ждать от неё. С одной стороны – она, наконец, пришла, чтоб освободить наши земли, а самое главное – нас – от душевной боли, от чувства стыда, присущего побежденному. С другой стороны, я вдруг ясно поняла, какой ценой может достаться эта свобода.

Может, действительно свобода кроется под могильными плитами? Нет!

Только не это. Только не это!...

***

– Только не это! Пожалуйста, ты не должна плакать!

Его голос звенел у меня в ушах.

Слова, которые он успел мне сказать прямо перед отлётом. А после – сообщения до него уже не доходили.

В связи с войной интернет в Баку работал с большими перебоями. Шёл третий день войны. Второй день известий от него не было.

Я толком не ела, не спала. Все привычные домашние дела решались на автомате. Лента фейсбука пестрела обнадёживающими новостями с фронта, которые не могли не радовать. Но радость быстро сменялась то чувством щемящей боли, то – удушливым беспокойством. Как раз в такой момент, когда я задыхалась от тяжелых мыслей, мне пришло сообщение.

– У меня все ок. Как ты?

– Наконец! Ты где?

– В Тертере. Подпишись на страницу «Silver Wolf» – в фейсбуке, инстаграмме и твиттере. Вотсап не всегда работает. По моим постам ты будешь знать, что я жив и здоров.

– Я боюсь за тебя.... И горжусь тем, что ты – там.

– Я здесь. И ты рядом. Всегда.

– Да...

– Я должен идти.

– Береги себя. Пожалуйста.

– Люблю.

***

«Люблю!!!»

Писала я ему каждый раз, когда читала короткие, точные и взрывные, как удары по врагу, сводки с фронта,

Они разлетались в сети фейсбука, как осколки снарядов.

Стремительное продвижение наших войск по всем линиям фронта, освобождение земель пядь за пядью ускоряло ход времени. Дни летели стаей птиц, возвращающейся домой, в Шушу.

Я послала ему песню, музыка и слова которой родились за месяц до войны. Бархатный, родной, как шушинский воздух, голос певицы, проникающий в самые глубины души, бальзамом разливал каждую нотку и каждое слово песни.

Ночью пришёл ответ:

– Прекрасно!

Ты – крепость моих грёз! Ты – моя Шуша! Жди – совсем мало осталось...

Я, конечно, ждала. Ждала каждую минуту...

***

Я ждала каждую минуту. Последний его статус в фейсбуке был датирован позавчерашним днём.

Шел 30-й день нашей 30-летней войны.

Шёл уверенным, победным маршем

За 30 лет нам не удалось сделать и сотой части того, что мы сделали за месяц.

Мы приближались к самому дорогому для нас, самому заветному....

А он не появлялся. Я каждые пять минут проверяла сообщения, его страницу в фейсбуке, новости.

«Вражеская сторона несет большие потери в военной технике и живой силе», – читала я в новостях. А что теряли мы?

Он продолжал молчать, и этот вопрос сводил меня с ума

Ночами мне становилось совсем страшно. Находясь за десятки тысяч километров от зоны боевых действий, я видела, как разрываются снаряды... И сама срывалась на плач...

Не раскачивай землю!
Не бросай в ее недра снаряд!
Посмотри! Это тело
Твоей матери, выпившей яд!
Не кромсай на кусочки!
Потуши поскорей горизонт!..
Зовом сына и дочки
Старый колокол бьёт!

Этот звон
Рассыпается градом
Над горящей твоей тишиной!
Не раскачивай землю!
Не стели саван в ночь надо мной!

Неожиданно пришло сообщение:
– Не публикуй эти стихи. Не сейчас.
– Сейчас есть только ты!!! И я люблю тебя!

***

– И я люблю тебя!
Я перечитывала его ответ в сотый раз и представляла то, как он вернулся.
Пытаясь увидеть конец войны, день победы, нас, живущих не прошлыми горестями и будущим счастьем. Нас, счастливых в настоящем времени.
Но когда ты хочешь ощутить вкус счастья, в памяти неизбежно всплывают эпизоды прошлого, в которых этот вкус перебивает все остальные...

– Ната, постой! Почему тебя не было на лекции?
– Я была в библиотеке. А что?
– Ну, не дуйся!
– Я не дуюсь. Я просто тороплюсь домой.
– А можно мы вместе поторопимся?
– Ну к чему тебе такой круг делать?
– А я не буду кружить. Я приземлюсь у тебя. Ты же угостишь меня чаем?
– Но скоро комендантский час.
– У меня один комендант. Когда скажешь – я пойду домой.
– Я комендант? Ах так, да?
В следующее мгновение я сама не поняла, как оказалась в его объятиях.
До сих пор помню эти руки, запах кожи и вкус первого поцелуя... Вкус счастья.

***

Вкус счастья у каждого свой.
У меня он связан с ним. С моей первой, неосознанно чувственной и зрелой, полной нежности любовью.
Между первой и второй ипостасью моей любви лежал долгий, многолетний путь.
От горького расставания до неожиданной благословенной встречи....

Благословляю этот день и час,
Магнитное мгновение рожденья,
Взмах дирижерской палочки-луча
И первый знак земного притяженья.

Притяжение земли... Оно и разлучило нас ... Когда началась война, он сказал, что не может продолжать учёбу, пока его землю топчут враги. И записался добровольцем.
В Баку было неспокойно, и мама, у которой все родственники в Москве, решила, что мы должны переехать. Вернее, так решил ее старший брат. Папы уже два года, как не было... Так мы и переехали в Москву. Я перевелась в МГУ на журфак.
Здесь я и познакомилась с Францем.
Полтора года Франц ухаживал за мной.

Через семь лет с четырехлетним сыном мы переехали к нему на родину, в Берлин.

Ещё через 7 лет нас уже было четверо. Тогда же к нам переехала мама.

Мы с Францем жили дружно, но что-то не клеилось... Когда дети подросли, мы решили с ним жить порознь.

Наш союз украшали только дети.

***

Только дети могут беспристрастно дифференцировать несправедливость.

– Мама! Люди гибнут и на той, и на другой стороне!

– Ты права. Но не мы развязали эту войну. Если бы в твой дом вошли грабители, нагло заняли его, а тебя выгнали за дверь, что бы ты делала?

– Пошла бы в суд!

– Правильно! А если закон на твоей стороне, но они все равно не выходят из твоего дома, что бы ты сделала?

– Потребовала бы выйти из моего дома.

– А они в ответ стали бы убивать твоих детей. Тогда что?

– Я бы тоже их убила.

Вот именно это сейчас и происходит.

Это не межнациональный конфликт. Это конфликт между законом и беззаконием.

15-летняя дочь понимала, но мир, оглохший на одно ухо, отказывался понимать.

Мир, прятавший за спиной оружие, призывал к мирным переговорам. Мир, под развалинами человечности которого гибли дети, продолжал вооружать человечество.

Мир, сотворение которого было чудом, обретал формы чудовища.

И он писал об этом, подкрепляя свои хлёсткие, как пощёчины, высказывания фотографиями погибших детей....

Господи, когда же все закончится? Когда?... – писала я ему.

Пока ты борешься за мир,
И верой освящаешь слово,
Во сне являешься, как Овод,
Вождям зловещей кутерьмы,
Я тихо за тебя молюсь.
А за окном нищает осень,
И лунный серп минуты косит,
И в форточку сочится грусть...

***

В форточку сочилась грусть... Первый луч ноябрьского солнца пробивался сквозь неплотно занавешенное окно, напомнив сегодняшнюю дату.

1 ноября. Сегодня его ДР.

В Вотсапе было 2 сообщения. Оба от него.

Первое, полное нежности, говорило о том, что он скучает, и осталось совсем мало, и мне не надо ни о чем беспокоиться. Мне хотелось перечитывать его сотни раз, но я прочла следующее сообщение, в котором он просил перейти на Gmail.

Я открыла почту и начала читать его письмо.

«Привет. Всё, что я расскажу, сохрани, пожалуйста. Может, когда вернусь, напишу повесть. С моим телефоном здесь может случиться все, что угодно».

Меня стали душить слёзы, но я продолжила чтение:

«Итак, бои шли в 3 км от Шуши. Мы вошли в одну из деревень.

Все здесь было до боли знакомым и вместе с тем чужим..

Мне казалось, что я вижу сон.

Было по-осеннему зябко, но сырая от утреннего дождя земля пахла весной... И я невольно вспомнил тот день... Я рассказывал тебе, как тогда меня спрятала и выходила молодая беременная женщина, муж которой был на фронте. По другую сторону фронта...

До сих пор удивляюсь ее мужеству. Тому, как она скрывала меня, лечила и позже помогла бежать оттуда.

Из логова ненависти, в котором совершенно удивительным образом выжила милость...

Так вот, я вдруг понял, что мы находимся именно здесь, в той деревне. Я узнал даже скамейку, за которой в кустах я прятался в ту ночь, когда бежал...

Сегодня деревня была пустой.

Но какое-то подспудное чувство подсказывало, что где-то скрываются люди.

Я шёл по мертвым улочкам, не чувствуя своих ног. Только чавкающая под ногами грязь говорила о том, что это не сон. И это я, вернувшийся сюда 28 лет спустя.

Невольно ноги сами понесли меня вперёд. Я ускорил шаг и оказался перед знакомым домом. Я открыл калитку и вошёл.

Двор был безлюден. Но неожиданно раздался лай. Навстречу выбежала собака, приветливо виляя хвостом. Неужели это была она ?

– Нет, не может быть, – подумал я. – Собаки столько не живут. Но она была вылитая Динга!

Я рассказывал тебе, как эта добрячка зализывала мне раны на ногах.

Это мохнатое чёрное чудо и привело меня к железной калитке, от которой шла лестница вниз.

Я понял, что дальше идти небезопасно и быстро повернул назад, за ребятами.

Через минут двадцать я в сопровождении наших солдат опять стоял у железной калитки.

Собака на этот раз встретила нас недружелюбно. Один из наших предложил убить ее, но я не позволил.

Я крикнул ей: Динга, на место!

Завиляв хвостом, она подбежала ко мне и стала меня облизывать.

Тем временем наши солдаты уже вошли и обыскали дом, но там никого не было.

Я знал, где надо искать.

Наш командир был в курсе моей истории, связанной с этим домом. Я попросил его позволить мне пойти вперёд.

По военным правилам я, как военный репортёр, не имел на это права.

Он кивнул, и я спустился по ступенькам вниз.

Собака пошла за мной.

Внизу я очутился перед деревянной дверью.

Я стал в нее стучаться, но никто не откликался. Тогда я прокричал, что я знаю, что там кто-то скрывается. И если они не выйдут, мы подорвем этот дом.

В ответ раздался знакомый женский голос.

– Не делайте этого. Здесь со мной 3 воина. Каждого из этих мальчиков дома ждут родители. Если эти дети выживут, их родители будут до конца своих дней благодарны вам – воинам, не убийцам.

– Я поэтому и прошу вас выйти, – ответил я ей. – Мы не собираемся убивать вас.

– Мы не верим тебе, – раздался мужской голос.

– Как мне убедить вас? – ответил я. – Давайте так. Я сниму свой бронежилет. Нас здесь десять человек. Но в деревне, как вы понимаете, расположилась вся наша, азербайджанская, воинская часть. Я войду к вам без бронежилета. Но если вы пристрелите меня, вы все будете убиты.

– Мы не верим тебе! – твердо раздался тот же голос.

Видимо, по-русски могли говорить только она и он. Тут я решился признаться.

– Люся, ты не узнала меня? Вспомни, май 92 года....

Ледяное молчание, длившееся пару долгих секунд, буквально треснуло от теплоты звонкого голоса.

– Вай аствац! Неужели это ты?! – затрещала дрожащим голосом она.

За дверью начались бурные обсуждения. Судя по тону, она спорила с кем-то.

– Подожди минутку, – обратилась она ко мне. – Я им хочу объяснить, что ты не обманешь.

– Объясни им, что мне незачем обманывать. А им нечего сопротивляться.

Через две-три минуты она сказала:

– Мы готовы выйти.

По моему приказу они выходили один за другим. Подняв руки кверху, они поднялись по лестнице. Там их встретили наши ребята.

Но в следующую минуту произошло то, чему я до сих пор не могу дать объяснения.

Кто-то прыгнул на меня сзади и начал душить...Я ощутил острую, жгучую боль под лопаткой...

Дальше раздался лай собаки, выстрел, завывание, захлебнувшееся хрипом..

Прямо у моих ног лежала мертвая собака.

Одновременно разнесся неистовый крик... Вопль Люси до сих пор у меня в ушах. И в это же мгновенье чертенок – крепкого телосложения подросток, спрыгнув с меня, бросился в объятья Люси. Он оказался ее сыном.

Я не понимаю, как я мог его не заметить? Откуда он выскочил?

Не знаю... Дальше я уже ничего не видел. Потерял сознание.

Он успел ранить меня ножом. Но ты только не волнуйся. Я в госпитале, меня лечат. И, надеюсь, я здесь пробуду недолго.

Так я встретил свой ДР.

Береги себя. Очень скучаю. Я тебя очень люблю!

П.С. Ты не переживай ни о чем. Увидимся. Полшага до победы...»

Слезы душили меня. Я уткнулась в подушку и громко заплакала.. А в голове стучало одно: «Полшага до победы».

Полшага до победы!
Полшага до тебя!
Снова ожили веды,
В горны ведьмы трубят.
Бездыханное поле
Полыхает огнём...
Онемевшая воля
Волком мчится в мой дом.
Одинокого зверя не затравит никто!
Полшага до победы!
Только мир далеко...

***

«Только мир далеко... Это правда, – написал он мне через пару часов из госпиталя. – Они не успокоятся и после. Ты будь там очень осторожна».

Почему его письмо было таким коротким? Я пыталась дозвониться к нему, но все тщетно. Соединения не было.

Шел 42-й день войны. Отовсюду летели сообщения о том, что мы взяли Шушу, но, судя по официальным источникам, шума было больше, чем продвижений на фронте. Хотя я была склонна думать иначе.

Между тем подходило время нашего совместного проекта. Я уже сообщила в редакцию о том, что буду одна работать над репортажем.

Но в глубине души я надеялась на чудо...

Чуда не произошло, не считая молниеносного взятия Шуши и последующей, неожиданной для всех, и для вражеской стороны, их капитуляции.

Война, второй раз бурей ворвавшаяся в самое счастливое время нашей жизни, так же внезапно стихла.

Не утихала только боль.

Боль в сердце, переполненном радостью и скорбью, счастьем и горечью.

И ожиданием. Томительным ожиданием его возвращения.

***

Томительным ожиданием его возвращения было пронизано всё. Большими стежками оно сшивало все фрагменты моей повседневной жизни. И даже терпение, которое порой лопалось,и тогда я, несмотря на бушевавший повсюду Covid, готова была вылететь в Баку

И мои письма, в которых я просила его слушаться врачей.

И мои молитвы.

С последнего короткого сообщения от него прошло 48 часов.

На мобильный звонки по-прежнему не доходили, и я решила позвонить в госпиталь, о котором он упомянул в одном из писем.

– Такого человека нет здесь, – ответили мне.

– Как нет?! Но он был госпитализирован?

– Нет, ханым. Это какая-то ошибка.

У меня потемнело в глазах.

– Ты в порядке? Мама! .. – надо мной склонилось взволнованное лицо дочки.

– Да... – ответила я и, крепко обняв её, разрыдалась.

Следующий месяц прошел в мучительных и безрезультатных поисках его через соц.сети, через общих друзей.

В тягостных мыслях и анализе ситуации, где вновь дала о себе знать старая, но, как оказалось, незаживающая обида.

Обида, живущая в воспоминаниях. В старой московской квартире, в конце лета 1992 года...Все эти годы я старалась не вспоминать тот день. Через две недели после моей помолвки с Францем. Тот неожиданный звонок, который подарил и радость, и горечь одновременно.

– Ало, Ната?

– Ты?! Господи, ты жив!!! Я так ждала...

– Ждала?! Ты умеешь ждать?

– Что ты имеешь в виду? Ты пропал....Все уверены были....

– Остановись. Не надо объяснять. Я всё знаю.

– ...Но ты...

– Что я? Я был ранен!
– Но ты должен был сообщить!
– Я не мог. И вообще... Я позвонил тебя поздравить. Будь счастлива!
Эти слова и краткие частые гудки в телефонной трубке прозвучали смертным приговором моим к нему чувствам, которые душила обида.
На него, на себя, на судьбу.
Но, как оказалось, любовь уцелела. Она пряталась в самом укромном уголке моего сердца и ждала своего часа.
Этот час наступил через 30 лет.
Случайная встреча выпустила ее на свободу...

– Ты не вспоминал меня?
– Я не забывал тебя…
– Почему ты не искал меня?
– Я был далеко. Когда заморозилась наша война, я понял, что не могу жить под мирным небом, где продолжает царить несправедливость.
Война сеет разрушительный вирус ненависти. Но я был привит.
И я решил быть на войне, чтоб рассказывать о ней правду.
– Значит, ты и завтра можешь меня оставить?..
– Давай пока наслаждаться сегодняшним днём...

Воспоминания погрузили меня в сон…
Мы на набережной. Штормит.
Я бегу. Он догоняет меня. Берет на руки. Кружит.
Шепчет: загадай желание!
Я загадываю…
Потом он исчезает. Я оказываюсь в комнате. В руках мобильный…
Телефонный звонок разрезает ночную тишину:

– Ната... – далёким эхом разливался его голос.
– Ты?.. Где ты? Я искала тебя...
– Знаю. Я был ранен.
– Но тебя не было в госпитале!
– Я не мог дать точные координаты. Они взламывали наши аккаунты.
– Но где ты? В Баку?
– Нет. Ната... Я тебя очень люблю!
– Когда ты возвращаешься?
– Ната. Я не могу вернуться.
– Почему?..
– Я нахожусь далеко.
– Но..
– Я не могу иначе...Поэтому я и здесь сейчас...
– Где ты?..
– Я дам тебе знать. Ты только верь, пожалуйста, верь и не забывай меня. Я люблю тебя!..
– И я люблю тебя!

За окном брезжил рассвет... Звёзды гасли по одной... И только самая большая долго горела, освещая небесную сцену ярким светом…

Прага, 14.11.2020.

АЛАДДИН ЯГУБОВ

Участник 1 Карабахской войны

Многие мои друзья знают, что я зарекался публиковать свои стихи о Карабахе до того момента, пока он не вернется к нам. Теперь этот день наступил. Я снимаю табу и выставляю стихи тех лет с некоторыми изменениями, исходя из сегодняшних реалий.

Баку. Двадцатое. Январь

Туманом серым стелет гарь.
Кричащих чаек в небе стая.
Баку. Двадцатое. Январь.
Наивный мир, к тебе взываю!

Открой глаза, ту боль узри,
Что с губ моих сорвалась криком.
Я с первым всполохом зари
Склоняюсь к траурным гвоздикам.

Ты видишь, стонущий Хазар
В цвета кровавые окрашен.
...Но шар земной, ослепший шар,
Кружась, не видит скорби нашей.

В реке людской, за шагом шаг,
Я кулаки иду сжимая.
Приспущен мой трехцветный флаг -
Отныне скорбь родного края.

Листки роняет календарь,
Века сменяются веками.
Баку. Двадцатое. Январь.
Кровавой раной вечно с нами!

Я видел детские глаза

Я видел детские глаза, в них затаился страх.
В зрачках испуганных огнем горел мой Карабах.

Я видел детские глаза, в них отражалась боль.
Слеза сбегала по щеке и проступала соль.

Я видел то, что никогда не даст спокойно спать.
Ребенок, плача, обнимал расстрелянную мать.

И заглушая крик, упав в промерзшую траву,
Не мог понять я одного: как, я еще живу?

И эта смерть, и этот плач – безумия предел.
Я видел это в тридцать лет – и в тридцать постарел.

Я видел детские глаза и отводил свои.
Рождались гнев и злость во мне, и не было любви.

Я боль и ненависть свою до этих дней пронес.
– Не стоит мир и все, что в нем, и капли детских слез!

Я просто дом свой защищаю

Еще не кончена война.
Пропитан воздух дымным смрадом.
И даже если тишина,
то смерть гуляет где-то рядом.
Но я, прерывисто дыша,
презрев ее, дождусь рассвета.
Встречай меня, моя Шуша,
азаном с древних минаретов.
Разлуки боль в моих глазах
развеет радость нашей встречи.
Я возвратился, Карабах,
и навсегда теперь... НАВЕЧНО!
Я тридцать лет к тебе шагал,
сжимая зубы шаг за шагом,
вгрызаясь в крутость мокрых скал,
взбирался вверх с трехцветным флагом,
чтоб на вершине водрузить
назло бегущей «волчьей стае».
... Я не пришел кому-то мстить,
Я ПРОСТО ДОМ СВОЙ ЗАЩИЩАЮ!!!

Все обошлось

Все обошлось.
Я жив! Я дома, мама!
Но почему глаза твои грустны?
Под перелив журчащего мугама
Ты, словно в праздник, ищешь тишины.
Все обошлось.
Я и не ранен даже.
Пройдя по полю тысячи смертей,
я возвратился в дом с победой нашей,
припасть к руке натруженной твоей.

Все обошлось.
Победа, сын! И все же...
Мне слез своих не спрятать, не унять.
Ты жив, сынок. Мне нет тебя дороже.
Но в доме рядом плачет чья-то мать...

Звездный взвод

В шеренге, с края, средь погибших
я был единственный живой!..
Мне друг сказал: «Ты, брат, здесь лишний.
Иди домой!
Иди домой!»
«Меня, меня с собой возьмите!»
– друзьям кричал своим я вслед.
Тянули звезды с неба нити,
и лился свет.
И лился свет.
Свои пытаясь спрятать слезы,
я долго слышал голоса.
Взвод уходил дорогой звездной
на небеса.
На небеса!
Наступит день, я точно знаю,
и я зажгусь в ночи звездой.
Шеренгу с края замыкая,
я встану в строй.
Я встану в строй!

Не про Париж

Когда в краю моем наступит тишь,
и прорастет надежды доброй семя,
я напишу, быть может, про Париж.
Ну, а пока... Пока еще не время!
Пока еще огнем мой край объят,
кровоточат на теле нашем раны.
Другие песни буду петь я, брат.
Не обессудь... но о Париже – рано.
Когда не будет женских слез и мук,
и мать не вздрогнет старая, услышав
затвора передернутого звук,
я, может быть, спою вам о Париже.
Пока же, мне поверь, не до него,
не до Монмартра и не до «Джоконды».
Лежит гитара где-то далеко,
другие подбираются аккорды.

Вставай, иди

Все надо делать тихо, молча,
без слов собрав под знамя рать.
Как только народилась сволочь,
ее при родах убивать.
Не говорить про компромиссы,
когда не хочет оппонент.
Ну, не желают мира крысы,
так пусть война дает ответ.

Оставим горе-демагогов -
их болтовня равна нулю!
Душить пора бы бандерлогов,
стянув безжалостно петлю.
Настало время, боль упрятав,
оставить злость одну в груди.
Сын – за отца, и брат – за брата,
Бери ружье!..
Вставай!..
Иди

Полет орла

(Отрывок из поэмы «Страна огней»)

От самых берегов Араза
Орел поднялся к облакам,
Окинув землю зорким глазом,
Он тенью крыльев, как алмазом,
Нарезал часть земли и нам.
И повелел устами Бога
Жить в благоденствии на ней.
Беречь, словно зеницу ока.
Хранить её от злого рока
От первых до последних дней.
С тех пор река времен немало
Столетий в вечность унесла
То разливалась, то устало
В простой арык себя вгоняла
И по полям судьбы текла.
Великих предков наших пламя
Храним, шагая мы вперед.
Идем уверенно и знаем,
«Однажды поднятое знамя
На землю больше не падет»!!!

ВЛАДИМИР МИШИН
ШАМИЛЬ СУЛЕЙМАНОВ

ТРЕТЬЯ ДРЕВНЕЙШАЯ*

Операция «Могол»

Основано на реальных событиях

Глава первая. В узком кругу

Совещание в кабинете первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Вели Ахундова проходило «в узком кругу»: помимо партийного лидера республики, присутствовали Председатель Совета Министров Азербайджана Энвер Алиханов и председатель республиканского КГБ Александр Кардашев.

Ахундов, обращаясь к генералу, «обозначил проблему»:

– Добыча нефти в республике за минувший год выросла. Это, безусловно, успех! Но на общесоюзном фоне Азербайджан начинает сдавать позиции первой нефтяной республики Союза – мы, к сожалению, уступили лидерство Башкирии и Татарстану.

Ахундов выдержал паузу – участники совещания должны проникнуться важностью момента! – и решительно (в вопросах технических первый секретарь – врач по образованию – разбирался слабо, зато опыт управленческий за спиной богатый: в 1954 году – министр здравоохранения Азербайджана, в 1958-м – Председатель Совета Министров, в 1959-м – первый секретарь ЦК) рассёк кулаком воздух:

– В кратчайшие сроки нефтяное лидерство Азербайджану необходимо вернуть!

Первый секретарь сверкнул глазами, поправил галстук: задача – политико-государственная! – подчинённым поставлена, дальше пусть сами думают-соображают, как выполнить предначертанное.

Аналитические справки о ситуации в нефтяной отрасли – как «информация для размышления» – на стол генерала Кардашева ложились регулярно, поэтому цифры, названные Вели Ахундовым, для председателя КГБ республики не были новостью. Да, нефтяники Азербайджана в 1962 году добыли 19,7 миллиона тонн нефти – на миллион больше, чем годом ранее, но в общесоюзном зачёте доля республики снижается, это факт: перед войной – свыше 75%, а сейчас – менее десяти. Вторая печаль – всесоюзный Госплан планирует «от достигнутого», поэтому задания по добыче растут каждый год. Азербайджан ещё какое-то время плановые задания Центра вытянет, но через несколько лет неизбежен срыв. А за невыполнение плановых показателей, за провалы в работе Москва может «посоветовать» коммунистам республики поменять руководство. Об этом Ахундов не сказал, но и без прямого текста ситуация просчитывается легко.

«Безопасность на промыслах, при транспортировке нефти и её переработке КГБ обеспечивает. Значит, цель совещания – не дежурно-отчётный призыв «повысить бдительность», – слушая первого секретаря – хмурого, озабоченного, – подумал генерал Кардашев.

* Журнальный вариант. Первый роман из этого цикла – *Шведский гамбит Управления «Т»*. – см. «Литературный Азербайджан», №№ 2, 4 – 2014

Мотивы тревожно-печального настроения Ахундова для председателя ясны и понятны: на гербе республики – нефтяная вышка, но почивать на прошлых заслугах с каждым годом всё труднее. Азербайджану – и руководителю республики – необходимы новые успехи: в добыче, в технологиях разведки, переработки! Главное, разумеется, миллионы, нет, миллиарды тонн нефти! Лучше – добытые! Но можно и открытые, до поры до времени в пластах глубинных хранимые. И не суть важно, свои или чужие спецы придумают-сконструируют тот «архимедов рычаг», которым «Азнефть» поднимет планов громадьё, наполнит отчётные речи цифрами успехов и достижений!

«Похоже, за этим – за научно-техническими откровениями зарубежных умов – меня и пригласили…» – нащупал цель совещания генерал Кардашев – и не ошибся.

«Развил тему» совещания Предсовмина Алиханов – по образованию инженер-геолог, в недавнем прошлом – министр нефтяной промышленности Азербайджана.

– Проблема в том, Александр Васильевич, что нефть на суше из скважин в Азербайджане начали добывать в 1847 году. За сто с лишним лет извлекли из недр почти миллиард тонн! Достойный, конечно, вклад в общесоюзную копилку, особенно в годы войны (Ахундов и Кардашев согласно кивнули). Но пласты старых месторождений обводнены, качаем не столько нефть, сколько воду. Дальше будет ещё хуже, хотя нефть есть – на шельфе Каспия. По оценкам специалистов, много нефти! В сорок девятом году мы начали работу на Каспии – на Нефтяных Камнях[1]. Но платформы, эстакады на сваях – это хорошо для глубины моря в двадцать, двадцать пять метров. А большая нефть – на больших глубинах. И сначала её надо найти – для этого необходимо бурение разведочных скважин. Строить ради одной такой скважины тяжёлую платформу – большой экономический риск. Если нефти нет, труд, ресурсы, деньги, считай, выброшены на ветер, поэтому у нас в республике в институте «Гипроморнефтегаз» конструируют самоподъёмную буровую установку – её можно использовать многократно. Идея конструкции самоподъёмной очевидна – выдвижные опорные блоки. Привели буксиры установку на точку, нефтяники выдвинули опоры, упёрлись в дно, закрепились – дальше бурение. Идея и правильная, и технически – при достигнутом Азербайджаном конструкторском и промышленном потенциале – реализуемая. Но самоподъёмная установка – это глубина воды в точке бурения максимум в шестьдесят метров. А нам нужны установки, которые могли бы бурить на глубине в несколько сотен метров! «Гипроморнефтегаз» получил техническое задание на глубоководные установки, работа идёт, но конструкторского успеха, к сожалению, пока нет.

Алиханов выдержал паузу, дал генералу КГБ время проникнуться, осознать «историческую значимость момента» и деликатно завершил спич:

– Мы и решили обратиться к вам, Александр Васильевич! Не могла бы разведка «позондировать зарубежную почву»? Глубоководные залежи нефти и газа наверняка есть и в Северном море, и у берегов Америки. Следовательно, англичане, норвежцы, американцы не могут не думать над решением задачи, как их найти! Если бы разведка смогла получить «на дальних берегах» нечто инновационное, большое и нужное для страны, для республики, дело свершил бы комитет!

Генерал задумался. Порадовать, да просто обнадёжить (казалось бы, это легче лёгкого!) руководство республики председателю было нечем: 1-й отдел республиканского КГБ работал, во-первых, по линии политической разведки, во-вторых, исключительно в Иране. Турецкое отделение то открывали, то, потеряв время и деньги «на пустую агентурную породу», закрывали – не шли дела у комитета на Босфоре, не шли! «Чтобы «прозондировать» англичан-американцев, нужны новые люди, новое направление работы! Для этого необходимы «добро» (санкцию получить нетрудно)

[1]Нефтяные Камни – первое в мировой истории морское нефтяное месторождение. Расположено на шельфе Каспия в 42 км к востоку от Абшеронского полуострова. Осваивается с 1949 года с искусственных оснований (насыпных и на сваях)

и помощь (с этим сложнее) Центра. Москва инициативу может одобрить. А может, припомнив турецкие мыльные пузыри, и отказать, – оценил ситуацию генерал. – Но «попробовать на зуб» научно-техническую линию надо! «Инициативу чекистов республики» Ахундов и Алиханов поддержат партийно-государственными бумагами в Центр – и организационные вопросы мы решим. Сложнее с кадрами – наукой-техникой чекисты республики прежде не занимались… Но со временем – раз дело новое, результаты работы мудрое московское начальство спросит не завтра! – решим и этот вопрос. А вот добыть – наверняка засекреченную! – документацию на новое зарубежное оборудование, работая из Баку, без посольских резидентур («сфера интересов и влияния» Первого Главного управления[1]), – это большой вопрос!»

– Если необходимо письмо в Москву, в ЦК, другая помощь, за этим дело не станет, – мягко произнёс Ахундов.

«Партия и правительство решение приняли, но исполнять его рядовым бойцам. А где их взять, если «в нашем департаменте» научно-технической разведкой никто и никогда не занимался?..» – подумал, прощаясь с «вождями», генерал.

***

Алиханов, когда за генералом Кардашевым закрылась дверь, повернулся к Ахундову:

– Если КГБ выполнит задание, построить – для бурения на глубокой воде – установку, даже имея всю необходимую документацию, будет непросто. Потребуются новые технологии, оборудование, специалисты, материалы… Москва может нам в этом деле помочь – финансами и техникой. И тогда в Азербайджане появится новая отрасль промышленности! Ну и на шельфе дела пойдут! А может и забрать добытую чекистами документацию в Центр… Эти вопросы стоит проработать заранее!

Ахундов покачал головой:

– Не торопи события, Энвер! Пусть сначала разведка поработает, результат даст, а там видно будет.

«Волга» неторопливо выехала из цэковских ворот, вырвалась на проспект Нефтяников, покатила в Загульбу, приморский посёлок на Абшероне. «Первое лицо» ехало в потоке машин без мигалки и гаишного сопровождения, притормаживало у светофоров, пропускало пешеходов, охрана (один гэбист справа от водителя) слегка нервничала, клала горячую руку на ствол в плечевой кобуре.

***

Открылись ворота «Багировской дачи» (бакинская резиденция партийных руководителей Азербайджана), окружённой высоким, под пять метров, каменным забором, и «Волга» въехала во двор.

На втором этаже, в зале уже был накрыт стол. Но от еды Ахундов отказался, прошествовал в кабинет. Прислуга подала чай, первый секретарь, сидя за своим рабочим столом, грея о стакан руки, думу думал. Нет, не об установке буровой, не о «журавле каком-то в небе американском», о котором час назад толковали с чекистом. «Задание партийное генералу дал – пусть работает! Добудет КГБ чертежи – хорошо, промахнётся – переживём!» – мелькнуло у Ахундова мелкое, незначительное, легко забываемое. И то правда – установку, даже если чертежи появятся в Баку завтра, строить-собирать – лет десять! А потом ещё бурить, нефть искать – опять годы! Нет, чертежи, установка – не козырь, совсем не козырь в начавшейся большой политической игре!

[1] 23 декабря 1958 года Президиум ЦК КПСС утвердил новое «Положение о КГБ при Совете Министров СССР», в соответствии с которым разведывательная работа в капиталистических странах поручалась Первому Главному управлению (ПГУ). Штаб-квартира ПГУ находилась в лесной зоне близ подмосковного посёлка Ясенево.

Глава вторая. Pro et contra[1]

Месяца не прошло, как был Ахундов в Москве на совещании в ЦК. После разговоров важных, решений государственных поехали с товарищами по партии «на природу» культурно отдохнуть, и там, вкусив водочки-икорки, завёл с ним приватно меж трёх сосен председатель КГБ, «старый бакинский дружбан» и бывший подчинённый Владимир Семичастный (только-только, двух лет не прошло, вторым человеком в республике был Ефимыч) странный разговор, что де не тем курсом ведёт могучую державу Никита. Вздрогнул от слов тех Ахундов, в сознании, страхом помутнённом, мысли заискрили. Первая, самая простая, очевидная, мозг рвущая: затеяли чекисты провокацию с целью на верность Хрущеву Ахундова проверить! Кто знает, что у Семичастного сейчас в кармане – может, диктофон тайный?! Ответишь прямо, честно, как думаешь: да, смещать надо сумасбродного Никитку, от «реформ» которого вся страна, весь народ стонет! А ночью за тобой «воронок чёрный» – в каземат, к Володьке на допросы! Мысль вторая, из глубин тёмных, тайных, пугающих, грозно всплывающая: заговор против Никитки ближний круг затеял, вот и дали задание «товарищу по борьбе» Семичастному проверить, на кого из соратников в деле деликатном положиться можно. Ответишь твёрдо так, по-коммунистически: никогда! А заговорщики власть возьмут да от верных, преданных Хрущеву, избавляться начнут! Пулю в затылок в подвале комитетском не получишь – время не то (хотя кто знает, кто знает?!), но кресло высокое из-под тебя точно вырвут – да пинком под зад колхозом управлять! Посмотрел на облака лёгкие в небе высоком Ахундов – решение верное ускользает, ускользает! – брови нахмурил, от прямого ответа уклонился.

Понимающе ухмыльнулся Семичастный, по плечу потрепал, а у Ахундова от панибратства того – озноб по спине и затылок свинцом налился.

Пустеет стакан, а в мыслях персека в дрожь вгоняющее: «Мир Джафар Багиров[2]всю жизнь ответы угадывал ловко, покровителя своего, Лаврентия Берию, с кем хлеб преломлял, карьеру строил, время пришло – врагом назвал (ну, это когда Палыч уже в камере сидел). И всё равно получил пулю расстрельную!»

Осой, остро жалящей, влетела в сознание персека строка классика: «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!» Воистину, воистину тяжела! Шагнул Ахундов к шкафу книжному с томами Маркса, Энгельса, Ленина, по наитию, не иначе как трансцендентальному[3], двинул фолианты основоположников влево, двинул вправо, во втором ряду мелькнуло имя знакомое, хотя и подзабытое. Пригляделся Ахундов – точно, он, корифей, из первых[4] академиков Азербайджана – Гейдар Гусейнов, директор Института истории партии при ЦК КП(б) Азербайджана! И книга та самая, для академика роковая – «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века», в 1950 году Сталинской премией увенчанная! Вытянул Ахундов волюм, к креслу за столом рабочим шагнул, пролистал страницы, ох как давно прочитанные. Вспомнил, что, по воспоминаниям соратников, Владимир Ильич работу серьёзную на-

---

[1] Pro et contra (лат.) – За и против.

[2]Мир Джафар Багиров (1896–1956) – Советский партийный и государственный деятель (в 1921–1927 годах – председатель ЧК (ГПУ) Азербайджана, в 1933–1953 годах – первый секретарь ЦК КП Азербайджана). В 1956 году Военной коллегией Верховного суда СССР «за нарушения социалистической законности» приговорён к расстрелу.

[3]Трансцендентальное – выходящее за пределы чувственного опыта.

[4]27 марта 1945 года вышло постановление Совнаркома АзССР об учреждении Академии Наук АзССР. В структуре АН Азербайджана были утверждены 4 отделения, 18 научных институтов, 3 научных сектора и 3 музея. Первыми академиками Азербайджана стали (в алфавитном порядке): Ш.А.Азизбеков – геолог; А.А.Ализаде – геолог; С.Ю.Векилов (Самед Вургун) – поэт и драматург; У.Г.Гаджибеков – композитор и музыковед; А.А.Гроссгейм – ботаник; Г.Н.Гусейнов – философ; С.А.Дадашев – архитектор и историк архитектуры; И.Г.Есьман – гидравлик; М.А.Ибрагимов – писатель; М.С.Кашкай – геолог; Ю.Г.Мамедалиев – химик; М.М.Миркасимов – хирург; М.А.Топчибашев – хирург; М.А.Усейнов – архитектор и историк архитектуры; И.И.Широкогоров – патологоанатом.

чинал с чтения газет – процессы мыслительные, так сказать, активировал. Спортсмены там разминкой лёгкой мышцы разогревают, певцы вокализами связки голосовые, ну а нам, интеллектуалам, о структурах нейронных думать надо! Взял в руки книгу академика, решил «размяться» на Гейдаре Гусейнове. А заодно понять-проанализировать, где, когда, в чём допустил роковой промах историк-марксист (судьба академика – так, задачка сродни этюдам шахматным, на которых мудрые люди ошибки чужие на зуб пробуют – чтобы своих не совершить)?

Убрал Ахундов опальную книгу с письменного стола, пихнул подальше в нижний ящик тумбы, взял лист бумаги писчей, разделил чертой вертикальной, черканул над колонками «плюс» и «минус».

Отметил первый плюс: книгу Гусейнов сочинил в полном соответствии с канонами марксизма-ленинизма и научными доктринами марксистской исторической школы академика АН СССР Михаила Покровского! Напряг память, вспомнил научные принципы обласканного властью Покровского: «В нашей науке специалисту-немарксисту грош цена»! «История – это политика, опрокинутая в прошлое!» Исходя из этих постулатов, Покровский и его ученики «поливали негативом» и политику правящих классов царской России, и русскую историю. «Именно в таком, марксистски безупречном понимании исторических процессов, и написал Гусейнов свой труд! От магистральной линии Маркса-Энгельса-Ленина академик не отклонился ни на йоту! Что, по канонам марксизма-ленинизма, делали горцы Кавказа в 1817–1864 годах? Правильно, вели национально-освободительную борьбу против русских колонизаторов! Кто, в таком случае, имам Шамиль и верные ему горцы? Правильно, герои и борцы за свободу и независимость родины! Безупречный марксистский взгляд на историю Кавказа XIX века! И коллеги-историки, члены Комитета по Сталинским премиям – ну да, да, последователи Покровского! – оценили сей труд высоко, очень высоко! Это потом что-то пошло не так… Что?» – мучился Ахундов сомнениями, пытался найти, «анализируя академический прецедент», тот, один-единственный, спасительный ход.

«К 1950 году, – размышлял Ахундов, – коммунистические лозунги «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно!» и иже с ними стали в СССР лишь клише официальной массовой идеологии и пропаганды. А «на вершине пирамиды», в Кремле, к концу 1930-х политические доктрины, утверждающие примат государственных интересов Советского Союза, задвинули на второй план некогда революционные идеи классовой борьбы и диктатуры пролетариата, изложенные в многочисленных трудах основоположников «единственно верного учения» Карла Маркса и Фридриха Энгельса, в трудах другого основоположника – Владимира Ленина! Ну, ладно, допустим, Гусейнов мог и не знать, что место «Манифеста Коммунистической партии» на рабочем столе генсека Сталина занял написанный в начале XVI века «Государь» флорентийского философа и мыслителя Никколо Макиавелли! Но академик и вроде как большой учёный – роковым для себя образом! – не уловил, не почуял «смену доктрины»! Покровский – он что, мудрец, он что, научный авторитет, он что, Тацит наших дней, над трудами которого будут благоговеть потомки?! Нет, он пешка! Одно движение брови генералиссимуса – и нет Покровского на шахматной доске! Гусейнову не за пешкой надо было семенить на заклание, а соображать, по каким глубинным причинам коммунистический «Интернационал» с 1944 года заменил новый и отнюдь не марксистский гимн СССР?! Почему в 1943 году на плечах командиров Красной Армии появились золотые погоны офицеров армии Российской империи?! Почему в советской художественной литературе и советском кинематографе внешнюю и внутреннюю политику правящих классов царской России с позиций исторического материализма уже не обличают, а внимание акцентируют на позитивах русской истории?!

Вздохнул Ахундов, покачал головой, черканул в минусовую колонку: «Слабое политическое чутьё».

И всё же, всё же, размышлял Ахундов, марксистский подход к истории Кавказской войны, на котором базировалась книга Гусейнова («Её с восторгом оценили бы, будь они живы, Маркс, Энгельс, Ленин и другие «пламенные революционеры», мечтавшие разрушить все государства мира и создать один всемирный интернационал!»), должен был обеспечить академику стабильный иммунитет. А вышло иначе. «Почему, почему? – ломал голову Ахундов. – Неужели кремлёвские интриги сильнее авторитета Маркса? Неужели подковёрная борьба могущественнее величия Ленина?» По судьбе академика выходило, что да, сильнее. И вписал Ахундов в «минусы» интриги, ну и борьбу «эндоэлитную», карандаш в сердцах на стол бросил, лист отодвинул. «Могли, могли «доброхоты», на кресло Мир Джафара глаз положившие, пролистав «Из истории», для Палыча справочку «правильную» составить! А Берия по «аналитике» той Багирову экзамен устроить! А назови, товарищ Мир Джафар, самую-самую важную причину Кавказских войн? Национально-освободительная борьба народов Кавказа, говоришь? Э-э, плохо изучил исторический материал, дорогой! Самая-самая – это геополитика! Ты что, не знаешь, что на Кавказе в XIX веке столкнулись национальные интересы империй Российской, Британской, Османской и Персидской?! Ты что, не знаешь, что британцы, османы и персы активно снабжали горцев новейшим оружием и боеприпасами, рассчитывая «воевать с Российской империей до последнего горца»? Ты что, не знаешь, что в XIX веке на Кавказе была не одна, а несколько кавказских войн, которые велись в разные годы в Чечне, Дагестане, Кабарде, Адыгее?! Ты что, не знаешь, что горцы воевали и с Шамилём, и против Шамиля, поэтому называть эти войны русско-кавказскими, национально-освободительными, колониальными в принципе неверно?! Знаешь?! Тогда почему твой академик – этот, как его, Гусейнов, кажется? – не знает?! Почему на премию, носящую имя вождя, дорогого товарища Сталина, выставился?! Разберёшься?! Ну разберись, разберись, а мы потом посмотрим, как ты разобрался!» Да, академик с Шамилём и мюридами промахнулся, покачал головой Ахундов и сделал пометку в «минусы»: премиальные книги, прежде чем метить их руководящей визой, самому надо читать, на помощников не надеяться!

Дальше – как всегда (что в джунглях, что в высоких кабинетах): Мир Джафар, думая о своих интересах, «разобрался»: пожертвовал пешкой – и разнёс в пух и прах «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века», дистанцировался от близорукого академика Гусейнова! Ну, это логично: академиков – много, первый секретарь – один! Исключил Мир Джафар марксиста из партии – «за антипартийное поведение, неискренность и двурушничество», снял с поста директора Института истории партии, подключил к процессу «возмущённую творческую и научную интеллигенцию». А в мае 1950 года и Комитет по Сталинским премиям с подачи Мир Джафара отменил решение о лауреатстве академика. Само собой, многие прикормленные властью поэты-писатели, художники-композиторы и прочие большие учёные выступили с «суровой критикой». Ну что ж, пишем ещё один «минус»: «Человек человеку волк!»

Крутанул Ахундов, словно колесо рулетки, карандаш на столе, указало острие на портрет Хрущева на стене, а следом ассоциации любопытные в сознании замелькали: «Обвинения в адрес Покровского и его последователей были, но посаженных-репрессированных по ним – ни одного! И Гусейнова не тронули бы! Отсиделся-отлежался бы на даче с полгодика, а там, глядишь, и кафедру получил бы, студентов уму-разуму учить стал. Но сдали, сдали нервы у маститого историка: в августе, на абшеронской даче, покончил с собой академик. Поторопился, конечно: «неискренность и двурушничество» не тянут на казематы, лагеря и «10 лет без права переписки». Хотя потерять в одночасье кресло, славу, почёт, уважение – кого ж такое фиаско не загонит в депрессию, не переломит об колено?! Впрочем, сам виноват: не заметил философ, как ветер переменился – мыслил категориями дня вчерашнего! И Покровский у него – великий, в званиях и силе, учёный: держи его сторону! И доктрины марксизма-ле-

нинизма – на века: держись основоположников! А фильмы про царя Ивана, царя Петра да князя Невского, погоны золотые, ордена там всякие Кутузова, Нахимова – так, мелочь, ерунда, не стоящая внимания. Ан нет – в деле высоком мелочей не бывает!»

Выдвинул Ахундов ящик стола письменного, зацепил глазом краешек книжки Гейдара Гусейнова – и царапнула мысль простая, здравая: «Умные учатся на ошибках дураков! Если стадо бежит к кормушке – стадное чувство спасительно, ибо насыщает. Если стадо гонят на бойню, выживет тот, кто первым почует запах крови и рискнёт вырваться из загона!»

Скомкал Ахундов лист бумаги с «плюсами-минусами», потянул к себе новый, разделил линией на две части, заскрипел карандашом. Начал с гегемона. В колонке «плюсов» пометил, что память подсказала: Хрущев рабочий день сократил до семи часов, из бараков переселил трудящихся в благоустроенное жильё. Квартирки небольшие, но свои, со всеми удобствами – получили 54 миллиона человек! Да и реальные доходы рабочих, если верить статистике, выросли на 60%! Напряг память, лоб потёр, вздохнул – то ли «плюсы» закончились, то ли забыл о благодеяниях Хрущева пролетариату. Зато вспомнил: снизил Хрущев работягам тарифы, поднял народу цены на ходовые товары – в среднем (порылся в столе, нашёл нужную справку) на 28%! В результате – рабочие недовольны, манифестации, как при царе – в Москве, Ленинграде, да по всей стране! Нет, пролетариат грудью за Хруща не встанет!

Вздохнул тяжело Ахундов и перешёл к аграриям. Паспорта, пенсии колхозникам – позитив очевидный. С другой стороны, ликвидировал Хрущев государственные машинно-тракторные станции, снизил закупочные цены на мясо, пшеницу, молоко, уничтожил тысячи процветающих деревень, урезал у колхозников земельные участки, отобрал домашний скот! В итоге в стране продовольственный кризис! И это без войны, под мирным небом, под «светлым знаменем марксизма-ленинизма»! В прошлом году вынуждены были у главного идеологического противника – США! – закупить 12 миллионов тонн зерна! Эпопеи кукурузная, целинная – лопнули, как мыльные пузыри! А как иначе, если без научного обоснования и прогнозирования?! А тут ещё в прошлом году неурожай! Пожалуй, и аграрий Хрущу не опора.

Черканул Ахундов: «Интеллигенция», задумался. Да, поначалу у творческой, технической и бюджетной – сплошной восторг докладом Хрущева на XX съезде[1] – развенчал де «верный ленинец культ личности кровавого тирана Сталина», дал народу долгожданную свободу! Ну, во-первых, не Хрущев, так другой – время изменилось, и процесс «ослабления гаек» исторически был закономерен. Во-вторых, в докладе ни слова о личном покаянии, хотя у самого Никитки руки по локоть в крови! Это, конечно, логично: доклад был нужен Хрущеву как орудие борьбы за личную власть. Ладно, творцы, технари, бюджетники эти «мелочи» вроде как не заметили, всех собак на Сталина повесили, поплясали на могиле мёртвого льва, сослужили Хрущу службу добрую. Но как начал Никита кампанию против творческой, как заклеймили Пастернака после Нобелевки[2], и эту шаткую, шумливо-говорливую подпорку потерял «вождь», потерял!

Покачал головой первый секретарь, чаю остывшего глотнул, к окну отошёл. Постоял, на небо голубое, чистое, засмотрелся, вспомнил, как в 1958 году стали закрывать православные храмы[3], вернулся к столу, пометочку важную сделал.

---

[1] В последний день работы XX съезда КПСС (проходил 14-25 февраля 1956 года) первый секретарь ЦК Н.С.Хрущёв выступил с «секретным докладом», в котором осудил культ личности И.В.Сталина и методы его правления (беззаконие, насилие, террор). На совести самого Хрущёва – сотни тысяч жертв осуждённого на XX съезде сталинского террора.

[2] Л.Б.Пастернак (1890–1960) был удостоен Нобелевской премии по литературе в 1958 году за роман «Доктор Живаго».

[3] В 1958–1964 годах в СССР в ходе антирелигиозной кампании, начатой Хрущёвым, были закрыты около шести тысяч (44% от общего числа) православных храмов.

Да, ещё Крым! «Вождь» полуостров в 1954 году росчерком пера у России забрал[1] да неньке Украине отписал! Это важно, важно!

«Да кто ты такой, чтобы из России куски рвать?! Царь?! Бог?! Да нет – глупец! Русские, а их в Союзе большинство, Крым тебе никогда не простят! И аморфное, таящее до поры до времени гнев, большинство и, само собой, пассионарии – для них снос Хрущева станет праздником великим!» Сделал пометочку важную – и к армии перешёл.

В июне 1953 года Хрущев без поддержки армии Берию[2] не свалил бы, нет, не свалил! Окажись армия на стороне Лаврентия, пулю в затылок получил бы не Павлович, а Сергеевич!

Да и в июне 1957-го армия помогла Никитке схватку с «антипартийной группой Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова» выиграть, у власти остаться[3]! И чем отблагодарил Хрущев непобедимую, легендарную, победами прославленную?! Маршала Жукова отправил в отставку[4], армию сократил на три миллиона «штыков»[5]! Заслуженных, боевых офицеров лишил профессии! Да что там профессии – смысла жизни! Боевые корабли, стратег хренов, на металлолом пустил[6]! И что, после всего этого безобразия встанет армия за Никитку?!

Ну ладно, подумал Ахундов, рабочие, крестьяне, армия, интеллигенты – без организующей и направляющей силы они могут разве что на кухнях Хруща материть.

А кто у нас вдохновитель и организатор? Правильно, партийный и государственный аппарат!

Довольны партийцы Хрущом? Нет! Поначалу «вождь» отдавал себе отчёт, кто в стране сила – аппарат партийный, государственный! А потом понесло Никитку! Перетряски, перемещения партийцев, управленцев! Шутка ли, обещал Никитка расшвырять всех, кто ему не мил, как котят! Видных членов ЦК, как мальчишек дворовых, матом посылает!

Да, устал, устал от Никитки народ! Стабильности, предсказуемости хотят люди!

Положил ладонь на грудь Ахундов и решение принял трудное, земное, необходимое: когда в следующий раз Семичастный заведёт речь о Хрущеве, надо не уклоняться от протянутой товарищами по партии, патриотами и государственниками, твёрдой и мужественной руки, а жать её крепко, долго, горячо, со словами и обещаниями подобающими!

---

[1] 19 февраля 1954 года Президиумом Верховного Совета СССР (из 27 членов присутствовали 13) был принят (без положенного по закону референдума) указ о передаче Крымской области России из состава РСФСР в состав УССР. Первый секретарь Крымского обкома КПСС П.И.Титов выступил против решения Хрущёва о передаче Крыма из состава России в состав Украины, за что был отправлен «вождём» в отставку.

[2] Л.П.Берия (1899–1953) входил в ближайшее политическое окружение И.В.Сталина, активный организатор массовых репрессий 1930–1950-х годов; в 1921–1922 годах был заместителем председателя Чрезвычайной комиссии Азербайджана. Арестован военными 26 июня 1953 года во время заседания Президиума ЦК КПСС.

[3] 22-29 июня 1957 года на пленуме ЦК министр обороны СССР маршал Г.К.Жуков поддержал Н.С.Хрущёва в его противостоянии с «антипартийной группой Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова».

[4] В октябре 1957 года по инициативе Н.С.Хрущёва маршал Г.К.Жуков был снят с поста министра обороны СССР, выведен из состава Президиума ЦК КПСС.

[5] В 1955–1958 годах советская армия была сокращена на 2,14 млн солдат и офицеров, в январе 1960 года Верховный Совет СССР без обсуждения утвердил Закон «О новом значительном сокращении Вооруженных сил СССР» (на 1,2 млн человек).

[6] В 1959 году по приказу Н.С.Хрущёва были распилены на металлолом семь строящихся крейсеров и три линкора, в 1962 году Индонезии по прихоти персека была подарена эскадра Тихоокеанского флота СССР (крейсер, 12 подводных лодок, шесть эсминцев, 12 ракетных катеров, сторожевые корабли, плавающие танки, береговые ракетные комплексы).

Глава третья. «Рядовой боец»

Чёрная «Волга» председателя притормозила у парадного входа в комитет, как обычно – в 8.30 утра. На ступенях, расположившись строго по званиям-должностям, генерала Кардашева уже ждали замы и начальники отделов. Генерал (строгий чёрный костюм, белая рубашка, тёмный галстук – безупречный дресс-код ответственного партийного работника, коим Кардашев был в недавнем прошлом) пожимал руки, выслушивал доклады, рапорты, просьбы, пожелания... Председатель был улыбчив, доброжелателен, к утреннему решению технических вопросов службы «на ногах» привык (комитет при Кардашеве начал строить для сотрудников многоквартирные дома, и эта житейская тема последние месяцы была в числе самых «горячих»), так что до служебного кабинета на втором этаже добрался только к девяти утра и сразу вызвал начальника 1-го отдела полковника Гусейнова. Без лишних слов председатель «ввёл» нач-1 «в курс задания, полученного от руководства партии и правительства республики», определил очевидные задачи:

– Подготовьте письмо в Центр! Акцент – на экономических мотивах создания в КГБ Азербайджана нового разведывательного направления. Сошлитесь на Ахундова и Алиханова. Оформите на бумаге и проект плана предстоящей оперативной работы: в общих чертах, конечно. Далее – кадровый вопрос. Найдите среди сотрудников комитета подходящих для нового дела людей, кандидатуры представьте мне на утверждение. Идеальный вариант, если Москва даст «добро» на новые штатные единицы. Если не даст, подумайте, Ильгусейн Пиргусейнович, кого из сотрудников отдела можно будет включить в группу НТР. Научно-техническая разведка – дело для нас новое, быстрых и значимых результатов от группы Москва требовать не станет: года три-четыре для «вхождения в тему» нам, вероятно, предоставят. За это время членам группы необходимо накопить профильные знания, получить опыт работы с агентурой (генерал использовал привычное слово, с академиками и членкорами, на первый взгляд, не соотносимое) – в НТР она специфическая!

Начальником 1-го отдела КГБ Азербайджана полковник был назначен в августе минувшего года, до этого (с 1942 года) Ильгусейн Гусейнов копил опыт исключительно контрразведывательный. Ну, ещё и административный, когда два года был председателем КГБ в Нахчыване. За несколько месяцев, проведённых «в разведке», серьёзного опыта разведработы начальник 1-го отдела приобрести не успел. А тот, что удалось накопить, был собран исключительно «на иранской линии», скупой на научно-технические откровения.

Полковник Гусейнов поправил очки, пригладил усы, расправил плечи: указания ЦК, Совмина и генерала Кардашева обещали разведотделу жизнь интересную, но хлопотную. Письмо в Центр, согласования с руководством, составление плана работы, все эти «организационные мероприятия», конечно, важны. Но в итоге «решать всё» будут, как всегда, кадры – это вопрос наиважнейший, и ошибиться «с подбором и расстановкой» членов группы НТР нельзя!

***

На работу, в «Большой дом», лейтенант Теяр Абасов добирался пешком. Путь от Малой Крепостной (Старый город, он же Ичери шехер, он же Крепость – в общем, «малая родина») до проспекта Нефтяников занимал не более 15 минут, за это время можно было подумать о делах, определиться с приоритетами рабочего дня. Теяр шестой месяц трудился в 1-м отделе «аналитиком». Ну, это так, громко сказано, а по существу «разведывательная работа» лейтенанта Абасова сводилась к чтению иранских газет и написанию «аналитики». В Баку газеты доставляли с опозданием на день-два, потом над текстами корпели переводчики с фарси, затем машинистки распечатывали несколько экземпляров переведённых на русский язык персидских опу-

сов (экземпляры для руководства комитета и 1-го отдела, последнюю копию получал Теяр). Почитав переводы, Теяр готовил по публикациям «второй свежести» аналитические записки для руководства. Приоритетом номер один была «аналитика» о политической ситуации в Иране. Выводы, как Тегеран намерен развивать отношения с Москвой, приходилось строить на растиражированных высказываниях политиков, военных, общественных деятелей в адрес СССР. По аналогичной схеме отрабатывал Теяр приоритет номер два: отношения Ирана с США и Великобританией. С приоритетом номер три – иранской экономикой, было ещё сложнее – информации о фабриках-заводах, полях-огородах в иранских газетах было немного, да и та отлакированная. Тексты, написанные от руки, Теяр передавал машинисткам, те отстукивали экземпляры «аналитики» для руководства, последний отправлялся в архив. Читал ли труды Теяра генерал Кардашев, лейтенант не знал, а полковник Гусейнов иногда давал советы, на что в записках следует обращать особое внимание.

К девяти часам утра Теяр уже сидел в кабинете на втором этаже, дальше – по отработанной схеме: прочитать переводы, найти в них нечто стоящее и отразить «намытые золотые крупинки» мудро и прозорливо. Закончив часам к трём «аналитику» и передав её в машбюро, Теяр вернулся в кабинет. За окном – солнце, молодая листва на деревьях, тополиный пух, наполненный запахами соли и нефти морской бриз. А в кабинете пахло дерматином (обивка стульев), мебельным лаком (шкафы для бумаг), клеем (работа с документами), – одним словом, канцелярией. Разве что чёрный крем для обуви (туфли должны соответствовать комитетскому дресс-коду) добавлял в канцелярскую ауру нечто мужественное, соотнесённое с марширующими по плацу ротными коробками.

Да, не о такой работе мечтал Теяр, отправляясь в августе 1961-го на учёбу в 101-ю разведывательную школу КГБ[1], притаившуюся рядом с подмосковной Балашихой, хотя для Теяра год, проведённый в 101-й, был и, возможно, так и останется одним из лучших в жизни. Славное было время, полное надежд (о них в праздничные вечера за дружеским столом поговаривали почти все слушатели 101-й – «будущее разведки КГБ»!), мечтаний (лежащее в потаённых уголках подсознания Теяра скреплено печатью молчания – сокровенное, оно только для «внутреннего пользования») и интереснейшей учёбы.

Теяр налил в стакан чай, присел на узкий и жёсткий диван, «персидскую грусть» легко вытеснила «светлая ностальгия»…

***

Разведшкола встретила Теяра глухими воротами и высоким частоколом выкрашенных в зелёный цвет досок уходящего в лес забора. Во дворе – трёхэтажное здание из белого кирпича, автостоянка с навесом, за реликтовыми соснами – столовая (марево горячих струй, поднимающихся из вытяжных труб, у служебного входа – автомобиль-рефрижератор). В общем, что-то среднее между типовой советской школой и пионерским лагерем. И ничего этакого, «перстом указующего»: вот оно, могучее гнездо, из коего, «закутанные в плащи и увешанные кинжалами»[2], вылетают орлы тайной государевой службы! Не считать же таковым знаком второй – внутренний – забор, увенчанный спиралью Бруно[3]?!

В типовой трёхэтажке – коридоры, классы, парты, звонки на «уроки» и лишь намёк на службу тайную – портрет (в актовом зале) Феликса Дзержинского. Учеб-

[1]101-я высшая разведывательная школа ПГУ, срок обучения на основном факультете – 2 года. В 1968 году школа преобразована в Институт КГБ (срок обучения – 3 года). В 1950-е годы набор на первый курс школы составлял до 200 слушателей.

[2]«Рыцари плаща и кинжала» – фразеологизм, синоним слов «разведчик», «шпион».

[3]Спираль Бруно – заграждение в виде винтовой линии диаметром 70-130 см, свитой из нескольких пересекающихся нитей колючей проволоки.

ные дисциплины – «классика высшей школы»: история КПСС, философия, политэкономия, ну языки иностранные – и только две специальные: СД-1 – разведка, СД-2 – контрразведка. Да и слушателей отцы-командиры сразу предупредили-остудили: выучить на разведчика невозможно! Показать, как работали другие (опыт успешный и не очень), – да, это можно, а дальше – это как таланты у человека проявятся! А они, как известно, от Бога: либо есть, либо, в какие мундиры ни рядись, в какие кресла ни садись, нет! Хотя даже талантам и мастерству для серьёзного разведывательного успеха необходимы везение, счастливый случай, благоволение судьбы! В общем, для разведчика найти стоящего агента – это как выиграть в лотерею!

Режим в разведшколе оказался свободным – это было приятно. Жителям столицы разрешалось, если изъявят желание, ночевать дома, но при одном условии: к девяти утра быть на занятиях! «Иногородних» (Теяр был из их числа) поселили на территории 101-й в коттеджах, построенных в 1936 году для подготовки сотрудников внешней разведки НКВД.

Романтические иллюзии, навеянные кинематографом и литературой о «третьей древнейшей профессии» (к первой классики марксизма-ленинизма относили добычу бегающей-летающей съедобной живности, ко второй – труд земледельца), были окончательно изничтожены на вводной лекции. Мудрый препод сразу поставил «будущее разведки» перед фактом: вскрывать сейфы, прыгать с парашютом, слать шифровки, махать руками (каратэ и прочие силовые единоборства), стрелять в «яблочко» – это забавы для полумифического Джеймса Бонда. «Потому что, товарищи, политические, военные, научно-технические секреты зарубежных государств, за которыми пошлёт вас Родина, добывать должны ваши источники, то есть иностранные политики, военные, учёные и прочие приобщённые – даже если они простые уборщицы Пентагона! – к интересующим нас тайнам. Вывод: мастерство разведчика – это искусство вербовщика! Вы должны найти человека, имеющего доступ к тем или иным секретам, войти к нему в доверие, склонить к сотрудничеству!» – учил уму-разуму слушателей 101-й маститый препод.

На вводной маститый рассказал «о двух каналах проникновения разведчиков за рубеж»: легальном и нелегальном. Легально разведчики работают под «крышей» дипломатов, журналистов, туристов, учёных – стажёров, направленных в зарубежные командировки. О разведчиках-нелегалах препод упомянул коротко: они неведомы контрразведке противника, поэтому их возможности по поиску источников ценной информации, по вербовке агентов гораздо шире, чем у легалов, только их подготовка и заброска требуют значительных времени и усилий и особой секретности.

Ещё препод, сурово окинув взором «будущее разведки», посоветовал коллегам «на всю оставшуюся жизнь» запомнить: «вероятный противник» хитёр, коварен и под видом источника ценнейшей информации может «подставить вам дезинформатора». А стратегическая деза, поднял над головой указательный палец препод, воспринятая разведкой как «великая удача», может нанести «доверчивому государству» колоссальный ущерб, сопоставимый с потерями от проигранной войны[1] . Коварны и дезы научные и технические: чтобы проверить, насколько ценно откровение, добытое разведкой у «вероятного противника», необходим адекватный уровень развития «отечественной науки и техники». В противном случае последствия от внедрения «зарубежных достижений» могут быть трагическими.

[1]В 1983 году президент США Рональд Рейган публично заявил о начале работ в рамках так называемой Стратегической оборонной инициативы (создание противоракетной системы), известной также под названием «Звёздных войн». Руководство СССР восприняло эту информацию серьёзно, на разработку военно-космических контрмер были направлены значительные ресурсы. По современным оценкам, программа СОИ была стратегической дезинформацией США, преследующей исключительно политические цели (важнейшая геополитическая – произошедший в декабре 1991 года развал СССР).

Лекционного времени оставалось немного, и препод ограничился рассказом – в качестве «иллюстративного материала» – истории, случившейся в конце XIX века во флоте императорской Японии. Заказали японцы союзникам-британцам постройку крейсера. Англичане подготовили чертежи, передали их заказчику «на утверждение». Японцы с документацией ознакомились, недовольно сморщили носы и от строительства корабля «на вервях флота Великой Британии» отказались. А через два года японский агент британской разведки сообщил в Лондон информацию так себе, заурядную: о скором спуске на воду новенького крейсера, сконструированного и построенного доблестными самураями. Новость чем-то зацепила Лондон, и в Йокосуку отправился британский корабел (по документам – корреспондент). Велико же было удивление «журналиста», когда в японском крейсере он узнал корабль, от строительства которого – на верфях Британии – отказался императорский флот. Через полгода история повторилась: самураи заказывают в Британии броненосец, получают для согласования чертежи, изучают документацию, морщат носы, отказываются от сотрудничества, а через два года спускают на воду могучий корабль, построенный на верфи Йокосуки. Японцы орут «Банзай!», броненосец величественно сходит со стапелей, вспенивает воды бухты, делает «лево руля», циркуляция отличная, вот только серая громадина почему-то начинает крениться на борт. Крен растёт, и – о, ужас! – гордость императорского флота Японии валится на борт, переворачивается вверх килем, пускает пузыри и уходит на дно бухты. «Британский корреспондент» на берегу изображает скорбь, а вечером в Лондон уходит сообщение об успешном завершении операции секретной службы Её Величества.

– Британцы ловко сместили центр остойчивости броненосца – а самураи в чертежах подвох не заметили! В итоге десятки японских моряков погибли, броненосец пошёл на металлолом, а верфи Британии стали получать заказы на строительство кораблей для японского флота. С профессиональной точки зрения британская разведка сыграла блестяще. Отличный урок для тех, кто учится на чужих ошибках!

За время учёбы в 101-й «показательный пример» отличной британской дезы должен был бы потускнеть, уйти «на второй план», ан нет, крепко запала та история в память Теяра. «Да, затонувший броненосец – настоящая работа разведки! Не то, что эти бумажки!» – с досадой подумал лейтенант Абасов, кинул взгляд на часы – скоро домой, это приятно.

Глава четвёртая. Тегеранский форс-мажор

Шеф тегеранского управления VIII (контрразведывательного) Департамента САВАК – Службы информации и безопасности Ирана[1] – Али Мехреди давал последние наставления подчинённым. Настроение у полковника Мехреди было преотличнейшее: его план «устрашения русских» был одобрен и начальником Департамента бригадным генералом Фахриди, и «партнёрами» из резидентуры ЦРУ, обретавшейся под «крышей» посольства США. План, по мнению полковника, был глубок по замыслу, прост по исполнению и эффективен по результатам. Мехреди ухмыльнулся: русские совсем обнаглели! Пользуясь дипломатическим иммунитетом, их разведка вовсю вербует подданных великого правителя Ирана шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, да продлит Аллах его дни! Да, да, денег у Советов в избытке, а среди подданных шаха есть и слабые, падкие на риалы[2] людишки. Русские этим и пользуются! Ничего, сегодня вечером им будет преподан жестокий урок, после которого прыти у кяфиров[3] поубавится!

[1] САВАК – Министерство государственной безопасности Ирана (1957–1979 годы) во времена правления шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Создано при помощи инструкторов из Центрального разведывательного управления США, британской МИ-6 и израильской спецслужбы Моссад.
[2] Риал – денежная единица Ирана (с 1932 года).
[3] Кяфир (араб.) – неверный.

Полковник Мехреди важно кивнул капитану Барзани, которому поручил руководить операцией «на месте»: всё так, всё верно, только калечить гэбиста надо аккуратно – бить по печени, почкам, голову не трогать, рёбра и руки-ноги не ломать! Гэбист от «правильных ударов» станет калекой, советское посольство, а может, даже МИД СССР, отправит ноту протеста, потребуют наказать виновных в избиении советского дипломата. А мы им ответим, что хулиганов, напавших ночью на улице Тегерана на советского дипломата, по «горячим следам» задержать не удалось. Но ищем, ищем! И посоветуем советским дипломатам впредь быть осторожнее, не бродить ночами по плохо освещённым улицам иранской столицы, где иногда встречаются подлые провокаторы, стремящиеся поссорить две дружественные державы, а подыскивать для прогулок места людные, хорошо освещённые! Русский резидент может и не сделать из «урока» правильные выводы – сам на улицах Тегерана не рискует, а боссы в Москве требуют результатов, вот и приходится «слать в бой расходный материал». Но его подчинённых жестокое избиение коллеги непременно вразумит – и прыти у тех, кто мечтает в здравом уме и твёрдой памяти дожить до глубоких седин, должно поубавиться! Единственный минус операции: русские откажутся от услуг агента – полицейского капитана, работающего на САВАК, «завербованного КГБ» и сообщившего полковнику Мехреди точные место и время встречи с гэбистом. И ладно, полицейский, «слив» русским несколько отличных дезинформаций и отдав на заклание куратора из посольской резидентуры, свой ресурс двойного агента всё равно исчерпал!

***

В девять часов вечера советник по экономике посольства СССР майор ПГУ Мурад Аскеров отправился на встречу с агентом. До этого в течение получаса из ворот посольства выехали три автомобиля с сотрудниками резидентуры: они должны были увести за собой машины «наружки» САВАК, дежурившие у советской дипмиссии. Операция прикрытия прошла по плану, на слежку за авто Аскерова у саваковцев, похоже, машин близ посольства не осталось.

Контрольно покружив по улицам Тегерана, майор убедился, что «хвоста» за ним нет. Припарковав авто в переулке (место выбрано заранее), майор сделал по улицам (изучены в посольстве по картам, схемам, фотографиям и «деловым прогулкам по городу») два контрольных круга – саваковской «наружки» за спиной нет, и отлично! Теперь можно смело шагать по пустынной, плохо освещённой улице в сторону тихого скверика – месту встречи с агентом «Али» – капитаном тегеранской полиции. Окна в домах по обеим сторонам улицы были темны, и путь майора освещали лишь серп Луны да редкие тусклые фонари. Неожиданно за спиной майора завизжали тормоза, Мурад оглянулся – из подкатившего синего «форда» вывалились четверо, ещё трое кинулись из ворот дома, стоящего на противоположной стороне улицы.

«САВАК… провокация… скверно…», – мелькнуло в сознании Мурада. Семеро взяли Аскерова «в кольцо» и стали неторопливо, словно давая жертве время осознать происходящее и ужаснуться предстоящему, надвигаться на «лёгкую добычу». Майор – на рефлексах – прижался к стене, «прикрыл спину», громко, на фарси, крикнул, что он советский дипломат. Нападавших дипломатический иммунитет жертвы не остановил. Мурад на всякий случай прокричал, что «за провокацию ответите». Потом, в расчёте на жильцов дома, хрипло завопил: «Пожар! Горим!», а когда к нему подскочил первый нападавший, ловко свалил нетерпеливого подсечкой. Около минуты майор отбивал удары наседавших на него с трёх сторон саваковцев, потом его свалили на землю – и началось побоище.

Хасан Бируни – в САВАК всего год, чин мелкий, а хочется большего, отталкивая коллег, кричал:

– Мне, мне дайте! – и норовил дотянуться грязной подошвой до лежащего у стены дома гэбиста.

Утомившиеся коллеги, наконец, расступились, Хасан подскочил к скрюченному телу – и ногами, ногами по рёбрам! Притомившись, присел на корточки, засмеялся:

– Ну, что, русский, понравилось?!

В ответ – только тихий хрип и пузырящаяся на губах кровь.

***

Капитан Барзани, с комфортом расположившись на переднем сиденье «форда» (спинка откинута, в правой руке – микрофон рации, в левой – походная чашка с горячим чаем, рядом, на кресле водителя, почти полный термос), с азартом докладывал полковнику Мехреди о «деталях операции». Подчинённые, вкусив крови, войдя в раж, почувствовав безнаказанность и забыв о наставлениях «калечить, но аккуратно», «работали» по лежащему на асфальте гэбисту ногами, но капитан, не обращая на эти мелочи внимания, не скупился на похвалы в адрес шефа, придумавшего «поистине гениальный план устрашения русских».

***

В посольстве СССР саваковский трёп слушали резидент ПГУ и спецы-технари, обеспечивавшие «перехват в эфире». «Прослушка» – стандартная операция, позволяющая, когда сотрудники резидентуры «работают в поле», «держать руку на пульсе» и в случае необходимости оперативно принимать «экстренные решения». В первых донесениях «наружка» САВАК «сообщила» резиденту, что за автомобилями прикрытия следуют три «хвоста». Когда из ворот дипмиссии выехал Аскеров, саваковцы, дежурившие в пункте наблюдения (квартира на первом этаже в доме через дорогу), занервничали, а потом и вовсе покаялись начальству: упустили они четвёртый автомобиль, упустили!

Резидент удовлетворённо кивнул: всё идёт по оперативному плану! Хотя агент – капитан полиции, на встречу с которым отправился майор Аскеров, особой ценности не представляет.

«Да, мы получили от капитана длинный список коллег-полицейских, их адреса, телефоны плюс имена близких родственников, но персон, представляющих оперативный интерес, среди них раз-два, и обчёлся, – думал резидент. – Капитан бодро рапортует о революционных настроениях, царящих среди рабочих, о недовольстве шахским режимом иранских крестьян, о вольных речах, которые позволяет себе прогрессивная интеллигенция. В Центре эта «политическая информация» воспринимается с большим, большим удовлетворением: ещё немного, и прогнивший режим Мохаммеда Реза Пехлеви будет сметён волной народного гнева, и к власти в Иране придут прогрессивные, ориентированные на Советский Союз, силы! Но проходят недели, месяцы, годы, а народного цунами как не было, так и нет… Не исключено, капитан в обмен на конверты с «гонорарами» даёт нам не объективную информацию о ситуации в стране, а гонит «разведывательные пустышки», соответствующие политическим доктринам идеологов в Кремле. От «услуг» капитана лучше отказаться… Но у Центра сразу возникнут вопросы: если агент ценный, почему перестали сотрудничать? А если агент так себе, никакой, за что, спрашивается, платили ему народные деньги?..»

Саваковцы ещё с минуту полаялись в эфире, а потом словно впали в спячку. Напряжение, царившее в комнате «радистов» в первый час операции, спало, резиденту и технарям принесли кофе и бутерброды. И вдруг в эфире разговорился капитан Барзани, и вся благостная картина «оперативного успеха» исчезла, уступив место мысли простой, больно ранящей сердце: операция провалена, а майор Аскеров угодил в саваковскую ловушку!

Технари кидали озабоченные взгляды на резидента – САВАК откровенно перешла все «красные линии», ни в одной инструкции Центра ситуация не прописана, поэтому решать надо быстро, здесь, сейчас и самому – «бедный, бедный шеф, на нём вся ответственность»!

Резидент прикрыл ладонью глаза: Смоленская площадь[1] шлёт циркуляры – «Текущая политическая целесообразность требует от вас не осложнять отношения с шахом»!

Аскерова изобьют, покалечат, но не убьют. Убийство советского дипломата – международный скандал, избитый Аскеров – так, жертва уличных хулиганов.

Тегеран посочувствует, пообещает принять меры, но порекомендует советским дипломатам не ходить ночами по сомнительным тегеранским переулкам.

От костоломов Аскерова уже не спасти, поэтому – во имя политической целесообразности! – надо просто подождать, когда саваковцы угомонятся, затем вызвать медиков, отвезти покалеченного дипломата в госпиталь, утром отправить в иранский МИД вялую ноту с «требованиями разобраться, найти, наказать и впредь не допускать».

В общем, Большая восточная игра, в которой – ну что поделать! – Кремлю приходится порой жертвовать пешками.

«Но есть и целесообразность оперативная! В резидентуре – и в ПГУ – о тегеранском инциденте и о том, что я безвольно смирился с неизбежным и позорно «умыл руки», станет «широко известно». Начальство в Центре театрально вздохнёт, особо журить не станет, напротив, может даже похвалить за проявленную сдержанность – «ситуативную мать мудрости».

Но те, кто «работает в поле» – и не только иранском, – поймут и запомнят, что «во имя политической целесообразности и добрососедских отношений» их, как и Аскерова, если что, бросят, оставят на растерзание провокаторам и костоломам. А советские разведчики должны быть твёрдо уверены: Родина, товарищи, что бы ни случилось, их не бросят!

Да, да, в ситуации с Аскеровым оперативная целесообразность выше политической! И плевать, что потом скажет Смоленская площадь! А если ответную акцию – по устрашению САВАК! – провести точно, никто и не пикнет – победителей не судят! Да, вариантов нет – САВАК должна получить по зубам! Крепко получить! Ну и Аскерова надо срочно в госпиталь! Любой ценой! Разбираться в причинах провала – это потом, потом! Хотя, вероятнее всего, капитан иранский – просто двойной агент!» – решение резидента – на уровне интуитивного мышления, на иное, с долгим и неторопливым анализом ситуации, «мозговыми штурмами» и одобрением Центра, времени не отпущено.

– Быстро! Связь с группами прикрытия! – скрипнул зубами резидент, а в памяти – чистая арифметика: на улицах Тегерана – три машины резидентуры, шесть оперов, если действовать решительно, «поле битвы будет нашим»!

Технари и рады: мгновение – микрофон в руке резидента, и в эфир – приказ жёсткий (на войне как на войне!), на английском, кодированный (ну, почти кодированный), требующий немедленного и решительного исполнения.

«Саваковцы могут не обратить внимания на «язык Большого брата» – и пропустить команду! В худшем случае, когда – и если! – поймут, о чём речь, драгоценные минуты костоломами всё равно будут упущены! Если и отправят резервы, они, вероятнее всего, помочь основной группе уже не успеют! В каждой машине прикрытия включен радиоприёмник, настроенный на нужную волну – опера должны услышать приказ, должны прийти на помощь товарищу!» – и робкая надежда блеснула в сознании резидента.

[1] На Смоленской площади в здании №32-34, построенном в 1948–1953 годах, располагалось Министерство иностранных дел СССР.

***

– Похоже, мы к ристалищу ближе всех, – зло процедил майор Светлов, услышав по радио приказ резидента. Выругавшись от досады (ситуация – дрянь, последствия – о-хо-хо, лучше не думать!), приказал майор водителю – капитану Бусыге:

– Гони, Гриша! План придумаем на ходу!

Посольский «фольксваген» резко рванул с места, Светлов вывернулся из пиджака, сбросил с запястья браслет с часами, скосил глаза на Бусыгу, сынка генеральского, для которого Тегеран – так, ступенька в карьерной лестнице. «Субтильный, шея тонкая, бицепсы – «в теории», такого костоломы враз завалят! В схватке Григорий не помощник, скорее, наоборот, – его ещё и защищать придётся!» – вспомнив строгие наставления резидента «беречь от греха подальше высокого родственничка», зло подумал майор и приказал:

– Значит так, Гришаня! У костоломов, надо полагать, численное превосходство – Аскерова калечат трое, может, четверо, поэтому действовать будем так…

– Вступим в переговоры, потянем время, подъедут остальные машины прикрытия, саваковцы сами разбегутся… – промямлил Бусыга, а во взмокшей от страха головёнке: «Ввязываться в кулачный бой с персами – чистое безумие! Потеряю здоровье, стану калекой – нужны мне после этого обещанные отцом генеральские звёзды и привилегии?!»

«Конечно, Гриша, безумие! – словно прочитав мысли Бусыги, подумал майор Светлов. – Зачёты по самбо в разведшколе я лет десять назад сдавал! С тех пор все навыки бойца-молодца на фуршетах дипломатических да в кабинетах тёплых, отчёты сочиняя, растерял. Ну а про тебя и говорить нечего, «ботаник» ты наш генеральский! Ну и «повезло» мне сегодня с напарником! Побьют тебя костоломы – меня совесть замучает, всю жизнь буду молиться и каяться, а папашка твой мне ещё и кислород карьерный перекроет!» От мыслей трезвых, печальных (тут и Аскерова спасай, и за сынком генеральским присматривай, и о себе не забывай) у майора Светлова холодела спина и дёргался глаз – хорошо, Бусыга не видит.

– Ваша задача, капитан Бусыга, в схватку не ввязываться, держать дистанцию и кричать устрашающе что-нибудь по-японски. Короче, ори, Гриша, «банзай», маши руками, изображай матёрого самурая! И оттяни на себя хотя бы одного бойца. Кинется на тебя костолом – сразу беги подальше! Остановится – развернись к врагу лицом и продолжай орать! – рубил приказ майор Светлов и вытягивал из брюк ремень с тяжёлой стальной пряжкой.

***

Яркий свет фар посольского «фольксвагена» упёрся в стену дома, остановил бойню. Саваковцы оглянулись на незваных гостей, прикрыли от слепящих лучей ладонями глаза – если крики гэбиста услышали жильцы дома, если те вызвали пожарных или полицию, отправить «лишних» куда подальше должен капитан Барзани. Ну, где же вы, ага?!

Майор Светлов костоломов пересчитал, ситуацию оценил, ужаснулся и – весь «на взводе» – рявкнул:

– Не дрейфь, Гриша! Их – семеро, нас – двое! Поэтому никакой дипломатии! Равняем шансы жёстко и быстро! Уводим шакалов от Мурада! Героически держимся до подхода подкреплений! Вперёд!

Светлов выскочил из машины первым, коршуном налетел на ближнего, ослеплённого фарами саваковца: захват, рывок, хруст в плечевом суставе, отчаянный вопль – есть минус один! Второго майор «в развороте» лягнул в пах, отскочил, намотал конец ремня на ладонь, пряжка над головой в свете фар сверкает, словно взбесившийся метеорит, костоломов остужает. Выбрал мгновение, кинул взгляд влево: где ты там, Гришаня?!

А капитан Бусыга играет кулачками, корпусом, отступает к осевой линии дороги, орёт (вмиг осипшим голосом) «банзай», тянет на себя саваковцев. Персы вроде даже растерялись немного, наверное, приняли Гришу за ненормального, на любые безумства способного. А Гришаня, молодчина, тоже вытянул брючный ремень, намотал на правое запястье: пряжка хлипкая, но так и свистит перед замершими в нерешительности костоломами…

Саваковцы потоптались на месте, пришли в себя, сосчитали нападавших, завыли шакалами. Двое «мудрых», почуяв слабого, к «жертве приуготовленного», на Бусыгу кинулись. Но Гриша, молодец, с испугу лихо рванул в сторону. Мчался Бусыга, словно гепард в расцвете лет, костоломы сразу отстали, один постоял, подумал, развернулся и побежал помогать валить второго русского: быстрого, сильного, отчаянно смелого. Бусыга остановился, показал костолому неприличный жест. Тот и рад: расправил широкие плечи, танком двинулся на Гришу.

– А-а-а! – заорал со страху Бусыга, завертел ремнём и выбросил правую руку в сторону костолома. Пряжка, хоть и хлипкая, ударила ребром тонким саваковца чуть выше уха. Охнул костолом, закрыл голову руками, а Гриша мгновение не упустил, подскочил и ударил врага ногой в пах. Точно, правда, не получилось, каблук отметился на коленке, но костолом качнулся, осел на левую руку. «Сейчас поднимется и убьёт!» – трезво оценил ситуацию Гриша и с отчаянием обречённого пихнул каблуком великана в плечо, а потом, когда тот растянулся на асфальте, запрыгал, словно шаман в экстазе, на его могучем теле. Раздался хруст. «Похоже, перелом шейки бедра – надо же, как удачно получилось!» – мелькнуло у капитана Бусыги, и он завопил громко, победно:

– Банзай!

Клич самураев покрыл визг тормозов – машина, следом ещё одна! Наконец-то! Саваковцы растерялись – против них уже пятеро: молчаливых, сильных, решительных, не говоря о шестом: маленьком, тоненьком, но самом страшном, одним ударом завалившем могучего богатыря САВАК!

Через минуту двое оперов подхватили под руки майора Аскерова, донесли, перешагивая через тела саваковцев, до «фольксвагена»: всё, можно уходить! Светлов, сплёвывая на асфальт кровь, дохромал до синего «форда», «на прощание» локтем выбил боковое стекло, кулачищем врезал в челюсть «аги»…

***

Вторую чашку чая капитан Барзани выпить не успел. Вдруг, из ниоткуда, визг тормозов, в свете фар – какие-то бешеные парни, мгновение – и крики подчинённых, а в них – боль, испуг, паника. Дальше – хуже: удар по боковому стёклу «форда» (справа, совсем рядом с ухоженным лицом Барзани), летящие в салон осколки и обжигающий ноги кипяток из опрокинутой чашки. И последнее, оставшееся в памяти, – тяжёлый, ломающий челюсть кулак, словно рубильник отключивший сознание капитана Барзани.

Спрятавшийся за деревом Хасан Бируни (как накинулись бешеные, словно лесорубы, валящие руками-ногами на асфальт одного за другим коллег-приятелей, быстро юркнул в сторону, спас тело сильное, молодое от ударов калечащих) в подробностях углядел, как подхватили гэбиста избитого, сознание потерявшего, «гости» непрошеные, донесли до машины ближней, дверцами хлопнули – и в ночи растворились. Повёл головой Хасан вправо, влево – шесть тел на асфальте раскинулись, двое стонут, остальные – без звука, без движения. В помутнённом страхом сознании Хасана яркой вспышкой: «Неужели убиты?! На их месте мог быть и я!» И вдруг из «форда», в котором бешеный русский стёкла повыбивал, вывалился босс, рухнул на колени, в ладонях лицо спрятал. Подумал Хасан – и выбрался из-за дерева, ближе к месту схватки подполз, прилёг на асфальт, замер, тих и недвижим, сочинять стал,

что сказать капитану Барзани, когда отчёт о проваленной операции держать придётся. Ничего мудрого не придумал, на бочок повернулся и решил вздремнуть – на асфальте, без комфорта, но с надеждой тайной, что когда приедет медицина, сочтут хакимы, что доблестный Хасан избит русскими варварами до полной потери сознания. Отвезёт медицина Хасана в госпиталь, полежит он там неделю-другую, за это время капитан Барзани остынет, искать тех, на ком злость сорвать можно, перестанет…

***

Полковник Мехреди был зол и слов, большей частью, на взгляд капитана Барзани, несправедливых, не выбирал. Барзани покаянно кивал головой, с полковником не соглашался, но благоразумно помалкивал, а про себя думал, что да, да, КГБ на этот раз переиграл доблестных иранских контрразведчиков, но босс – это понятно, он же босс, он всегда мудр и прозорлив! – не может быть виновен в провале операции. Следовательно, ответ держать должен кто–то другой, и самая подходящая кандидатура на роль «во всём виноватого» – Барзани. Капитан, пропуская слова полковника мимо ушей, вспомнил чай, пролитый в салоне «форда» – после коварного удара русского! – на брюки. Вспомнил, как в приёмном отделении госпиталя криво ухмылялись хакимы, разглядывая большое тёмное пятно на его брюках. О, шайтаны, раструбили по всему Тегерану, что славный воин Барзани обмочился со страху! Клевета, но глупый народ верит! Но кто, кто мог предвидеть, что Советы нарушат правила игры и грубо, мощно ответят ударом на удар?! Сам полковник Мехреди, отправляя капитана на подвиг, уверял, что семеро крепких парней легко покалечат одного гэбиста, русские утрутся и ответят на «устрашение» жалкой нотой протеста! Но русские – о, их коварство не знает границ! – сыграли иначе! (Капитан поморщился от боли: сломанная челюсть вновь напомнила о позоре минувшей ночи.) Стремительно примчались неведомо откуда, били сильно и без церемоний. Но этого кяфирам показалось мало: на следующий день русское посольство ещё и ноту протеста заявило! «Что же ваш оперативный гений, полковник Мехреди – гореть тебе в аду! – не смог просчитать ходы коварных неверных?! А, так вы дали мне мудрые указания, и операция провалена лишь потому, что я их бездарно исполнил?!» – исходил ядом Барзани, раболепно склоняясь перед выпрыгнувшим из руководящего кресла шефом.

– Найти виновных в провале операции! – ткнул пальцем в грудь Барзани полковник Мехреди, выпучил глаза и рявкнул на прощание ценное указание:

– И строго наказать!

«И кто будет виноват во всём, кто ответит головой? Пожалуй, этот, как его, Хасан Бируни. Хакимы сказали: Бируни – единственный, кто легко отделался: ни переломов, ни сотрясений! А изображал искалеченного! Трус! Его и уволю!» – твёрдо решил, выходя из кабинета босса, капитан Барзани.

***

На третий после провальной «операции устрашения» день в военный госпиталь, где хакимы выхаживали искалеченных неверными саваковцев, наведался старший брат Хасана – Бахрам Бируни.

Хасан – голова перевязана, на лице страдания, походка шаткая, в общем, не жилец (симуляция чистой воды, хаким об этом знает, но за риалы согласился подыграть), – поговорив минут пять с братом в палате, вызвался проводить родственника до ворот. Выйдя из здания госпиталя, Хасан увлёк брата в аллею, нашёл подходящую, подальше от чужих глаз и ушей, скамейку, стал печалиться:

– Ох, не повезло мне, брат! Здоровье уже потерял (Хасан лукавил – со здоровьем у него был порядок полный), теперь и работы лишусь: ага ищет, на кого провал свалить! Спишет – чувствую! – на меня! Как жить после этого, чем семью кормить?!

Бахрам кивнул, нахмурил бровь, наклонился к брату. Не просто так ведь плачется младший Бируни, а со смыслом! Придумал, наверное, братец что-то хитрое, спасительное – и нужна ему помощь от старшего, о чём в палате, где на восьми жалких койках чужие глаза и уши, не поведаешь…

Выслушал Бахрам брата, задумался, стал перебирать чётки. Хасан рядом сидит, вздыхает (если не согласится брат сразу, уговаривать придётся, силы, время впустую тратить), ждёт решения главы рода…

– Ну что ж, Хасан, – важно молвил наконец Бахрам, – поскольку Коран не запрещает военную хитрость, я принимаю твой план!

Обнялись братья, зашептались: так спокойнее – и у деревьев, и у скамеек есть уши.

Глава пятая. Ловушка «Семи струй»

«Отлично, сам напросился!» – решил капитан Барзани, когда до него дошла просьба Хасана Бируни «принять и выслушать по важному делу».

Войдя в кабинет начальника, Хасан почтительно склонился, подобострастно произнёс:

– Да пребудет с вами, ага, милость Аллаха! – и ловко так опустил на стол начальника лист бумаги, испещрённый каллиграфической вязью фарси.

«Выгнать я его всегда могу, а пока прочту, что этот придурок здесь нацарапал», – мудро решил капитан Барзани и скользнул взглядом по написанному. Прочитал раз – бегло, второй – вдумчиво, перевёл удивлённый взгляд на «придурка», откинулся на спинку кресла, стал размышлять. Минут через пять решил: «Ну что ж, план отличный – не такой уж этот Хасан придурок, каким кажется: надо к нему присмотреться!» Нахмурил брови и рявкнул:

– Ты что мне принёс?! Зачем?! С какой целью?! Кто научил?!

Хасан вздохнул, покаянно закивал, виновато забормотал, что идею плана он почерпнул из руководящих указаний и мудрых наставлений уважаемого капитана Барзани, да продлит Аллах его дни, а детали додумал сам, да, сам. Но, конечно, капитан Барзани видит дальше и глубже, ага где надо поправит, наставит, даст указание, а уж Хасан его смиренно исполнит.

«Ценный кадр. И ловкий: когда русских «устрашали», Бируни один не пострадал, остальных кяфиры покалечили, – подумал Барзани. – А я погорячился – выгнать собрался».

– Ладно, иди, работай! Я подумаю, чем усилить мой (слово важное – надо подчеркнуть интонацией!) план, который, если я так решу, исполнять будешь ты!

Хасан склонился, попятился, скрылся за дверью и только здесь ухмыльнулся: начальник заглотнул крючок – теперь семья Бируни с голоду не умрёт!

***

Через три дня капитан Барзани, согласовав план новой операции с полковником Мехреди, вызвал Хасана в кабинет, важно кивнул:

– Там (взгляд в потолок) хотели тебя, Бируни, с позором выгнать с работы! Но я тебя отстоял! Если выполнишь мой план, если сделаешь всё правильно, станешь старшим в группе!

Хасан молитвенно сложил руки на груди, склонился в поклоне раз и другой:

– Всё сделаю, ага, всё, что скажете! Ваши мудрые указания – для меня словно свет дневной! Вы…

– Ладно, ладно, Хасан, давай о деле. Приказываю тебе…

И дальше Хасан услышал свой, сочинённый им на госпитальной койке, план операции.

– А это тебе на расходы! – важно сказал на прощание капитан Барзани. – Распишись!

Выйдя от начальника, Хасан пересчитал «на расходы», прикинул: «Четверть ага себе забрал». Вздохнул, подумал и решил: «Риалы доберу в «Дарвазе газвин» – «Семи струях»...»

***

Керимбек Ширинов бодро зачитывал доклад, когда надо (пометки сделаны на страницах текста), тыкал указкой в схемы, фотографии, графики, развешанные на стендах. Около трибуны суетился нанятый Керимбеком фотограф, щёлкал и анфас, и в профиль, и в три четверти, маститых в зале аж перекашивало от зависти. На «уникальный опыт освоения Нефтяных Камней» (тема доклада) зал реагировал вяло. «Это от зависти к нашим успехам!» – зло подумал Керимбек и, добравшись до финала доклада, с пафосом, подчёркнутым голосовыми связками и мимикой, особо отметил «выдающуюся роль в реализации уникального каспийского проекта неутомимого борца за мир, организатора и вдохновителя всех побед советского народа, величайшего политического деятеля современности Никиты Сергеевича Хрущёва»! Правды в тех словах – ноль, но ритуал требует всей этой пустой, «утверждённой в Баку на высоком уровне», трескотни. Завистники откликнулись на славословия в адрес «вождя» отвратительными кривыми ухмылками. Керимбек «бурных и продолжительных аплодисментов» от сидящей в зале «продажной буржуазной интеллигенции» не ждал, ну и ладно, и так, без «бурных», сойдёт. Утверждённый в «Гипроморнефтегазе» и других высоких инстанциях текст он зачитал (красиво, гладко, дикцией и ораторским даром Аллах не обидел!), порученную миссию выполнил, а главное, очередную ступеньку в карьерной лестнице выстроил. Спасибо тестю: если бы не высокопоставленный родственник, на конференцию в Тегеран поехал бы кто-то другой.

Завершив доклад, Керимбек церемонно поклонился залу, а на последних вспышках наймита ещё и руку правую вперёд выбросил – красивый должен получиться глянец, фундаментальный, на обложку отраслевого журнала!

Керимбек спустился в зал (модератор как раз перерыв в работе конференции объявил), с достоинством (кандидат наук, скоро доктором станет!) зашагал к выходу. Тут к нему Бахрам Бируни (скучный, вялый, приставлен организаторами конференции то ли гидом, то ли консультантом, из достоинств одно – владеет азербайджанским языком) протиснулся, под локоток взял, забормотал слова льстивые. Что поделаешь, Восток! И ведь понимаешь, что лесть – ритуал, не более того, а слушать приятно!

Керимбек к Бахраму склонился, зашептал, что де нельзя ему в Баку с пустыми руками возвращаться, подарки надо купить жене, детям, тестю, и вообще...

Бахрам понимающе кивнул, бормотнул: знаю, ага, знаю места, где и дёшево, и красиво, и довольны все будут, я и моя машина к вашим услугам!

Ловким человеком оказался Бахрам Бируни! Солнце ещё не село, а заднее сиденье «форда» (старенький, но по улицам Тегерана гоняет лихо!) уже заняли коробки, пакеты, свёртки с подарками! Уму непостижимо, как удалось уложиться в командировочные (плюс, конечно, ещё кое-что, от тестя перепавшее)!

– Удачный для вас, ага, день! Выступили с великолепным докладом, всех в восторг привели, подарки семье купили – жена, дети будут счастливы! Давайте, ага, отметим эти радостные события в ресторанчике – здесь, недалеко! Кухня – отменная, истинно восточная, а берут недорого.

Смутили Керимбека слова рахат-лукумные: проголодался за день, желудок дань требует, но денег в портмоне почти не осталось, придётся, видно, отказать гиду любезному.

А Бахрам улыбнулся, словно брат родной, и тепло так:

– Ага, вы – наш дорогой гость, и я вас приглашаю! От чистого сердца!

Ну, если от чистого, тогда другое дело.

Поужинали скромно – видно, и у Бахрама кошель тощий, но голод на время приглушили. А гид и о наслаждениях духа, венчающих день счастливый, задумался. Прикинули и так, и этак, по кошельку выходило, что за наслаждениями только в кино, на фильм американский.

За полтора часа в зале тёмном, попкорн (а если по-простому, зёрна кукурузные, вывернутые наизнанку нагреванием – в общем, дрянь изрядная, на любителя) жующим, взмок Керимбек изрядно – фильм каким-то странным образом оказался порнографическим, с откровениями на весь экран такими, что паралитика с постели поднимут. В Союзе о таком, с позволения сказать, «искусстве» – только слухи, а тут, спасибо гиду, всё в оригинале цветном. Бахрам, правда, зашептал было извинения:

– Прости, ага, внимания не обратил, что показывать будут, если хочешь, уйдём! – но Керимбек сделал вид, что не расслышал.

После окончания сеанса, на улице, Керимбек минуты три на всякий случай повозмущался «деградацией западной культуры», деланно удивился:

– И как вы такое можете смотреть! – а потом икнул жалостливо:

– Есть что-то хочется!

Когда сели в авто, Бахрам философически изрёк:

– Иран – свободная страна! Кому милее традиции Востока – идёт в мечеть, к муллам, кому цивилизованный Запад – приобщается к Голливуду!

Не забыл Бахрам и об ужине (видно, и сам проголодался):

– Поедем в заведение к родственнику – накормит в долг!

Ехали-ехали, наконец заехали в какой-то тёмный переулок, вышли из «форда», спустились по ступеням, вошли в слабо освещённый коридор, долго шли какими-то лабиринтами, Керимбек уже жалеть стал, что соблазнился дармовой ресторацией, а не вернулся в отель – после шести вечера (вспомнил наставления тёщи) есть вредно!

Наконец, вошли в отдельный кабинет. Керимбек огляделся: полумрак, пахнет сладко, на окне занавесь плотная, красная, нитями под золото прошитая, на полу палас пушистый (потрёпан изрядно, ну да ладно), в центре стол на резных ножках. Керимбек плюхнулся на диван у стены, на подушки руки возложил, ноги вытянул – день прошёл в трудах праведных, устал, отдохнуть надо. А тут и официант с подносом: шашлык из рыбы, люля-кебаб (когда успели приготовить?), осетровая икра, закуски, сладости, фрукты, вино в графине пузатом.

С шашлыком и кебабом расправились быстро, жажду вином утолили, Бахрам извинился, вышел, а через минуту в кабинет впорхнула пышногрудая гурия – одеяния лёгкие, прозрачные, запах от полуобнажённого тела дурманящий, взгляд манящий, многообещающий. Сглотнул Керимбек, напрягся, что делать, не знает, хотел Бахрама крикнуть, а гурия дверь в кабинет на ключ закрыла, из скважины замочной рифлёный извлекла, в угол отбросила, сама вокруг гостя заскользила, бёдрами завертела, руками замахала, груди большие, упругие из лифа атласного на волю так и рвутся, так и рвутся! Озаботился Керимбек – странно всё это. Может, подарок от заведения? А может, Бахрам жестом широким гостеприимство восточное явил? Или провокация САВАК?! О них, вероятных, в Баку перед отъездом чекисты инструктировали. Если бы не дверь, на ключ запертая, встал бы и ушёл от греха подальше! А гурия-искусительница бёдрами вертит, глазами зовёт, манит, обещает страсти волшебные, неизведанные, безумные…

И не устоял перед искушением великим Керимбек. «Сказка восточная! Тысяча и одна ночь! А я – хан, повелитель, Гарун-аль-Рашид! Что захочу, то и сделаю с гурией!» – завихрилось в его помутнённом вожделением и вином сознании, топя в похоти грубой устои семейные, наставления гэбистские, инстинкт базальный – самосохранения.

А гурия – дивная, манящая, доступная, сладкая! – с Керимбека уже пиджак стягивает, галстук распускает... Минуты не прошло – и сброшены одежды, и Керимбек – великий и могучий хан, а гурия – пылкая, страстная, прихотям повелителя послушная... Не жизнь, а сказка! Такая и Голливуду не снилась!

***

– Принеси сладости! – властно приказал Керимбек гурии. Подустал, страсти великие одолели, силы забрали, подкрепиться надо, а потом... Закрыл глаза Керимбек, размечтался... Да, гурия – это сказка! А жена... Ну что жена? Тощая, плоскогрудая, холодная, ноги кривые, волосатые... Зато – дочь первого секретаря райкома партии (тесть ловкий, скоро в горком перейдёт, а там, глядишь, и секретарём ЦК станет!): достоинство немалое, карьеру Керимбеку обеспечивающее. Ещё мать наследников – продолжателей славного рода Ширинових, честь ей за это и хвала, но не гурия, не волшебница...

Вздохнул Керимбек, с подушек приподнялся, хотел гурию на ложе любви поманить – ан нет в чертоге волшебницы, нет! Вместо гурии – тип какой-то, за спиной его, у двери – ещё двое. Кто такие, как вошли, если дверь изнутри заперта?! Щёлкнул тип пальцами (видно, он у них тут главный), один из прислужников от двери к столу подошёл, столешницу от остатков пира освободил (сбросил объедки и посуду на поднос), второй одежду Керимбека с пола собрал и «зятю уважаемого первого секретаря» на диван швырнул. Сделали свои нехитрые дела прислужники молчаливые, повернулись и за дверью исчезли. Поманил главный Керимбека – нервного, дрожащего, суетливо брюки застёгивающего, к столу, печально головой покачал, потом на столешницу пачку фотографий брезгливо положил. Кинул взгляд Керимбек на глянец – и едва на ногах устоял, хорошо, стул рядом оказался, спас от позорного падения на пол. А тип фотографии по столешнице веером раскинул, языком зацокал, на неплохом азербайджанском произнёс:

– Как вы думаете, Керимбек ага, если эти фотографии окажутся на столе вашего уважаемого тестя, как он с вами поступит? А если на столе вашего директора, останетесь ли вы начальником отдела «Гипроморнефтегаза»? А если на столе председателя КГБ генерала Кардашева? А если в ЦК, у товарища Ахундова, да с комментариями, сильно навредит это вашему высокому родственнику и покровителю?

Похолодел Керимбек: «Всё, всё про меня знают! Кто, кто донёс?!», в голове прозрение запоздалое: «А-а, Бахрам! Так, тебя, Бируни, и так! Альбомчик, порнуха американская – всё рассчитал! Заманил, шайтан, в ловушку, подложил гурию! (Нервно дёрнул Керимбек головой, глаза забегали по потолку, выискивая скрытые фотообъективы, хотя какое это теперь имеет значение...) Всё, конец, конец карьере! Нет семьи, нет будущего, всё, всё пропало!» И дальше слова грубые, ничего в судьбе Керимбека не меняющие, про глупость великую, «без пяти минут доктором наук» в Тегеране треклятом свершённую!

А Хасан Бируни глянец тот Керимбеку пальчиком подтолкнул, вздохнул печально:

– Плохо вы про нас подумали, уважаемый Керимбек ага! Заберите фотографии – вам они нужнее! В трудную минуту их образы, извлечённые из архива памяти, помогут вам принять верное решение!

Из кармана кассету фотоаппаратную извлёк, но Керимбеку не передал, стал по столу катать: вперёд, назад, вперёд, назад. Через минуту кассету в ладони спрятал, на Керимбека взглянул тепло, ласково, произнёс мягко:

– А вы, Керимбек ага, в знак признательности передадите в Баку нашему человеку список руководящих сотрудников «Гипроморнефтегаза». Имена, знаете ли, фамилии, должности, домашние адреса, номера телефонов. Для вас ведь это не трудно?

Задумался Керимбек: «Влип я серьёзно. Шантаж, вербовка – САВАК, может, даже ЦРУ? Если соглашусь, потянет ли на измену Родине? Но измена – это если поймают. Но ведь могут и не поймать? А не соглашусь – выполнят угрозы! И потеряю тогда семью, работу, уважение, квартиру, дачу, машину. Да-да, тесть добьётся «справедливого раздела имущества»! Что, что делать, какое решение принять?!»

Хасан Бируни улыбнулся, покачал головой, достал из кармана пачку денег, бросил на стол:

– В Тегеране вы ещё сутки – это вам аванс за вашу работу! Купите подарки жене, детям, тестю, ну, бутылку виски вашему директору – ему будет приятно! И заплатите девушке – она была к вам так добра!

Воровато оглянулся, наклонился к Керимбеку, шепнул доверительно:

– От вас – маленькая информационная услуга, мелочь, ерунда! Вы же не являетесь носителем государственных секретов, верно?! А-а, вы хотите знать, зачем вы нам, в таком случае, вообще нужны?! Отвечу, но, сами понимаете, это должно остаться между нами: мне зарплату отрабатывать надо (хитрое подмигивание), отчёты писать о работе проделанной. Вы мне поможете, я – вам…

В дверь заглянул один из молчаливых, что-то быстро бормотнул на фарси главному и исчез.

– Увы, Керимбек ага, – полиция проводит рейд: сами понимаете, «Семь струй»! Через пять минут они будут здесь – решайте, что для вас дороже: счастливая и благополучная семейная жизнь, великолепная карьера или позор и нищета?

Керимбек запихнул во внутренние карманы пиджака фотографии («Уничтожу в отеле!»), в боковой спрятал деньги, в сознании мелькнуло: «С девкой надо расплатиться, иначе устроит скандал! Подумать только, «Семь струй», знаменитый тегеранский бордель! Вот почему этот негодяй Бахрам завёл меня сюда через чёрный вход! Подъехали бы к «парадному» – ноги б моей здесь не было!»

А тип Керимбеку листок сложенный в руку пихнул, приобнял, на ухо шепнул:

– Здесь инструкции: место и время встречи с нашим человеком в Баку, ну и прочее! В отеле прочтёте, листок потом сожжёте. И запомните эту булавку для галстука – она будет на нашем человеке…

Второй листок и рядом с ним ручку на стол положил:

– Расписка – для отчёта – нужна! Берите ручку, пишите: получил от Хасана Бируни тридцать тысяч риалов, число, подпись.

Керимбек с ужасом смотрел на лист бумаги, на ручку, на ухмыляющегося типа – писать рука не поднималась. Понимал «почти доктор наук», что, взяв деньги и оставив персам расписку, он сжигает за собой все мосты – за первым заданием последуют второе, третье – и так до рокового мгновения, когда за ним придут чекисты.

– Ну, дело ваше, Керимбек ага: полиция составит протокол – девушкой вы попользовались, но не заплатили, направит в советское посольство… Администрация «Семи струй», сами понимаете, потребует у СССР компенсации за неплатёжеспособного клиента (слово это Керимбека, ещё пять минут назад мнившего себя в сладких грёзах ханом, повелителем, обожгло, унизило, оскорбило). Директору вашего института, вашему тестю и товарищу Ахундову почта принесёт конверты, а в них ваши пикантные фото…

«Гостайнами я не владею, информация, о которой меня просит этот Бируни – брат, наверное, Бахрама (негодяй, подонок, так меня подставил!), есть в любом киоске «Горсправки»… Новые задания… Ну, это потом думать буду… Сейчас главное, из ловушки выскользнуть! Расписка… Ну, взял у человека в долг… Тридцать тысяч риалов – деньги не очень большие… А полиция, протокол – минуты остались, а потом – крах всей жизни!» – вихрем пронеслось в горячечном сознании Керимбека. Он схватил ручку, придвинул лист, вывел дрожащей рукой («Почерк не мой, не мой!» – потешил себя иллюзией) требуемое типом.

Хасан подхватил лист, пробежал глазами написанное, хлопнул Керимбека по плечу, развернулся и исчез.

Керимбек выругался – зло, смачно, из вертепа выскользнул, головой в коридоре повертел – не видно девки, и плевать! И – благо, память пока не подводит – теми же коридорами, что к гурии привели, на улицу выскользнул, такси поймал, велел к отелю мчаться. Поднялся в номер – а там коробки, пакеты, свёртки из машины Бахрама – вернул подарки семье, не скрысятничал, хоть за это спасибо.

***

– Теперь этот Керимбек вот где у нас! – сжав пальцы в кулак, засмеялся капитан Барзани. – Молодец, молодец, Хасан, отлично поработал!

Похвалив подчинённого, Барзани спрятал в сейф расписку Керимбека, пачку компрометирующих фотографий, негативы, заявления от девки и владельца борделя – отличный оперативный материал, жаль, работать с ним будут другие.

– Да, ага, всё сделал, как вы приказали, – закивал Хасан, а в мыслях: «Ложь, конечно, – план придумал я, но капитану слушать приятно, значит, и мне польза».

– Верно говоришь: я приказал! А это что, отчёт о расходах?

– Да, ага! Брату за ресторан, транспорт и прочее, девушке за услуги, администрации за ужин, всё – чтобы следов лишних в бумагах не оставлять – наличными!

А в мыслях, от капитана сокрытых: «В «Семи струях» сказал: честь для вас великая послужить шаху и родине! Предупредил хозяина и шлюху строго: выставлять Управлению счета «за услуги» чтобы и не думали! Ну а мы с Бахрамом риалы заслужили, заслужили!»

– Перерасход у тебя, Хасан, вышел! А что взамен?! Спросит меня генерал – зачем нам этот Керимбек, чем полезен? Что отвечу?!

Округлил Хасан глаза, сыграл великое удивление:

– Вы же сами, ага, учили: у Керимбека тесть во власти! Объект перспективный! Придёт к дочери в гости, похвастается о делах партийных, государственных! Керимбек ему один вопрос, второй, тесть выпил, закусил, проговорился, о чём в своём ЦК толковали: чем не политическая разведка?! А если Керимбек ещё и на диктофон тестя запишет, из первого секретаря со временем отличный агент влияния может получиться! Об одном жалею, ага: отдадим мы Керимбека во второй Департамент, который разведкой и коммунистами занимается, вся слава – и не только (вздохнул глубоко, многозначительно) слава – им достанется…

Развёл руками капитан Барзани:

– Твоя правда, Хасан, – обидно… Ну что стоишь, сердце мне терзаешь: иди, работай, руководи группой – заслужил!

Хасан руки к груди прижал, поклонился шефу раз, другой, но из кабинета не вышел, к Барзани приблизился, воровато оглянулся (в кино видел – заговорщики хитроумные так себя вести должны), зашептал (мало ли что, вдруг и у этих стен есть уши?). Барзани послушал, ус покрутил, глаз хитро прищурил: «Молодец, Хасан, хорошо придумал! Связным в Баку на встречи с этим плешивым Керимбеком пусть ездит Бахрам! В Баку за нашими людьми из посольства наверняка КГБ ходит, шагу спокойно ступить не даёт! А Бахрам – учёный, нефтяник, познакомился с плешивым на конференции – мотив для контактов подходящий. Встретились, на бульвар погулять пошли, Бахрам плешивому инструкции – ну и деньги, как без этого? – передал. В ответ сообщения важные, политические получил, в Тегеран привёз, Хасану (ему, как брату, полное доверие!) передал, тот – мне! Отлично! И эта задумка тоже хороша: следуя традициям Востока, будет Бахрам возить Керимбеку подарки – жене, её мадар[1], детям! Привыкнут ханум к духам, косметике, костюмчикам-туфелькам, почувствуют вкус сладкий жизни западной, скажут в благодарность слова лестные –

[1] Мадар (фарси) – мать.

Бахрам на диктофон запишет! Так, визит за визитом, соберём компромат на дочь, на мадар – ручным станет и рафик[1]! Игра будет долгой, но перспективной – это приятно! Буду над планами в кабинете размышлять, указания давать, о глупых ночных вылазках забуду. (От воспоминаний о мокрых, залитых чаем – по вине русских, ну и полковника Мехреди, придумавшего глупейший план «устрашения», тоже – брюках, породивших клеветнические слухи, лицо капитана покрылось лиловыми пятнами.) Да, и ещё, это важно: надо сделать так, чтобы американцы узнали, что комбинацию эту хитрую придумал капитан Барзани, чтобы аккуратно отодвинули и второй Департамент, и этого барана Мехреди, чтобы поручили руководство операцией мне! При покровительстве американцев – агент влияния во власти в Азербайджане должен им понравиться! – стану скоро большим начальником!»

***

По инструкции, полученной Керимбеком в «Семи струях», передать персам список боссов «Гипроморнефтегаза» он должен был шестого сентября (первая пятница месяца) в мужском туалете кинотеатра «Низами» перед началом вечернего сеанса. По здравому размышлению, список (его Керимбек отпечатал в выходные на даче на старой пишущей машинке, оставшейся от деда: если «возникнут осложнения», нигде не засвеченный «Ундервуд» всегда можно утопить в Каспии) на гостайну не тянул. В схеме передачи «разведданных» каких-либо тайных ловушек Керимбек не нашёл. От туалета, конечно, «попахивало», но ждать от этих шахских прихлебателей планов воистину мудрых не приходилось. Время, убедился Керимбек, действительно, отличный доктор: к сентябрю «вся суета на иранскую разведку» (слов таких в Тегеране никто из персов ни разу не произнёс, но «почти доктору наук» догадаться об очевидном было нетрудно) вызывала у зятя первого секретаря разве что лёгкую и презрительную усмешку. Иногда, когда в памяти всплывали страницы прочитанных в детстве и юности книг (о мушкетёрах, пиратах, контрабандистах и прочих благородных разбойниках), бывало даже забавно.

Пока шли с супругой к «Низами» (от дома – минут пять), встретили «в городе» с десяток знакомых. Ханумки кидали завистливые взгляды на наряд жены (подарок, привезённый Керимбеком из Ирана), тешили тщеславие «почти доктора наук».

В кинотеатре Керимбек сразу повёл жену в зал, сам вернулся в фойе, заглянул в буфет: до встречи «со связным в мужской комнате» оставались считанные минуты.

«Связной» стоял-переминался в очереди к прилавку – Керимбек узнал «шпиона» по булавке на галстуке – миниатюрной серебряной гитаре (прозрачная ассоциация с «семиструйным» грехопадением). Иранец, догадался Керимбек, «идентифицировал источник» легко и быстро – по фотографиям, сделанным персами в тегеранском борделе. («Откровение» грубо напомнило о роковой командировочной ошибке, ядовито кольнуло в сердце – эх, была бы машина времени!)

Дальше – совсем просто. Керимбек отправился в туалет (сильно пахло хлором – видно, уборщица недавно постаралась), занял кабинку. Огляделся, бросил в «корзину для бумаг» (пустую – не понравилось это Керимбеку, хотя, если только-только провели уборку, это нормально) свёрнутые в рулон и перетянутые резинкой листы, дёрнул – для конспирации – за ручку сливного бачка. Сделав нехитрое дело («Да, технически всё просто, но спина взмокла и сердце – бешеный аргамак!»), Керимбек вышел из кабинки, и тут же в неё юркнул тип с «семиструнной» булавкой.

«Надеюсь, перс помнит, где искать список», – брезгливо подумал Керимбек и заторопился в зал (хотелось бодро и смело, но шажки вышли мелкие, шаткие) – пока не погас свет, надо успеть угостить жену конфетами, купленными в буфете, замотивировать, так сказать, «временное отсутствие».

[1] Рафик (фарси) – отец.

***

Задание Кязим Байрамов – младший лейтенант из Седьмого[1] отдела комитета, начинающий опер «наружки» – получил, можно сказать, не «боевое, а учебное». Когда из иранского посольства (других иностранных дипмиссий в Баку нет) вышли атташе по культуре с супругой, старший группы (сидели топтуны на первом этаже в здании напротив, пили чай, смаковали пахлаву, считали часы до окончания дежурства) ткнул пальцем в Кязима:

– Давай, Байрамов, разомнись! Атташе «чистый», на САВАК не работает, но проследить надо! Завтра доложишь, отчёт напишешь!

Персы свернули на Коммунистическую, неторопливо направились к скверу Низами. Кязим – как учили в 401-й ленинградской школе КГБ[2] – держал дистанцию, зорко следил, не «законтачит» ли с кем посторонним атташе (на улице, в потоке прохожих, это нетрудно), не оставит ли в месте укромном шпионскую закладку (теория контрразведывательная возможность такую не исключает)? Атташе «не оставлял» и «не контачил», напротив, старался – с высокомерием и даже, показалось младшему лейтенанту, брезгливостью – держаться от бакинцев «на дистанции». Кязим решил, что старший группы оценил ситуацию точно – атташе не шпион, а так, вышел прогуляться. «Поэтому и меня, как малоопытного, отправил в «поле» уму-разуму набираться», – с лёгкой обидой подумал младший лейтенант, «ослабил хватку» и стал, нет-нет да и посматривать на спутницу перса (юбка – в обтяжку, разрез сзади ох какой предлинный, и ножки в нейлоне ах какие аппетитные!).

Персиянка (шли уже по Торговой), словно почувствовав липкий взгляд Кязима, вдруг оглянулась – глаза острые, хищные, склонилась к атташе, зашептала ему что-то. Повернулся и атташе, оглядел Кязима. «Если запомнит лицо, это прокол, прокол в работе!» – слегка испугался младший лейтенант, шагнул к витрине, подставил персам спину. Вроде обошлось, и атташе с ханумкой дальше зашагали.

Довёл Кязим персов до кинотеатра «Низами», те не в кассу, а сразу к администратору, тот им тут же билетики услужливо в руку сунул.

«Из посольства, наверное, заранее позвонили, заказали, а начальство моё не отследило. Написать об этом в отчёте или не стоит? – мелькнуло у младшего лейтенанта. – Если напишу, капитан Рамазанов обиду затаит – его прокол… Ладно, до утра подумаю: сейчас важно объект не упустить!»

Не растерялся Кязим – как персы отошли, он, отодвинув от двери в кабинетик руководящий какую-то нагловатую ханум, решительно к администратору шагнул, удостоверение открыл, брови нахмурил, билет, властью упоённый, потребовал! Засуетился админ, «на всякий случай» извиняться стал, минуты не прошло, как Кязим в кинотеатр «Низами» вошёл, персов искать кинулся.

Атташе нашёл в буфете – стоит перс в очереди, скучает, контактов не ищет. Потом в туалет, благо, он недалеко от общепита, двинул. Дверь с профилем мужским (пружина тугая!) придержала Кязима на входе, но успел приметить младший лейтенант, как перс руки у раковины ополоснул («Чистюля!»), а потом в кабинку зашёл, дверь за собой защёлкнул. Как учили в 401-й, типа, что до перса в кабинке побывал, Кязим оглядел внимательно, лицо запомнил. Потом в кабинку пустую, что рядом с той, в которой перс закрылся, влетел, прислушался. И показалось ему, что у соседа вроде как бумага зашуршала и корзина по плиткам сдвинулась. Потом бачок у перса заработал, Кязим подождал, пока за атташе дверь тугая закроется, выскочил, парня какого-то, собравшегося в кабинку, иранцем покинутую, занять, вежливо подвинул.

---

[1] Седьмой отдел КГБ Азербайджана занимался наружным наблюдением.

[2] Школа №401 КГБ СССР создана в 1954 году, готовила сотрудников наружного наблюдения, дислокация – город Ленинград, срок обучения – 1 год.

Вступать в дискуссию с отодвинутым оболтусом не стал, резко закрыл за собой дверь, стал осматриваться: «Корзина для бумаг пустая… Спрашивается, с какой целью перс её сдвинул? И где бумага, которой атташе шуршал?» Странная история, а тут Кязима ещё одно откровение посетило: «И как раньше не догадался! Перс ведь ждал, недолго, но ждал, когда человек из кабинки выйдет! А рядом была свободная – та самая, которую я потом занял! Это что же получается, у перса был контакт – контакт с агентом?! А я не проследил, упустил!» Перс – он что, он атташе, он всегда на виду, а агент («Хорошо, если агент, если открою его я!») – он же тайный, и о том, что он есть, в комитете наверняка никто и не подозревает!

Похолодел Кязим, вылетел из кабинки, в зал помчался – второй уж звонок дали, сейчас свет погасят – надо, надо успеть засечь, где тип тот, что с персом в туалете законтачил, сидит!

Не успел Кязим: погасили свет. Эх, вот невезуха! Придётся ближе к концу фильма на улицу выйти и постараться, когда народ из кинотеатра повалит, приметить того, неизвестного, с кем перс законтачил.

***

«Или ошибся я, и не было контакта?» – мучился сомнениями Кязим, нервно переминаясь на площадке у выходов из «Низами», прикидывая, где лучше встать, чтобы видеть каждого зрителя, покидающего кинотеатр, да как поступить, когда после сеанса народ толпой на улицу повалит? «Начальник приказал следить за атташе. Если пойду за персом, выполню приказ, но упущу, не исключено, агента САВАК. Если не выполню приказ, прослежу за агентом, доведу до дома, где живёт, узнаю адрес – что скажет начальник? Похвалит или отругает? Если агент окажется не агентом, точно разнос устроит! Что, что делать, какое решение принять?!» – переминаясь у фонтана, терзался сомнениями Кязим.

***

– Смотри, опять этот нахал вокруг нас вертится, – ухватив атташе за локоток, шепнула персу ханум.

Атташе вздрогнул, повёл головой – свет фонаря удачно упал на нахала, спешащего – да, в этом нет сомнения! – за человеком, от которого два часа назад дипломат – «по просьбе» резидента второго Департамента САВАК («Попробуй, откажи такому!») – получил какие-то бумаги.

«Гэбист? – озаботился атташе. – Может быть, да, а может, и нет. Хотя, если шёл за нами от посольства, скорее да, чем нет. Если доложу резиденту, что заметил слежку за агентом, эта обезьяна обвинит меня в бездарной работе и потребует моего отзыва в Тегеран! После такого фиаско – не до карьерных высот, не до обещанного Парижа! Нет, никакой слежки за агентом я не заметил, контакт прошёл безупречно – так и напишу в отчёте! Париж, карьера стоят этой маленькой лжи!»

– Ты ошиблась, дорогая! – безапелляционно изрёк атташе. – Покажи, где он, твой мифический преследователь? Да, ты так восхитительна, что любого с ума сведёшь! Но у тебя есть я, твой рыцарь и защитник, увидев которого, все безумцы в страхе кидаются прочь!

Ханум атташе слащаво улыбнулась, а потом обиженно повела плечами: увы, исчез нахал, растворился, пренебрёг…

***

– Байрамов, ты что мне принёс?! Отчёт?! Вот это отчёт?! Знаешь, где ему место?! У тебя вообще как с головой, Байрамов? Тебя за то, что ты мне тут понаписал, надо на экспертизу, в психушку! – начальник группы наружного наблюдения капитан Рамазанов откровенно издевался над Кязимом.

Младший лейтенант Байрамов – руки по швам, глаза опущены, губы дрожат, сердце от обиды великой, несправедливой частит, с ритма сбивается – ждал от начальника если и не великих, то просто похвал за проявленную инициативу, а вместо благодарности за обнаруженного агента САВАК получил дичайший разнос! По здравому размышлению, обиду надо проглотить, о словах несправедливых забыть, быстро признаться в допущенных ошибках и, сославшись на «отсутствие опыта практической работы», смиренно просить начальника простить, на первый раз, неразумного. Но, как там, у классика: «Безумству храбрых поём мы славу»? И не только безумству – но и прозорливости… Помялся, повздыхал Кязим, помучился сомнениями и заговорил – но не покаянно, и совсем не то, что ожидал услышать начальник:

– Да, товарищ капитан, пока формально не доказано, что Керимбек Ширинов (по адресу, который утром принёс в комитет Кязим, личности всех проживавших в квартире установили легко и быстро) – агент САВАК. Но есть факты, которые говорят в пользу этой версии! По инструкции, раз возникли подозрения, необходимо установить в квартире Ширинових «прослушку», обеспечить наружное наблюдение, перлюстрацию, отработать связи, контакты вероятного агента и его близких родственников…

– Какие факты, Байрамов?! – загремел, словно божество верховное, капитан Рамазанов. – Пошёл Ширинов с женой в кино, заглянул в туалет – сам не можешь сообразить, что людям иногда это надо?! Потом – игра случая! – в ту же кабинку зашёл иранский атташе по культуре! Кадровый дипломат, не саваковец! Вот и все твои факты!

– Ещё бумага зашелестела, корзинка сдвинулась…

– Бумага, корзинка, звуки! Знаешь, как это называется?! Слуховые галлюцинации это называется, Байрамов! Давай, иди: психушка, экспертиза, потом комиссуем по состоянию здоровья!

Странно, но слова страшные Кязима не то, что успокоили, а мобилизовали. Облизнул губы сухие младший лейтенант, заговорил твёрдо:

– Ширинов в июле ездил в Тегеран (успел Кязим до встречи с начальником навести кое-какие справки), участвовал в работе научной конференции – у САВАК была возможность для его вербовки. Атташе по культуре – дипломат «чистый», но таких САВАК использует для элементарных оперативных действий – передать, получить «посылку», что, надо полагать, и произошло в кинотеатре «Низами». Следовательно, основания для версии, что Ширинов – агент САВАК, у нас есть!

– Основания! Версия! Байрамов, ты знаешь, на чьей дочери женат Ширинов? – зло перебил Кязима капитан Рамазанов. – Не знаешь?! А я знаю, Байрамов: первого секретаря райкома партии! А завтра, не исключено, секретаря ЦК! Его разговоры с дочерью, зятем ты тоже хочешь записывать, Байрамов?!

«Тесть – секретарь ЦК?! Ну и влип я с этим Ширинovым! – упал духом Кязим. – Но сдаваться рано, кое-какие козыри на руках имеются».

– У нас, товарищ капитан, все равны перед законом! – мягко, раздумчиво (осложнять голосовыми связками ситуацию не стоит, нет, не стоит) произнёс Кязим. Хотел добавить: и секретарь ЦК, и дворник с метлой, разницы никакой, но подумал, что слова по форме правильные, а по существу крамольные, вполне могут потянуть на «психушку и увольнение по состоянию здоровья» – и не сказал.

– Да-а?! – удивился наглости подчинённого капитан Рамазанов. – А ты знаешь, что на «прослушку» первого секретаря райкома партии требуется санкция?! – и ткнул перстом, указующим в потолок.

Кязим (воля в кулаке – как перед последним и решительным боем) смотрел в глаза капитана спокойно, с «научным интересом», в сознании мысли, которые вслух лучше не произносить: «Если Ширинов завербован, если его тесть – первый секретарь райкома партии, это означает, что щупальца САВАК наверх тянутся – тем они

опаснее! Выходит, мой начальник – дурак или враг: варианты один хуже другого. И если враг далеко не всегда дурак, то дурак на серьёзном посту всегда и безусловно враг. Но скажи я об этом вслух – и койка в психушке мне обеспечена. Выбора нет – даю задний ход».

Вздохнул глубоко Кязим, руку на сердце положил, сказал покаянно:

– Извините, товарищ капитан, допустил ошибку: опыта в работе мало. Поступил, как учили в 401-й школе КГБ, в Ленинграде, в колыбели Великой Октябрьской социалистической революции (слова штампованные, но козырные, выделил интонацией). Но вы, безусловно, правы: одной теории в нашей работе недостаточно! Необходимы опыт, глубокое знание оперативной работы, людей и вообще жизни – как у вас, товарищ капитан!

«Не прост этот Байрамов, хитёр! Про Ленинград вспомнил, про диплом столичный – да, с психушкой перебор у меня вышел», – оценил ситуацию капитан Рамазанов, «пар спустил», милостиво кивнул:

– Хорошо, младший лейтенант, идите, работайте над ошибками, а что делать с вашим отчётом, я решу.

«Да, был бы Ширинов «простым советским человеком», без высоких родственных связей, – размышлял после ухода «пешки» Байрамова капитан Рамазанов, – вопросов бы не было: «прослушка», «наружка», перлюстрация, связи-контакты! Загрузили бы людей работой, показали свою нужность стране. А так – зять большого человека, без пяти минут секретаря ЦК – связываться с таким ох как опасно! Но и в корзину отчёт байрамовский не выбросишь. Во-первых, рискованно: на Ширинова в Тегеране вполне, вполне могла выйти САВАК, и чем это закончилось, я не знаю. И если со временем Ширинов «засветится» как иранский агент, не факт, что тесть сможет его прикрыть. Во-вторых, «коэффициент полезного действия» у бумаги байрамовской, используй я её правильно, может оказаться ох каким высоким!»

Стал размышлять капитан, планы обдумывать, прикидывать, куда «повернуть тачанки» (вспомнил советскую классику, криво ухмыльнулся). К вечеру решил, что игра с отчётом может получиться интересная: «Если со временем выяснится, что Ширинов замазан связями с САВАК, то либо секретарь ЦК будет мне благодарен «за помощь» – за компромат на «дорогого зятя» придержанный, либо люди, метящие на место секретаря ЦК, – «за помощь», за компромат на конкурента, всплывший в нужное время. Главное – самому не оказаться между клановыми жерновами… А пока – ждать, наблюдать, следить за ветром перемен…»

Глава шестая. Один шанс из тысячи

Заканчивался октябрь, а создание группы НТР в 1-м отделе КГБ Азербайджана затягивалось, как объяснил полковник Гусейнов «кандидатам в энтээровцы» (полковнику Эфендиеву, майору Бабаеву и лейтенанту Абасову), «по организационным причинам». Что считать таковыми, начальник отдела подчинённым не разъяснил, но и без руководящих комментариев Теяру было ясно, что, раз генерал Кардашев готовится занять должность заместителя начальника Второго Главного управления КГБ СССР, перспективные дела республиканского комитета отошли для председателя на второй план. «Успеть надо генералу подверстать дела старые, бакинские, чтобы сдать их преемнику в лучшем виде. Ну и к работе в Москве подготовиться: полезные связи активировать, «справки» о ситуациях-веяниях в московских коридорах власти навести. Процессы серьёзные, требующие концентрации на главном для генерала – на Лубянке», – с сожалением констатировал Теяр. Вторая печаль – в кресло председателя КГБ Азербайджана готовился сесть генерал Семён Цвигун. «Перебрасывают нового шефа на Кавказ из Средней Азии – с поста председателя КГБ Таджикистана.

Приедет в Баку, начнёт знакомиться с сотрудниками, делами, обстановкой – сколько на это потребуется времени: месяц, два, три? Интересно, вопрос с нашей группой решит в этом году или перенесёт на следующий?» – прикидывал Теяр. А тут нежданно-негаданно и третья печаль – 22 ноября в Далласе, штат Техас, был убит президент США Джон Кеннеди. «Прямого влияния убийство 35-го президента США на судьбу группы НТР иметь не может, но в Центре, озабоченном американским форсмажором, сейчас точно не до нас», – трезво оценил ситуацию Теяр, вздохнул печально и вернулся к скучной иранской рутине.

***

В конце ноября «лёд тронулся» – в Баку прибыл новый председатель – генерал Цвигун. По указанию Вели Ахундова встретили нового шефа КГБ, как положено, со всеми приличествующими случаю церемониями, дали денёк отдохнуть с дороги – и в ЦК, на знакомство с «политическим руководством республики».

Встретил главного чекиста Азербайджана первый секретарь радушно, из-за стола руководящего вышел, руку крепко пожал, слова добрые с улыбкой мягкой, отеческой произнёс, в кресло, для дорогих гостей предназначенное, усадил, сам напротив устроился. Начал Ахундов с вопросов ритуальных:

– Как долетели, Семён Кузьмич, как устроились? – и с улыбкой доброй, дружеской – обещания очевидные, само собой разумеющиеся, легко исполнимые: – С квартирой, с работой супруги вопросы решим!

Генерал Цвигун на вопросы отвечал коротко, но исчерпывающе. Когда надо, улыбался. Когда требовал протокол, благодарил (хотя пока особо не за что), а сам думал, что вот так же, в 1957-м, в Душанбе являл ему «отеческую заботу» партийный лидер советского Таджикистана Ульджабаев. «В 1961-м исключили Турсунбая из партии, сняли со всех постов, а дело на персека Ульджабаева завёл и подготовил я! Что ж делать – переродился Турсунбай! Да, вон как оно получилось: сын дехканина-батрака, которому советская власть дала и образование (педагогический техникум плюс высшая партийная школа), и власть государственную (понятное дело, в родной республике), – баем решил стать! В Кремле «правила игры» понимают: Азия-с, традиции, байствуйте, товарищ Ульджабаев, но меру знайте! Но не рассчитал Турсунбай «золотой середины»! Перешёл «красные линии» Центром национальным элитам дозволенного! Приписал миллионы тонн якобы сданного государству хлопка, Кремль решил обхитрить! Ну и слетел с трона!» Да, думал Цвигун, слабым руководителем оказался Ульджабаев, а захотел чрезмерных славы, почестей, высокого положения в иерархии партийной! А их ещё заслужить надо! Но повезло, повезло Турсунбаю! При Сталине прихлопнули бы перерожденца, а при Хруще-«гуманисте» отправили в ссылку – совхозом руководить. А Вели знает, наверное, какие жалобы народ на порядки в республике в Москву шлёт?! «И Вели понимает: мои отчёты в Центр могут судьбу его изменить – и круто! Ради блеска отчётного на многое пойдёт Вели! – думал Цвигун. – Пожалуй, сработаемся…»

***

Цвигун сел в комитетскую «Волгу», строго приказал водителю:

– В комитет!

Пока мчались по проспекту Нефтяников, вспомнилась генералу служба в Душанбе. Как-никак, а семь лет жизни отдал Средней Азии! Вспомнил Цвигун, как, «накопив оперативный материал» на Ульджабаева, пришёл к «диалектическому», засевшему в сознании занозой острой, выводу: и при ханах, и при царе, и при власти советской живёт Таджикистан по своим, азиатским законам! Марксизм-ленинизм подкорректировал, конечно, форму феномена, но суть-то не изменилась: при ханах и царе хозяевами жизни были баи, при власти советской – партийные вожди.

А народ… Ну что народ? Как гнул спину на хозяев жизни, так и гнёт! При баях, когда совсем невмоготу становилось, дехкане восстания затевали, при власти советской жалобы в Москву шлют, надеются, что Кремль поможет! Кремль может сменить главу и расстрелять[1] с десяток проворовавшихся председателей колхозов. И что?! Придёт новый руководитель, на хлебные места сядут новые председатели, один клан сменит у кормушки другой, а в жизни трудового народа всё равно ничего не поменяется! И Вели понимает: старый конь хоть и пашет неглубоко, но генеральной партийной борозды не портит, и Центр без особых причин менять такого доброго конягу не станет, как, впрочем, и то, что Москва, если «давление в котле станет критическим», чтобы «сбросить пар», легко может сменить лидера и расстрелять с дюжину вороватых хозяйственников. Народу «от рокировки» легче не станет, но хоть какая-то, провозглашённая с высоких трибун, иллюзия «перемен к лучшему», растиражированная газетами, радио да телевидением! Прав Махатма Ганди: «Чтобы изменить мир вокруг, вы должны изменить себя». Но человек не меняется, нет, не меняется…

«Вот я, – думал Цвигун, – получил в Центре приказ с мздоимцами мелкой и средней руки разобраться (тех, кто из верхних эшелонов, пока велено не трогать), какой-никакой порядок в республике навести. Коррупционеров – сколько надо для картины позитивной – я, понятное дело, посажу, перед Лубянкой отчитаюсь. Проблема в другом! В Союзе везде воруют – факт. Но хорошие – и житейски мудрые – управленцы ещё и работают, результаты, Госпланом предусмотренные, дают. Сталь, чугун, нефть, газ, станки, машины, зерно! А в республике экономика буксует, не развивается. После войны Азербайджан ни один пятилетний план не выполнил! Похоже, папочку тайную на Вели всё же надо завести – может и пригодиться…»

***

Прибыв в комитет, Цвигун, собрав замов и начальников отделов, «приступил к исполнению обязанностей». Первым делом генерал дал понять подчинённым, что птица он полёта высокого, приобщённая к тайнам, можно сказать, государственным:

– В Москве (и понимай под этим то ли Лубянку, то ли – бери выше – сам Кремль!) считают, что убийство американского президента – это, товарищи, результат государственного переворота, устроенного реакционными силами в США! Нельзя исключить, что выстрелы в Далласе могут быть использованы радикалами в Пентагоне и в Лэнгли для разжигания в Америке антисоветских настроений. Более того (генерал выразительно поднял над головой указательный палец), для вооруженного нападения на СССР! Поэтому бдительность, товарищи, и ещё раз бдительность!

Полковник Гусейнов подумал, что если какой-нибудь неадекватный американский генерал отдаст приказ начать атаку на СССР, шесть сотен сотрудников азербайджанского комитета, как ни «усиливай они бдительность», остановить ракетные пуски и уберечь мир от глобальной ядерной катастрофы всё равно не смогут.

«Цвигун – контрразведчик, что ему интересы моего отдела, что ему группа НТР? Жаль, не успел Кардашев «пробить» в Москве штаты группы, согласовать приоритеты – с Цвигуном сделать это будет непросто…» – размышлял полковник Гусейнов, одобрительными кивками реагируя на сентенции нового председателя.

Закончив «вступительное слово», генерал Цвигун пожелал выслушать отчёты начальников отделов. Суховатый доклад начальника 1-го отдела новый председатель слушал вполуха. Во-первых, разведка – не его стезя, во-вторых, Москва направила его в Баку с конкретной целью – вычистить республику от одиозных, совсем уж обнаглевших коррупционеров. В Кремле от писем трудящихся, идущих в Москву с просторов «необъятной страны», не отмахивались, систематизировали, собирали в папочки, когда надо, «давали жалобам ход».

[1] В СССР к высшей мере наказания приговаривались лица, совершившие особо тяжкие преступления, в том числе экономического характера (хищения, взятки в особо крупных размерах).

На отчёт начальника 2-го отдела новый председатель отреагировал живее. Во-первых, оперативное дело, о котором сообщил нач-2, отлично «легло в тему» убийства президента США. Во-вторых, «раскручивать» его можно по привычным для контрразведки (и генерала Цвигуна) лекалам. В-третьих, новые рапорты «по делу о готовящемся покушении на первого секретаря ЦК КПСС товарища Хрущёва» и для Центра будут интересны. Пока, правда, в деле этом много неясного, а достоверных фактов всего три. Первый: доверенное лицо[1] комитета в сентябре 1958 года сообщило, что некий инженер по технике безопасности Исаев (работает на заводе нефтяного машиностроения имени лейтенанта Шмидта) обронил по рабочему телефону фразу о готовящемся покушении на персека. В кабинете заводоуправления в этот момент никого, кроме проболтавшегося Исаева, не было, лицо доверенное находилось в коридоре, за дверью приоткрытой, но вовремя прильнуло к щели – картина случайной утечки информации о готовящемся покушении вписывается в контрразведывательные схемы и может быть признана достоверной. Факт второй: установить номер телефона, на который звонил Исаев, чекисты не успели – доверенное лицо о звонке в комитет сообщило, но поздно, поздно! Факт третий: в квартире Исаева был проведён тщательный обыск (инженер и его супруга в этот момент находились на работе), но улик, свидетельствующих о подготовке теракта, обнаружено не было. Факт четвёртый: за Исаевым было установлено плотное наружное наблюдение, но инженер, каким-то странным образом ускользая от «наружки», несколько раз исчезал из Баку. Отсутствие улик, ловкий отрыв Исаева от «наружки», размышлял Цвигун, свидетельствуют о том, что комитет имеет дело с хорошо подготовленным противником. Ещё интереснее вопрос, куда и с какой целью выезжал Исаев? «Не исключено, что инженер покидал Баку ради конспиративных встреч с сообщниками. Если этот вывод верен, налицо разветвлённый заговор с целью ликвидации главы государства! А что, в Ленина стреляли, Кеннеди прихлопнули, Никита на очереди! Ну что ж, заговор – это отлично! Разоблачим – высокое место на Лубянке мне обеспечено!» – размышлял Цвигун. Смущали генерала разве что мотивы заговорщиков – людишек, если судить по инженеру Исаеву, простых, из народа. Ну, ликвидируют они «вождя» – и что дальше? «Власть всё равно не получат – «упавшее знамя» подхватит преемник Никиты из политического руководства страны. А если нет серьёзного мотива, тогда и заговор, и широкая, мастерски разоблачённая – под моим руководством – сеть заговорщиков выглядят провинциально-опереточным фарсом. А фарсы для карьеры губительны». Поразмыслив, председатель мотив всё же нашёл. С одной стороны, веский и резонный, с другой, – простой, понятный, тревогу гасящий: «Месть! И за кровь народную великую, Хрущом во времена Усатого пролитую… У Исаева, например, деда на Украине, когда там Никита заправлял, расстреляли. И за снос сталинистов (уважаемых людей из Президиума ЦК выкинул!)… Да чтобы записать все грехи Никитки, тома нужны! Взять хотя бы…» И председатель вспомнил, как 1 июня 1962 года Хрущев росчерком пера повысил в СССР розничные цены на мясомолочные продукты. Народ, полагали в Кремле, если и не выразит «всеобщего одобрения» очередному «мудрому решению партии и правительства», то, по крайней мере, стерпит, утрётся и промолчит. Только повышение цен совпало со снижением расценок за оплату труда на Новочеркасском электровозостроительном заводе имени маршала Будённого. И рабочие не «утёрлись» – начали стихийную забастовку. А та, словно «в мрачные времена проклятого царизма», переросла в многотысячный городской митинг. Местная власть, привыкшая руководить послушными массами указаниями, распоряжениями да циркулярами, от беспомощности впала в ступор, а Хрущев не придумал ничего лучше, как послать в Новочеркасск армию.

[1] Доверенное лицо – советский гражданин, привлекаемый к добровольному сотрудничеству с органами КГБ в информационных целях и для выполнения оперативных поручений, не требующих специального обучения и особых мер конспирации.

Ну а дальше – «кровавое 2 июня»: 23 человека убиты, 87 ранены. «Потом ещё осудили больше сотни бунтовщиков, нескольких приговорили к «высшей мере». Да, желающих отомстить за пролитую кровь родных-близких в Ростовской области предостаточно! С ними, вероятно, и сошлись Исаев и его бакинские подельники! К заговору могли примкнуть и военные: их Хрущев тоже обидел. И сокращениями офицерского корпуса, и распилом флота, а кого-то и словами бранными – персек за языком следить перестал, материт уважаемых людей, словно мальчишек дворовых! А к военным – партийцы… Тогда всё серьёзно! Но, как это бывало в истории, нам помог случай: Исаев, пешка болтливая! Но инженеришка стал нитью, потянув за которую, мы можем выйти на ключевые фигуры заговора – этим важна не месть, продукт побочный, а власть!» – сделал важный, многое объясняющий вывод председатель Цвигун и дал контрразведке руководящее указание: письма, отправляемые и получаемые инженером, продолжать перлюстрировать, в квартиру добавить «жучков». И плотная «наружка», выявление связей и контактов инженера!

«Надо полагать, именно отличная работа «наружки» и 2-го отдела сорвала покушение на Никиту в 1960-м, когда он в Баку с визитом пожаловал! Попытки у заговорщиков, судя по докладу, были – на тех же Нефтяных Камнях, когда Хрущева хотели к насосу взрывоопасному подвести, затем поднять в агрегате давление – и бабах! Хитрый, тонкий замысел! Но чекисты – молодцы: упредили, сорвали замыслы заговорщиков!» – с гордостью за подчинённых подумал Цвигун.

– Особое внимание – поездкам Исаева за пределы Баку! Есть высокая вероятность, что следующую поездку инженер совершит в ростовском направлении, – добавил Цвигун, но от объяснений воздержался, посчитав, что говорить о вероятной связи между событиями в Новочеркасске и заговорщиком Исаевым в Баку пока не стоит.

«Официально Семён Цвигун в контрразведке с 1939 года. Герой Великой Отечественной: успел побывать на шести фронтах и даже повоевать в партизанских отрядах. А по «слухам», участие Цвигуна в партизанском движении – вымысел. Характер у генерала податливый, с начальством не спорит, «острые углы» обходит. Не знаю, как Цвигун будет зачищать от взяточников партийный и государственный аппарат, но только, думаю, новые штатные единицы под группу НТР в Центре председатель для нас не выбьет. В лучшем случае, получу от Цвигуна рекомендацию провести «оптимизацию имеющихся штатных возможностей 1-го отдела», – оценил итоги совещания полковник Гусейнов.

Нач-1 не ошибся: через пару дней полковник Гусейнов получил от нового председателя указание организовать в отделе группу научно-технической разведки. Предвосхищая очевидный вопрос полковника, генерал Цвигун веско изрёк:

– Группа работает при вашем отделе, но подчиняется Управлению «Т» ПГУ[1]!

«Это что же, двоевластие?!» – мелькнуло у Гусейнова, но полковник благоразумно промолчал, решив, что ПГУ – далеко, если и будет руководить, то директивами, а «работа в поле» всё равно остаётся за 1-м отделом КГБ Азербайджана.

***

«Организационные вопросы» полковник Гусейнов решил «росчерком пера»: на втором этаже здания КГБ выделил группе НТР служебный кабинет, руководителем назначил полковника Эфендиева (официальная «крыша» – Академия наук Азербайджана, помощник президента по научно-техническим связям), его замом – майора Бабаева («крыша» – начотдела Госкомитета по координации научно-исследовательских работ»). Третий энтээровец – лейтенант Абасов – остался «в альма матер»[2](в здании комитета) без «крыши».

[1]Сфера интересов Управления «Т» ПГУ КГБ СССР – научно-техническая разведка.
[2]Alma mater (лат.) – Буквально альма-матер – «кормящая мать», старинное студенческое название университета.

На первом – организационном – совещании полковник Гусейнов произнёс вслух то, что все и так хорошо понимали: возможности для вербовки ценных зарубежных источников, приобщённых к новейшим технологиям нефтяной разведки на шельфе, у группы НТР, работать которой предстоит с территории республики, крайне ограничены. Это у ПГУ – резидентуры в каждом советском посольстве! Живут-работают коллеги (а это, если страна пребывания с мощным промышленным и научным потенциалом, десятки сотрудников!) за границей, возможностей для поиска и вербовки источников – масса! А что у группы НТР?! Три сотрудника, и те – в Баку!

– Конференции, симпозиумы, где вы могли бы заводить перспективные контакты, в Баку проводятся нечасто. Да и на «чужом поле» иностранцы крайне осторожны и на контакты не идут, – окидывая мрачным взором энтээровцев, изрёк очевидное полковник Гусейнов. – Значит, необходимо привлекать наших учёных, выезжающих – на конференции, симпозиумы, стажировки – за рубеж! Но привлекать всех подряд – смысла нет: ради поездки за границу за государственный счёт пообещают найти, привлечь, завербовать! А вернувшись в Баку, насочиняют, что в последний момент всё сорвалось, но в следующую поездку обязательно получится! Нет, товарищи, нам нужны академики да членкоры, доктора наук и кандидаты, не утратившие авантюрного духа юности! И даже детства! Нам нужны лихие мушкетёры, благородные флибустьеры! В общем, пассионарии и искатели приключений! Но – это важно! – холодный разум и трезвый расчёт должны держать в узде авантюрный дух наших «эмиссаров»! Если в Академии наук нам удастся найти двух-трёх таких уникумов, поставленную перед нами задачу мы, не исключено, сможем решить.

Теяр подумал, что академики – состоявшиеся люди: почёт, уважение, интересная работа, достаток у них есть. «Эмиссаров» за рубежом могут, допусти уважаемый учёный в вербовочном деле роковую ошибку, арестовать-посадить на долгие годы забугорные «коллеги»! Гусейнов прав: каждый, ради сверхлимитной, оплаченной казной поездки за границу, легко пообещает «свернуть горы». Но, помня о риске, об оставленных в Баку семьях, даже приближаться на чужой территории к ценным источникам многие, если не все, поостерегутся.

«Получается, шансов на успех у нас один на тысячу, а может, даже на миллион...» – взгрустнул лейтенант Абасов.

***

В здании Президиума Академии наук (улица Коммунистическая, центр Баку) – историческом, построенном в 1913 году нефтепромышленником Мусой Нагиевым[1] – полковнику Эфендиеву выделили кабинет на третьем этаже. Кто и откуда новый помощник президента АН по научно-техническим связям, он же начальник иностранного отдела академии, оставили для академиков, членкоров и прочих сотрудников в тайне. Хотя кто соображает, и сам, наверное, догадался: монографий, журнальных статей и прочего научно-трудового, сопровождающего тернистый путь учёного, за новым помощником, не защитившим даже скромную кандидатскую, не значилось. Для конспирации вбросили в массы версию о высоком родственнике-покровителе, устроившем «своего человека» на тёплое местечко.

***

Подходящие по всем статьям кандидаты в «эмиссары» появились в начале февраля. Первого, работая с анкетами, нашёл майор Бабаев: и академик, и нефтяник, и язык английский как родной, и в расцвете лет (только-только сорок пять перешагнул), второго (молодой – нет сорока, не без амбиций, доктор наук) – полковник Эфендиев.

[1] Муса Нагиев (1848–1919) – азербайджанский нефтепромышленник, владелец более 200 зданий в Баку, в т.ч. дворца «Исмаилийе», который с 1945 года занимает Президиум АН Азербайджана.

И оба собираются, документы готовят командировочные (так удачно получилось!) туда, куда комитету надо – в Хьюстон, штат Техас, берега которого омываются водами залива Мексиканского. И если американцы разрабатывают нечто секретное для морской нефтеразведки, то залив Мексиканский для испытаний новой техники – зона самая подходящая. Ну а Хьюстон – то место, где обитают (постоянно или наездами) те самые спецы – носители секретов научно-технических, за которыми и должны отправиться «эмиссары» комитетские.

В том, что «посланниками» должны стать академик Паша Кулиев и доктор наук Махмуд Агазаде, полковник Эфендиев (после нескольких бесед с кандидатами: мимолётных – в коридорах здания президиума академии, обстоятельных – в кабинете на третьем) не сомневался. Дело было, конечно, не в анкетах, хотя они у кандидатов отличные, сколько в том потаённо-неуловимом, что почувствовал в их характерах руководитель группы. «Да, Паша и Махмуд – именно те, кто нам нужен, – решил полковник. – Степенные, респектабельные, с умом холодным, расчётливым. А дух сокрытый – мятежный, флибустьерский!»

***

Полковник Гусейнов выбор «эмиссаров» (по анкетам доктора и академика и служебным запискам помощника президента Академии наук) «в первом приближении» одобрил, нахмурил брови и дал начальнику группы НТР установки по теме деликатной – как лучше объяснить учёным мужам этическую сторону «предстоящего дела». Речь всё-таки идёт о краже чужой интеллектуальной собственности! Поэтому, во-первых, не прямо, а намёками, надо объяснить «эмиссарам», что де и у СССР агенты зарубежных спецслужб – предатели «в научных и промышленных кругах» (хотел было добавить про государственно-партийные органы, но подумал – и промолчал) – крадут научно-технические секреты и передают их своим хозяевам. «Мы, естественно, вынуждены ответными зеркальными мерами компенсировать ущерб, нанесённый стране». Во-вторых, «позаимствованная» за рубежом интеллектуальная собственность в Советском Союзе используется не для личного обогащения-потребления отдельных персон, а для всенародного блага! Подсказал доходчивый пример – «Манхэттенский проект»[1].

Да, намекнуть «эмиссарам», что у американцев кое-какие ядерные секреты советской внешней разведкой были похищены, можно. Надо только добавить, что эта кража помогла СССР сократить сроки создания советской атомной бомбы! И особо подчеркнуть, что в делах разведки заимствование чужих секретов – не криминал, а доблесть!

Разрешил полковник добавить пару абзацев о планах США по нанесению ядерных ударов по крупным городам Союза, в том числе и по Баку. «Эмиссары» и сами сообразят, что ядерное оружие спасло и Советский Союз, и советский народ от гибели, но лучше этот вывод, равно как и значение разведданных по «Манхэттенскому», подчеркнуть прямым текстом, приказал нач-1.

О супругах Розенберг[2], казнённых в США за передачу ядерных секретов «коммунистическому режиму», приказал не упоминать. Розенберги – герои, но не известно, какое впечатление произведёт на конкретного «эмиссара» история, ассоциированная с электрическим стулом: кого-то, слабого духом, может и демотивировать!

[1] «Манхэттенский проект» – программа по созданию в США ядерного оружия, осуществлённая в период 1942–1946 годов. Научный руководитель проекта – профессор Роберт Оппенгеймер, административный – генерал Лесли Гровс. В общей сложности в реализации «Манхэттенского проекта» участвовало 125 тыс. человек.

[2] Юлиус (1918–1953) и Этель (1915–1953) Розенберги были арестованы в 1950 году и обвинены в передаче СССР ядерных секретов США. Казнены в 1953 году.

***

Получив санкцию начальства, на улицу Коммунистическую прибыли полковник Эфендиев, майор Бабаев и лейтенант Абасов, поднялись в кабинет помощника президента Академии, туда же пригласили доктора наук Агазаде – едет в Хьюстон на стажировку, на три месяца, времени, чтобы разведать-добыть, предостаточно, вывод – весьма перспективен! Под чай и восточные сладости шеф группы НТР первым делом отдал дань традициям и «вербовочному протоколу» – с артистической душевностью и теплотой поинтересовался у Махмуда здоровьем, делами в семье и на работе. «Наладив контакт», полковник Эфендиев перешёл к главному – к «материализации идеи о сотрудничестве». Начал издалека – без деталей и подробностей (тем более что они, строго засекреченные, начальнику группы НТР были неведомы) поведал о помощи, оказанной в 1940-х годах Советскому Союзу прогрессивными зарубежными учёными в создании атомной бомбы.

– Мы и сами выковали бы меч для сдерживания агрессора! Но умные люди на Западе понимали: атомная бомба у Соединённых Штатов – это угроза уничтожения цивилизации! Ядерное оружие у США и СССР – это гарантия безопасности для человечества. Поэтому, – пристально глядя в глаза собеседника (глаза, как известно, зеркало души, в отражениях которого вдумчивый наблюдатель находит порой много чего полезного), проникновенно поставил точку над і полковник Эфендиев, – эти учёные добровольно (подчёркнуто модуляциями) сотрудничали с советской разведкой!

Дав минуту на осмысление сказанного, полковник Эфендиев раздумчиво изрёк:

– И сейчас на Западе есть учёные и инженеры, думающие не об узких корыстных интересах отдельных капиталистических групп, а о благе всего человечества! Помните, Флеминг, Чейн и Флори – изобретатели пенициллина, удостоенные за его открытие Нобелевской премии[1], отказались получать на это лекарство патенты! Эти достойные учёные и благородные люди решили, что пенициллин, способный спасти сотни миллионов человеческих жизней, не должен быть источником личной наживы!

После таких проникновенных слов Махмуд идею «о сотрудничестве во благо отечества» схватил на лету, спокойно кивнул и отчеканил:

– Всегда можете на меня рассчитывать!

«Есть вербовка!» – заулыбались энтээровцы, а шеф группы НТР минут за десять вопросы, интересующие разведотдел, «эмиссару №1» конкретизировал. У Махмуда, как приметил Теяр, глазки загорелись – заинтересовали учёного слова о «секретных американских разработках». На рекомендации полковника Эфендиева: «Чем больше интересных и перспективных связей с нефтяниками – теоретиками, практиками, на данном этапе это не важно – вы заведёте в Хьюстоне, тем лучше!» – и вежливый приказ-пожелание: «Будьте предельно осторожны, остерегайтесь провокаций, руководствуйтесь мудрым правилом: «Слово – серебро, молчание – золото», ответил спокойным кивком.

На следующий день аналогичную «беседу» провели и с «эмиссаром №2» – академиком Кулиевым (летит в Хьюстон на три дня, срок для выполнения задания – ничтожный, шансов на успех – практически никаких, но для красивого отчёта о проделанной группой НТР работе сгодится и Паша Пашаевич).

В комитете, отчитавшись нач-1 «о достигнутом», полковник Эфендиев, вернувшись в «кабинет НТР» и налив чаю, устало спросил членов группы:

– Как думаете, коллеги, привезут нам доктор и академик из Хьюстона что–нибудь этакое? – и выразительно щёлкнул пальцами.

– Если привезут, это будет чудо… – раздумчиво ответил майор Бабаев. – Либо…

– Цэрэушная деза, – закончил фразу зама полковник Эфендиев.

[1] Александр Флеминг (1881–1955), бактериолог, Эрнст Борис Чейн (1906–1979), фармаколог, и Говард Уолтер Флори (1898–1968), фармаколог, в 1945 году за открытие пенициллина были удостоены Нобелевской премии в области физиологии.

Шеф группы НТР отхлебнул из стакана и нахмурился от явившейся вдруг ядовитой мысли: «Профессиональные разведчики пьют чай и пишут отчёты, а дилетанты с риском, не исключено, для жизни должны искать россыпи «золотые», научно-технические».

Глава седьмая
При исполнении служебных обязанностей…

В Хьюстон Махмуд прилетел в начале марта. Освоился быстро, снял небольшую квартиру, арендовал подержанный «фордик», поездил по городу, изучил «топографию» судоходного канала, идущего от Хьюстона до Мексиканского залива. Следуя рекомендациям полковника Эфендиева, попытался было наладить «тесные и дружественные контакты» с «коллегами в конструкторском бюро». Но американцы «держали дистанцию»: белозубо улыбались, смеялись шуткам, были не прочь выпить-перекусить после работы «в тёплой компании» (особенно когда за дринки платил Махмуд), а на «доверительные беседы» не шли. Разве что куратор советского стажёра инженер Джон Сайпенс попытался «подружиться» с Махмудом. О делах бюро куратор болтал легко, вот только рационального и полезного для Махмуда в потоке его словес было ноль целых, ноль десятых. Зато инженер Сайпенс живо интересовался Нефтяными Камнями, сейсмикой и разведочным бурением на Каспии. Махмуд улыбался и с готовностью вываливал на американца открытую информацию по месторождению. Через неделю эти игры надоели и куратору, и стажёру: в общем, разошлись по-хорошему.

Прошёл месяц, и Махмуд понял, что, как ни старайся «следовать курсом», рекомендованным КГБ («Заводить в конструкторском бюро контакты, налаживать связи, стараться стать для американцев интересным и нужным – это поможет вам выйти на интересующий нас источник информации»), желаемого результата всё равно не получишь. «Вероятно, «коллеги» получили указания от здешнего «1-го отдела»[1] – или как он у них тут называется? – в разговорах со мной «лишнего не болтать» и от «доверительных контактов» воздерживаться. Значит, вариантов у меня два. Первый: забыть о «просьбе» КГБ, отдать все силы и оставшееся время стажировке, а вернувшись в Баку, сочинить для гэбистов историю о «славных делах разведчика», увы, не давших в Хьюстоне зримого результата. Второй: пойти к цели иным, не отмеченным в рекомендациях КГБ, путём», – трезво оценил ситуацию Махмуд и стал размышлять о «пути альтернативном». Фантазии о вскрытых сейфах с секретными чертежами-расчётами Махмуда позабавили – от навеянного увиденным в фильмах и прочитанным в книгах «про шпионов» рациональный доктор наук отказался легко и быстро. Во-первых, где он, тот сейф? Во-вторых, кто ж его вскроет? А понаблюдать за происходящим на пирсе здешней конторы – вариант вполне рабочий.

«Если плавучая буровая установка существует, если кое-кто из «коллег» имеет к ней отношение, то раз в месяц, а может быть, и чаще в Мексиканский залив должен уходить кораблик со спецами, отрабатывающими на опытном образце узлы-детали, режимы функционирования оборудования и прочее, программой испытаний предписанное. Если есть такой кораблик, его надо, во-первых, найти. Во-вторых, выяснить расписание «рейсов в залив». В-третьих, «в ночь Х» тайком пробраться на палубу и спрятаться в укромном месте: посудина сама доставит меня в зону испытаний! А дальше – щёлк-щёлк установку «анфас и в профиль», – принял решение Махмуд. – Фотографии секретного объекта – это не подробная техническая документация, но какой-никакой, а успех! Не исключено, что после этого комитет –

[1] В СССР так называемые Первые отделы на предприятиях, в учреждениях и т.п. выполняли функции службы безопасности (проверка сотрудников по анкетным данным при приёме на работу, санкционирование – по материалам собранных досье – поездок за рубеж и др.).

для «развития темы» – обеспечит мне пару дополнительных командировок в Хьюстон!»

На территории «конторы», в которой стажировался Махмуд, стояли десятиэтажное здание конструкторского бюро («Офисный центр», как называли железобетонного монстра «коллеги») и четыре коробки опытно-экспериментальных цехов. Махмуд «стажировался» на третьем этаже офисного здания, взор из «его окна» упирался в крыши цехов, но сообразить, что территория бюро с трёх сторон окружена высоким забором (по гребню – спираль Бруно «для непрошеных гостей»), а четвёртая выходит на канал, было нетрудно.

Махмуд не поленился, слазил в справочник, почитал, удивился, рассудил здраво: «Ну и ну! Спираль Бруно появилась ещё в годы Первой мировой войны. Спираль весьма эффективна, но крайне травмоопасна – наносит рваные раны и запрещена Женевской конвенцией для использования на гражданских объектах. Если бюро, наплевав на конвенцию, кинуло спираль на свой забор, значит, «коллегам» есть что секретить! Второй вывод: если территория «конторы» упирается в канал, у бюро должен быть и пирс».

Вернувшись вечером в съёмную квартирку, Махмуд обдумал план дальнейших действий, взгрустнул – игра предстоит весьма и весьма рискованная! – и, полный тревожных мыслей, лёг спать.

***

В магазинчике, торгующем оптикой, на доллары, выделенные комитетом «эмиссару №1» на «оперативные расходы», Махмуд купил фотоаппарат «Кэнон» с хорошим зумом и подзорную трубу. В ближайшие выходные, «поездив по Хьюстону», через боковое стекло «фордика», приложив к глазу оптику, убедился – да, вот офисная башня «его» конторы, вот цеха. А вот и то, что искал и нашёл Махмуд – пирс! Фотографировать причал не стал, но пришвартованные к пирсу кораблики (один, похоже, судно снабжения, второй – «пассажир») «зафиксировал в памяти». В понедельник во время ланча (заведение общепитовское для офисников на первом этаже «башни») Махмуду показалось, что кое-кого из «коллег» с других этажей бюро, лица коих ранее зафиксировала его память, в зале нет, хотя, конечно, может, и показалось. Вечером, покинув после трудового дня «башню», крутанул по Хьюстону, добрался до точки наилучшего обзора, приложил к глазу подзорную – а «пассажира» у пирса нет! Добрый, многообещающий знак!

Во вторник за ланчем пригляделся к лицам «сотрапезников», нашёл два, отсутствовавших в заведении в понедельник. Вечером, после работы, съездил на точку – «пассажир» стоял у пирса. Почувствовал Махмуд: «Вот она, нить!» – и каждый вечер стал ездить то на одну «точку» обзора, то на вторую, запасную (панорама похуже, но пирс просматривается). «Пассажир» исчез и в следующий понедельник, а через день вновь встал у причала. «Может быть, случайность, а может, система: надо проверить!» – решил Махмуд и на ближайший понедельник записался в научную библиотеку Хьюстона: мотив (предусмотрен программой стажировки) для непосещения бюро вполне подходящий.

Вход-выход сотрудников на территорию бюро строго фиксировался охраной на проходной, поэтому от мысли попасть на «пассажира» с пирса Махмуд, оценив ситуацию, отказался. Подумав пару дней, Махмуд с сожалением понял: если он хочет оказаться на борту «пассажира», действовать придётся прямолинейно, «по-пиратски». Риск быть обнаруженным на борту есть, но, даже если случится худшее, спиннинг и спич про страсть к рыбной ловле – мотивы для «прощения за прегрешение» убедительные. Ну, почти убедительные. «Не расстреляют же меня! «Пассажир» – не военная база, и установка, если она существует в природе и я её сфоткаю, не секретный стратегический бомбардировщик!» – рассудил Махмуд здраво.

В субботу Махмуд съездил на окраину Хьюстона, зашёл в заранее присмотренный магазинчик, торгующий удочками, спиннингами, крючками, поплавками и прочими «рыбацкими премудростями». Махмуда интересовали надувная лодка, высокие резиновые сапоги, термос и пара крепких канатов (один – с карабином и крюком, второй – с карабинами), но для убедительности образа рыбака-любителя пришлось купить спиннинг и прочее, необходимое для ловли рыбы. «Нехорошо, нарушаю инструкции – в Баку требовали быть осторожным и не рисковать – и, наверное, какие-то американские законы», – печалился Махмуд, подгребая к борту «пассажира». На воду лодку Махмуд спустил, наверное, в полукилометре от «пассажира», на другой стороне канала, с пирса городского яхт-клуба («фордик» пристроил на клубной стоянке среди десятка других авто, оставленных, надо полагать, хьюстонскими полуночниками). Ночь «для дела» – лучше не придумаешь: температура воздуха – градусов двенадцать, небо – в облаках, мелкий дождь, ветер не сильный, но скверно прибитый к стропилам железный лист на крыше ближнего цеха «конторы» повизгивает, «забивая» всплески вёсел, с отличным надрывом. На борту «пассажира», должно быть, пара-другая членов экипажа, да и вахтенных на мокрой палубе не видно. Матросикам, надеялся Махмуд, сейчас уютнее в тёплом кубрике: попили пивка, перекинулись в картишки и с чистой совестью отправились на боковую, справедливо полагая, что на пирс посторонние, при серьёзной охране на входе и спирали Бруно на стенах, проникнуть не могут. А о «неприкрытом наблюдением» канале морячки не думают – кто и зачем в такую тёмную ночь станет напрашиваться на приключения?!

Подплыв к «пассажиру», Махмуд защёлкнул карабин каната на тросике баллона надувной лодки, а второй конец, с крюком, закинул на фальшборт[1] судна. Подёргав канат (крюк зацепился крепко, как надо «для дела»), подтянулся (резиновая подошва сапог чуть визгнула по борту), добрался до планшира[2], перевалился на палубу. «Вроде обошлось – морячки аврал не подняли!» – оглядевшись и прислушавшись, с азартом подумал Махмуд и потянул на палубу брезентовую сумку «с припасами» (лежала на дне лодки, один конец канатика зацепил карабином «хранилище», второй – пояс «флибустьера»), прихваченными к ней шпагатом короткими вёслами и разобранным на части спиннингом. Потом, глубоко вдохнув, с трудом потянул из воды лодку. На палубе спустил из баллонов воздух, «скатал» резину, запихал в мешок – и осторожно, шажочками, на корму – к высмотренной через подзорную трубу спасательной шлюпке «пассажира».

«Вроде обошлось – морячки аврал не подняли!» – оглядевшись и прислушавшись, с азартом подумал Махмуд и потянул на палубу брезентовую сумку «с припасами» (лежала на дне лодки, один конец канатика зацепил карабином «хранилище», второй – пояс «флибустьера»), прихваченными к ней шпагатом короткими вёслами и разобранным на части спиннингом. Потом, глубоко вдохнув, с трудом потянул из воды лодку. На палубе спустил из баллонов воздух, «скатал» резину, запихал в мешок – и осторожно, шажочками, на корму – к высмотренной через подзорную трубу спасательной шлюпке «пассажира». Шлюпка, укрытая брезентом, лежала на кильблоке[3]. Махмуд пропихнул под брезент сумку, вёсла, разобранный спиннинг, мешок со сдутой резиной, оглядевшись по сторонам и с минуту послушав ночь, протиснулся сам.

«Теперь – ждать утра! – нервно подумал Махмуд, натянул на голову капюшон тёплой куртки и калачиком свернулся на днище шлюпки. – Хорошо, если «пассажир» утром отчалит и дойдёт до установки! А если останется у пирса или отправится не туда, куда мне надо, тогда… Тогда всё – конец моим приключениям: других идей, как найти установку, у меня нет. Да и на вторую авантюру куражу, боюсь, не хватит…»

[1] Фальшборт – сплошное ограждение по краям наружной палубы по бортам судна.
[2] Планшир – верхний брус фальшборта палубных судов.
[3] Кильблок – приспособление для размещения и хранения шлюпки на борту судна. Представляет из себя поперечную подставку, имеющую профиль обводов днища шлюпки и покрытую, чтобы избежать деформации днища, мягким материалом.

Час-другой Махмуд промучился на дне шлюпки – и неудобно, и душно, и нервы на пределе, но под утро усталость взяла своё – и пришёл сон: прерывистый, поверхностный, с ознобом и лихорадкой, с видениями кошмарными, словно в детстве, когда на бульваре перебрал с мороженым и свалился с ангиной, с температурой под сорок…

Проснулся Махмуд без четверти десять – под брезентом было темновато, но фосфоресцирующий циферблат наручных часов показал точное время. «Пассажир», судя по лёгкой килевой качке, шёл по Мексиканскому заливу. Махмуд чуть приподнял край брезента: да, водная ширь во все доступные взору стороны, а куда придёт кораблик, покажет время. Махмуд опустил брезент, извлёк из сумки термос с кофе и бутерброды: в авантюру он ввязался лихую, но мысли тревожные, как ни странно, аппетиту не помеха.

После полудня (отмерено по циферблату) на палубе «пассажира» началась суета. Кораблик сбавил ход, повернул руль лево на борт. Махмуда распирало от любопытства, но сдержался, дёргать брезент не рискнул, стал молить Аллаха (член партии, атеист, но сейчас не до политесу) ниспослать удачу.

«Пассажир» сбросил обороты двигателя, и Махмуд понял, что кораблик начал швартоваться. Крики матросов, скрежет лебёдки, Махмуд потерял терпение и кинул быстрый взгляд из-под брезента: метрах в десяти – стальная стена, уходящая и под воду, и вверх, а если приподнять край шлюпочного чехла повыше…

«Я её всё-таки нашёл», – не веря в удачу, подумал Махмуд, жадным взглядом окидывая трубный каркас, могучие поплавки, поддерживающие на воде конструкцию, стальное днище в вышине, буровую, уходящую в глубину, колонну, и дрожащей рукой опустил брезент. Теперь ждать, когда «пассажир» отшвартуется от установки, развернётся и возьмёт курс на берег. «Для «Кэнона» у меня будет минут десять: шлюпка – на корме «пассажира», матросов рядом быть не должно – что им тут делать? – успею отщёлкать кассету. Лишь бы кораблик отчалил до захода солнца – ночь перечеркнёт все планы, – с тревогой и надеждой подумал Махмуд. – Да, панорамные снимки – не техническая документация. Но, во-первых, глянец – это доказательство существования у американцев секретной буровой установки и ориентир, где искать «подходы» к технической документации – в Хьюстоне. Во-вторых, фотографии дадут представление об основных узлах, о «монтажной схеме» – а это уже зёрна для своих конструкторских идей! Вернусь в Баку – возьмусь за дело! Не один, разумеется, а во главе спецбюро – или даже института?! – конструкторского, под мои идеи открытого!» Отличные бакинские перспективы гнали адреналин по жилам, окрыляли, вдохновляли, Махмуд на всякий случай (от сглаза!) даже постучал тихонечко мизинцем по борту шлюпки.

***

«Везёт мне сегодня! Даже страшно становится, как везёт, – за такое благоволение судьба может потребовать плату высокую!» – вихрилось во взмокшей голове Махмуда: «пассажир» отошёл от установки «как заказывали» – на закате, и солнечные лучи освещали объект съёмки «в профиль», не мешая «прямыми люксами»[1] объективу «Кэнона».

Отщёлкав кассету (плёнка должна зафиксировать несущие поплавки, верхнюю платформу, буровую вышку, вертолётную площадку и прочее, открытое взгляду – технической информации немного, лишь зримая компоновка и основные узлы), Махмуд вставил в фотоаппарат новую. А драгоценную, с секретной информацией, обернул, чтобы «не гремела», в листик резины и спрятал в нижней части «бамбука» спиннинга, заткнув отверстие «аутентичной пробкой».

[1] Люкс – единица измерения освещённости в Международной системе единиц.

«Теперь ждать, когда кораблик пришвартуется у пирса бюро, когда экипаж сойдёт на берег, а в час-два ночи лодку на воду – и греби себе к яхт-клубу!» – от мыслей победных частило сердце, распирало грудь, покалывало в кончиках пальцев – эйфория, будь она неладна, совсем некстати!

К пирсу бюро «пассажир» (Махмуд кинул взгляд на циферблат) пришвартовался около полуночи. Немного тревожной суеты на борту (мысль, что под брезент может заглянуть кто-нибудь любопытный или, того хуже, проверку – «по протоколу» – выполнит охрана, оказалась цепкой), затем удаляющиеся голоса, удар клинкета[1] о комингс[2]. «Отлично! Оставшиеся на борту матросики отправились в кубрик! – мелькнуло у Махмуда. – Подожду – для надёжности – ещё час, и домой!»

Сделал, как задумал: подождал час, потом с великой осторожностью выбрался на палубу, послушал ночь, накачал баллоны лодки (насос в сумке). Огляделся, потянул носом воздух, один конец троса защёлкнул карабином на канатике лодки, второй, пропустив в клюз[3], прицепил, перевалившись через планшир фальшборта, к сумке, в которую уложил «Кэнон» и насос.

Через минуту, привязав к сумке разобранный спиннинг и вёсла, перевалил лодку через фальшборт и на тросе «спустил «судёнышко» на воду». Потом аккуратно опустил на днище лодки сумку. «Ловя мгновение», перекинулся за борт и повис на планшире фальшборта; волосы под шапочкой – хоть отжимай, в искрящем сознании: «Только не промахнуться, только не в воду!» Сосчитал до трёх, отпустил планшир и, оттолкнувшись локтем правой от фальшборта, боком «рухнул в бездну».

На днище лодки упал удачно: резина прогнулась, попыталась «выбросить» Махмуда за борт, но обошлось. Отстегнув карабин от тросика лодки, вытянул канат (второй конец пристёгнут к сумке) через клюз и на вёслах нервно «залопатил» прочь от борта «пассажира».

Выбравшись на середину канала, Махмуд, подёргивая головой то в сторону «пассажира» («Заметили? Охрана? Или матросы? Нет, вроде нет…»), то на шорохи-писки в кустах на «городской стороне», частыми гребками погнал лодку к яхт-клубу.

.

***

Открыв багажник «фордика», Махмуд аккуратно уложил на его днище части спиннинга и вёсла, сумку, потянулся к мешку с лодкой (воздух из баллонов спущен на пирсе яхт-клуба), и вдруг – торопливые шаги за спиной и холодное и чёткое, словно клацанье затвора:

– Одну минуту, мистер!

Махмуд резко обернулся, прикрыл ладонью глаза от яркого, бьющего в лицо, света фонаря – к нему торопливо шагали двое в полицейской форме.

«Три часа ночи… патруль… делать им нечего, вот парни и решили размяться… ничего страшного, обычная проверка документов…» – пронеслось в сознании Махмуда, а по спине – ледяной озноб.

Сержант (невысокий, спокойный, за его спиной – второй патрульный – громила под два метра) лениво вскинул ладонь к шапке с полицейской кокардой, ткнул лучом фонаря в багажник, попросил предъявить документы.

Махмуд пожал плечами (в Баку строго предупредили – в Хьюстоне с правоохранителями быть предельно вежливым, в споры о «фундаментальных свободах и правах человека» не вступать!) – ваше право, копы! Запустил пальцы в карман куртки (полицейские напряглись, громила положил ладонь на клапан кобуры), протянул сержанту водительские права.

---

[1] Клинкет – водонепроницаемая дверь на судне.

[2] Комингс – дверной порог высотой до 60 см на судне.

[3] Клюз – круглое, овальное или прямоугольное отверстие в фальшборте (в палубе или борту), окантованное литой рамой или металлическим прутом.

Полицейский повертел документ, широко улыбнулся и вежливо изрёк:

– Пустая формальность: вам придётся проехать с нами. Много времени это не займёт – полицейский участок, мистер, недалеко!

***

И тут зазвенел будильник. Махмуд заморгал, надавил на кнопку, облизнул пересохшие губы, промокнул подушкой взмокший лоб, в сознании мелькнуло: «Приснится же такая чертовщина!»

Под тёплыми струями душа Махмуда осенило: сон – это знак судьбы! Через десять минут, намазывая тост джемом, Махмуд твёрдо решил, что он сделал в Хьюстоне всё, что мог. Установку в итоге не нашёл, но кто может, пусть сделает лучше! Отговорка – затёрта до дыр миллионами неудачников, но другой всё равно нет. Да и звучит, можно сказать, философически, фундаментально. А лёгкая горечь во рту – это, конечно, от джема. Пора, пора покупать новую банку, а старую – на помойку!

***

Показав охране на входе пропуск, Махмуд зашагал к офисной башне. Впереди, сзади, слева-справа топали «американские коллеги», Махмуд поглядывал по сторонам, вспоминал сон и думал о том, что комитет, надо полагать, «даёт деликатные поручения» если не всем командированным за рубеж учёным, то наверняка каждому третьему-четвёртому. И что, все возвращаются в Баку с секретными материалами? Да нет, конечно же, нет! «Поэтому ничего страшного, если и я окажусь в числе «неудачников»! Нулевой результат не греет душу и не двигает вверх по карьерной лестнице, зато не вредит здоровью», – трезво, по-житейски мудро размышлял Махмуд, в который раз вспоминал приснившихся полицейских и на всякий случай сплёвывал через левое плечо.

До входа в башню оставалось метров десять, как вдруг из её дверей вывалилась пара «коллег», в руках какие-то приборы, у одного, что постарше, портфель набитый и ящичек небольшой, но, судя по гримаскам на лице ветерана, тяжёленький. Тот, что помоложе, бойко в сторону цехов устремился, на коллегу поотставшего оглянулся, озабоченно крикнул:

– Быстрее, Джон, опаздываем! – и нет, чтобы вернуться и помочь отстающему – заспешил-заспешил и исчез за углом цеха.

Махмуд – человек восточный, почтение к старшим – с младых ногтей, поэтому размышлять особо не стал, «на автомате» уважение к «аксакалу» проявил, ящичек из руки слабой подхватил, широко улыбнулся:

– Я вам, мистер, помогу! – и к цехам заторопился.

За спиной «аксакал» сопит, путь Махмуду репликами короткими указывает. Добежали так до пирса, с «пассажира» уже руками машут, кричат, чтобы поторапливались. Взбежал Махмуд по трапу, ящичек в руках, что делать с ним, не знает, оглянулся – «аксакал» на борт еле успел! Отдышался – и к Махмуду. Сверкнул вставными челюстями, коротко поблагодарил за любезность, ящичек подхватил, по палубе топ-топ – и исчез за надстройкой. Махмуд плечами пожал: ну что взять с этих американцев – прагматики, никакой душевности, одни улыбки фальшивые, – повернулся к трапу – а того уж нет! Пирс – где-то там, за кормой, и «пассажир» обороты набирает, набирает! При таком ходе, прикинул Махмуд, через пару часов кораблик окажется в Мексиканском заливе!

Пот холодный прошиб Махмуда. Понял, хоть и с опозданием досадным, доктор наук, что попал он в положение идиотское: «пассажир» ради него, случайно на борту оказавшегося, к пирсу возвращаться не станет! И без того опаздывает! А прыгать, как в кино, в грязную ледяную воду канала и плыть к берегу – нет, вариант несерьёзный: «Либо утону, либо воспаление лёгких!» И как, как теперь объяснишь в бюро

и прогул (знают ли вообще американцы такие слова?!), и этот странный круиз?! «Кто, кто поверит, что на борт «пассажира» меня привели доброта, желание помочь ближнему и цепь случайностей?! Ещё, если «пассажир» к установке направился, в промышленном шпионаже обвинят!» – ужаснулся Махмуд. От мыслей тревожных потянуло доктора наук в гальюн[1].

Хорошо, мимо матросик пробегал. Схватил его Махмуд за локоть, строго спросил: где? Матросик оказался любезный: довёл Махмуда куда надо и даже за ручку дверную подёргал. Занят оказался гальюн, матросик плечами пожал и побежал дальше служить. Минут через пять гальюн освободился, Махмуд изнутри заперся, дело нехитрое сделал, а главное – думу стал думать: «Похоже, «пассажир», на который попал я волей случая, идёт туда, где мне быть не положено. Но я-то на борт не стремился! «Аксакал», если что, подтвердит, что это он, он, старец немощный, заставил меня ящик тот треклятый тащить! Форс-мажор, одним словом, и я ни в чём не виноватый! А если «пассажир» идёт к установке секретной, совсем хорошо: не сфотографирую, так запомню, в Хьюстоне схему монтажную набросаю и чекистам в Баку всё как надо доложу! Удача, похоже, улыбнулась мне – да ещё широко и мощно!»

От мыслей приятных забыл Махмуд и про сон вещий, и о прогуле офисном, из гальюна вышел, на палубу поднялся, решил, что лучше быть у команды на виду. И даже, чтобы дошло до американцев, что у стажёра никаких тайных мыслей об установке секретной, что во всём виноват форс-мажор треклятый, надо найти капитана и объяснить-разъяснить ему «особенности текущего момента»!

До капитана Махмуд, ловя встречных и дорогу в рубку выспрашивая, добрался минут через десять. Послушал кэп «стажёра из бюро», ухмыльнулся, позвал матроса, велел отвести «лишнего пассажира» в кают-компанию, дать «гостю» кофе и сэндвичи. А сам с берегом связался, доложил об инциденте скупо, по существу, инструкций запросил.

Через час берег ответил, и отвели Махмуда из кают-компании в какой-то закуток на нижней палубе: ни иллюминатора, ни свободного выхода (даже в гальюн). Хорошо, гуманисты и радетели прав человеческих хоть стул принесли и журнальчик глянцевый на колени кинули!

***

Из «офисной башни» по протоколу «о мерах безопасности» об инциденте на «пассажире» сообщили (по телефону) специальному агенту ФБР Терри Адамсу. Спецагент задал несколько уточняющих вопросов – и загрустил: если исходить из фактов, оснований для задержания гражданина СССР у него нет. А если нет «правовой базы», русские, надень ФБР наручники на этого Агазаде, начнут кричать о политической провокации и грозить «зеркальными мерами»! Да, да, политической воли у них с избытком: легко задержат в Москве американца, а потом предложат обмен «нашего на вашего». Приём хорошо известный, не раз проверенный, эффективный.

«И что мне делать с этим стажёром? – мучился сомнениями Адамс. – Отпускать? А мне постфактум за это обвинения в симпатиях, а то и в пособничестве Советам?! Посадить в камеру на неделю-другую? Москва начнёт бомбардировать нотами Вашингтон, требовать освобождения «жертвы политической провокации»! Опять мальчиком для битья окажусь я, не нарывший серьёзных улик против русского! А где их взять, если на борту судна он оказался случайно (подтверждено очевидцами), прятаться в трюме не стал, напротив, сразу сообщил капитану: вот он я, скорее высаживайте меня на берег! Придётся звонить боссу: пусть думает, задерживать стажёра или отпускать! А не решит сам, «проконсультируется с коллегами» из Лэнгли!»

[1] Гальюн (голл.) – уборная (клозет) на судне.

***

К полудню донесение агента Адамса о «хьюстонском инциденте» дошло до Дэна Харриса – начальника Четвёртого отдела Управления контрразведки ФБР. Поразмыслив над фактами, изложенными в донесении, Харрис решил, что «хьюстонское дело», если раскручивать его строго по закону, на промышленный шпионаж не потянет. Есть, правда, «оперативная перспектива» – вербовка Махмуда Агазаде. Вопрос, как этого добиться. Шантаж? «Прижать» стажёра страшилками-обвинениями в «промышленном шпионаже»? Но серьёзных улик против этого Махмуда нет, стажёр, если он не дурак, это понимает, поэтому «прижимать» – кроме психологического прессинга – нечем. Предложить сотрудничество за «большие доллары»? Но это сфера интересов парней из ЦРУ. «Придётся следовать протоколу – звонить в Лэнгли и «консультироваться», – решил Харрис, – а там пусть ЦРУ решает: отпускать Агазаде (нам это не трудно), раскручивать дело о промышленном шпионаже (ох, тернист этот путь!) или передавать стажёра «коллегам» – для нас вариант идеальный», – сладко зевая, решил Харрис.

***

К пяти часам вечера отчёт ФБР о «хьюстонском деле» лёг («для консультаций») на стол Пола Сандерса – начальника Восточного отдела Оперативного директората ЦРУ. Первая реакция Сандерса после беглого ознакомления с опусом федералов – Махмуд Агазаде не представляет для Управления никакой оперативной ценности. Его можно депортировать: несанкционированное появление стажёра на борту судна, плывущего к секретной буровой установке, на промышленный шпионаж, увы, не тянет, но остаются вариации с интерпретациями, «высокая вероятность» и прочий вербальный хлам, достаточный для ноты Госдепа, высылки из страны и десятка статей в «партнёрских изданиях». Или, взяв под наблюдение, оставить в Хьюстоне до истечения срока стажировки – ни вреда, ни пользы интересам США это не принесёт. Депортация, федералы правы, сулит определённые политические осложнения между СССР и США, наблюдение – пустую трату времени и сил контрразведчиков Управления: после «инцидента» стажёр станет очень, очень осторожным, и, если в Хьюстон он прибыл с заданием от гэбистов, теперь наверняка «отойдёт от дел». Сандерс откинулся на спинку кресла, закрыл глаза: «Неужели из «хьюстонского инцидента» нельзя выжать хотя бы гран пользы для Америки? Где ты, откровение?!»

Откровение не заставило себя ждать, и через час Сандерс позвонил в секретариат третьего человека в иерархии Управления – исполнительного директора ЦРУ Лесли Ронгара.

***

Выслушав доклад Сандерса, Ронгар не смог скрыть удивления:

– Даже если стажёр, судя по докладу федералов, случайно оказавшийся на борту судна обеспечения, видел установку, – ФБР, кстати, в этом сомневается, – что эта информация может дать русским? Что установка создана и проходит испытания? Не имея технической документации, технологий производства и специалистов, способных изготовить установку, Советы не смогут ещё лет двадцать-тридцать создать её аналог. В таком случае, не слишком ли радикальные «ответные меры» вы предлагаете, Сандерс? Вряд ли они станут триггером для международного скандала, но…

Ронгар подумал, что через три года ему занимать место в Сенате. Разговор с Сандерсом, разумеется, за пределы кабинета не выйдет. Не должен выйти. Но, если страхуешь дом, машину, здоровье, глупо отказываться от полиса на «большое политическое будущее». Ронгар вздохнул, раздумчиво, играя модуляциями, изрёк (цитата для истории, да и только):

– …Но Америка – это образец демократии, верховенства закона и торжества прав человека! Нет, Пол, мы не можем так поступить!

«Старый комедиант, фарисей, лицемер! Когда в Далласе по Кеннеди работали, так не страховался! Но сыграно отменно! Браво, Лесли!» – зло подумал Сандерс и с почтительностью (насквозь фальшивой) к мудрости и высоким личным достоинствам исполнительного директора («Миф чистой воды!») отчеканил:

– Вы правы, как всегда, правы! Но…

Выдержал паузу, изобразил душевные муки и, тщательно подбирая слова, раздумчиво произнёс:

– В августе 1945-го мы сбросили на японцев ядерные бомбы. Вот уже два десятилетия гуманисты пищат о немотивированной жестокости Америки: зачем было бомбить Хиросиму и Нагасаки, если Япония всё равно проиграла войну?! Но гуманисты (это слово Пол произнёс с подчёркнутой брезгливостью) забывают, что «Малыш»[1] и «Толстяк»[2] спасли жизни сотен тысяч американских солдат! Увы, гуманизм не абстрактен, а конкретен – либо жизни двух сотен тысяч япошек, напавших на Америку, либо миллиона американских парней, которые могли бы погибнуть при высадке на Японские острова!

Пол изобразил на лице «адские душевные муки», достал из кармана носовой платок, «промокнул лоб», неторопливо продолжил:

– В Хьюстоне, к сожалению, мы также стоим перед выбором: либо проявить гуманизм, сохранить жизнь стажёру, но пожертвовать национальными интересами Америки, либо решительными мерами закрыть нашему главному противнику путь к технической документации плавучей буровой. А значит, не дать СССР шанс стать экономически сильнее! Потому что, получив документацию, русские построят установки, аналогичные нашему «Моголу», и начнут разведку на шельфе! На первом этапе, очевидно, каспийском…

Ронгар прищурился, потёр подбородок, вспомнил, что (кинул взгляд на запись в блокноте) 21 марта 1961 года в Западной Сибири в районе селения Мегион русские нашли нефть[3]. Как уверяют московские источники, речь может идти о миллиардах тонн. Подумал, что добыча сибирской нефти на десятилетия станет для русских приоритетом – ставить вышки, бурить, прокладывать трубопроводы на суше Советы умеют неплохо. И сделал вывод: в Западную Сибирь, а не в шельфовые проекты, потекут финансовые потоки Советов! Решил, что Сандерс явно преувеличивает «угрозы», исходящие от стажёра… как его там? Заглянул в блокнот: имя сложное, и не выговоришь – Агазаде…

Пол с напором продолжил:

– В случае успеха на шельфе добыча нефти в СССР вырастет, и советская экономика станет мощнее. Следовательно, укрепится и оборонный потенциал русских!..

«Сандерс – профи, но при всех своих достоинствах он лишён главного – стратегического мышления! Посадить русских на нефтяную иглу, создать иллюзию, что экспорт сырья в обмен на нефтедоллары обеспечит им выдающийся экономический

---

[1]«Малыш» (Little Boy) – атомная бомба, сброшенная США 6 августа 1945 года на японский город Хиросиму. Конструкция бомбы – пушечного типа, принцип действия основан на создании критической массы урана-235 путём сближения двух подкритических масс в орудийном стволе. Длина «Малыша» – 3200 мм, диаметр – 710 мм, полный вес – 4090 кг, масса уранового заряда – 60 кг, расчетный тротиловый эквивалент (ТЭ) – 10-15 кт. Общее число погибших от взрыва – от 90 до 166 тыс. человек.

[2]«Толстяк» («Fat Man») – атомная бомба, сброшенная США 9 августа 1945 года на японский город Нагасаки. Активный материал бомбы – легированный плутоний-239, заряд изготовлен в виде полого шара, состоящего из двух половинок, внешний диаметр шара – 80-90 мм, масса – 6,1 кг. Максимальный диаметр бомбы – 1520 мм, длина – 3250 мм, полная масса – 4680 кг, расчётный ТЭ заряда – 22±2 кт. Общее число погибших от взрыва – от 60 до 80 тыс. человек.

[3]Начальник разведочной экспедиции – Фарман Гурбан оглы Салманов (1931–2007) – советский и российский геолог-нефтяник, один из первооткрывателей сибирской нефти, Герой Социалистического труда, член-корреспондент РАН.

рост, а в нужное время, обвалив мировые цены на энергоносители, обложив Советы санкциями, вогнать их экономику в коллапс – план поистине гениальный! И если для победы в Большой «холодной» войне надо разыграть «хьюстонский гамбит», то есть пожертвовать малым – документацией на «Могол», чтобы русские вскрыли шельф Каспия и «глубже вогнали в советскую экономику нефтяную иглу», – ну что ж, это будет мудро и прозорливо», – подумал Ронгар и поднял на Сандерса смеющиеся глаза.

– Поэтому уже не важно, – отчеканил Пол, – была у стажёра цель добраться до установки или на борту судна он оказался в результате стечения обстоятельств. Если цель была – Махмуд Агазаде шпион, и наша совесть чиста. Если во всём виноват случай – стажёр просто неудачник, оказавшийся не в то время не в том месте.

В кабинете повисла тишина. Ронгар подумал-подумал и решил, что смелую стратегию «нефтяной иглы», частью которой может стать «сброс чекистам чертежей» на «Могол», в Вашингтоне вряд ли оценят по достоинству…

А Пол Сандерс выждал минуту, хмыкнул, поиграл бровями и веско изрёк:

– Год назад в Тегеране персы решили припугнуть русских. У САВАК был неплохой план, наш резидент его одобрил… Но русские жестоко наказали наших союзников! Резидент докладывает, что персы стали осторожнее – потому что не забыли того жестокого урока. Макиавелли прав: «Благодарность проходит быстро, страх – никогда»!

Ронгар вспомнил, как в 1953 году президент Дуайт Эйзенхауэр, принимая решение о судьбе русских шпионов Розенбергов, заявил: «Казнь двух человек – печальное и тяжёлое дело… Но ещё более ужасна и печальна мысль о миллионах погибших, чья смерть может быть прямо отнесена к тому, что эти шпионы сделали». Эйзенхауэр слукавил, размышлял Ронгар. Во-первых, казнённые шпионы лишь помогли СССР сократить сроки создания атомной бомбы – и без Розенбергов у русских появились бы свои «малыши» и «толстяки». Во-вторых, «ужасная и печальная» мысль президента о миллионах погибших американцев – не более чем риторический оборот: нет войны, нет и жертв. Но в главном Эйзенхауэр прав: в случае обмена ядерными ударами в США погибнут миллионы («В СССР – тоже, но об этом пусть печалятся в Кремле!»), и часть вины за эти жертвы всё равно ляжет на Розенбергов. «Да, и ещё – Сандерс прав! – смерть стажёра – это посеянное зерно страха! Оно даст всходы и русские умерят аппетиты!»

– Согласен, Пол, – кивнул Ронгар. – Как это ни прискорбно, но из двух зол Управление вынуждено выбрать меньшее – нейтрализацию стажёра. И несчастный случай – это идеальный вариант. С людьми, хорошо, с изрядной порцией виски, поужинавшими, а затем отправившимися ночью, при порывистом ветре, поплавать по каналу, такое иногда случается…

Ронгар подавил зевок, потянулся за ручкой, подписал оперативный план, с которым явился Сандерс, и с отлично сыгранной печалью изрёк:

– Кто мудр, чтобы разуметь это? Кто разумен, чтобы познать это? Ибо правы пути Господни, и праведники ходят по ним, а беззаконные падут на них. Это Библия, Пол, Книга пророка Осии, глава 14, стих 10.

Сандерс почтительно склонил голову – в эрудиции, в умении ловко, к месту, ввёртывать цитаты, Ронгар – гроссмейстер! И, ловя мгновение, изложил «планы на перспективу»:

– Стажёра к установке привёл случай: если бы в бюро у русских был источник, Агазаде не отправился бы в Мексиканский залив. При этом мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть причастность стажёра к работе советской разведки. Тем не менее, с высокой вероятностью можно предположить, что разведка Советов поставила перед собой цель – получить документацию на буровую установку, и Агазаде – «первая ласточка» русских. Следовательно, в Хьюстоне обязательно появятся

новые шпионы – из КГБ или ГРУ[1], не важно. И тогда мы сыграем на опережение – сами, через нашего агента, отдадим им чертежи установки, в которых остойчивость конструкции будет нарушена тонко и деликатно. Советы построят установку, спустят её на воду, лже-«Могол» покачается на волнах, опрокинется… и затонет! СССР потеряет время, деньги, людей и – не исключено, надолго – интерес к плавучим буровым!

– Предложение интересное, – кивнул Ронгар. – Но его реализация потребует немалых финансовых затрат, привлечения не одного десятка сотрудников Управления, ну и «высоколобых», которым тоже надо платить поэтому пока, Пол, определите круг специалистов, имеющих доступ к чертежам установки. Думаю, это будет не трудно. Затем объясните им, что если кто-то из непосвящённых, особенно из СССР, проявит интерес к секретной документации, им следует, во-первых, «взять время на размышления», во-вторых, сообщить о контакте нам. Действуйте, Пол!

Сандерс боднул воздух, шагнул к выходу из кабинета. Ронгар, вспомнив о важном (стажёр – так, мелочь, жаль потраченного на него времени), с нажимом бросил ему в спину:

– Кстати, Пол, как идёт разработка этого, как его… – Ронгар заглянул в блокнот, усмехнулся. – Ну и имена у этих туземцев – и не выговоришь! Так вот, если психологический портрет молодого замминистра общественного порядка Грузии, составленный нашим источником в Тбилиси, верен, этот кадр – в качестве послушного агента влияния! – со временем принесёт нам немало пользы!

– Работа идёт! Результаты – согласен с вами! – обещают, как и с известными вам персонами – они стажировались у нас в Колумбийском университете – быть отличными! – бодро откликнулся Сандерс.

«Да, план Аллена[2] по уничтожению России поистине гениален! Тайные – до поры до времени – агенты влияния в элитке России, беспринципные самодуры с гипертрофированным самомнением, алчные коррупционеры, рвущиеся к власти ничтожества сделают за нас всю грязную работу! – пронеслось в возбуждённом сознании Ронгара. – Мы взрастим предательство, посеем национализм, разожжём вражду народов! Прежде всего – туземцев к русскому народу! Мы запалим окраины империи! Мы вырастим в СССР продажные элиты, мы изменим сознание народа, победившего нацизм, мы вложим в затуманенные «демократической трескотнёй» головы советских людей наши ценности! Мы погрузим СССР в хаос – и великая империя рухнет! А её природные богатства мы возьмём под свой контроль! Что по сравнению с этой великой целью какой-то там «Могол»? Ничто – пыль! Но и песчинками пренебрегать мы не будем».

– С грузином будьте аккуратны, Пол, не торопите события! – усмехнулся Ронгар. – Потраченные на него время и деньги имеют для нас значение, но превыше всего – конечный результат!

«Раскудахтался, старый хрен, цитатами из будущих мемуаров! Возомнил себя вершителем истории! А не пошёл бы ты…» – зло подумал Сандерс, почтительно склоняясь в полупоклоне перед «мудростью босса».

***

Около девяти вечера Сандерс вызвал в кабинет Боба Мэрфи. «Улыбчивый садист с жёсткой хваткой – такой мне сейчас и нужен», – ухмыльнулся Пол и протянул агенту отчёт федералов.

Пошелестев страницами, Мэрфи перевёл смеющиеся глазки на босса и замер, словно бойцовский пёс, в ожидании команды хозяина.

[1] ГРУ – Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооружённых сил СССР.
[2] Аллен Даллес (1893–1965) – американский дипломат и разведчик, один из создателей ЦРУ. В 1953–1961 годах – директор Центральной разведки США (и ЦРУ).

***

«И в ФБР не ангелы, но этот Сандерс – просто мясник!» – с брезгливостью подумал Харрис, выслушав по спецсвязи витиеватый спич «коллеги».

– Я понял, дорогой Пол: с этой минуты «хьюстонское дело» – прерогатива вашего ведомства. Но, вы понимаете, если в Хьюстоне что-то пойдёт не по плану…

– Тогда, дорогой Дэн, вы прикроете наши задницы! – зло засмеялся голос в трубке и добавил: – К сожалению, и вы не можете этого отрицать, он видел секретную буровую установку, проходящую испытания в Мексиканском заливе.

– …Стажёра на судне изолировали, – осторожно напомнил «коллеге» Харрис.

– Может и так, дорогой Дэн, а может и иначе! Но вы не можете гарантировать, что Советы, если стажёр вернётся на родину, останутся в неведении, где находится техническая документация на установку? Не можете, верно? Значит так, Дэн: Управление не сомневается, что в Хьюстоне, после того, как стажёр сообщит об установке советской разведке, в скором времени появятся другие агенты русских. Подкуп алчных, шантаж слабых, в конце концов, банально вскрытый сейф с чертежами… Вы понимаете, что в результате под угрозу будут поставлены национальные интересы Соединённых Штатов? Вы понимаете, что мы, во имя американского народа, во имя торжества демократических ценностей, вынуждены – любой ценой! – сломать Советам их коварную игру?!

– Разумеется… – начал Харрис – и замолчал. В сознании мелькнуло: «Ловко формулирует! «Национальные интересы», «сломать коммунистам игру» – крыть нечем! Хотя речь идёт о хладнокровном убийстве!» – и федерал жадно глотнул холодную минералку.

– Отлично, дорогой Дэн! «Познайте истину, и истина сделает вас свободным»[1]! – хохотнул в трубку спецсвязи Пол Сандерс. – Мои люди вылетят в Хьюстон ближайшим рейсом, а ваши парни должны изолировать и хорошо покормить – большего от них пока не требуется – стажёра. Дайте ему на ужин побольше мяса, рыбы, ну и виски!

Харрис в сердцах бросил трубку, нервно забегал по кабинету, поминая про себя всеми известными ему непотребными словами и Пола Сандерса, и стоящую за ним Контору. Изощрённый ненорматив немного остудил возбуждённый мозг федерала, Харрис подошёл к шкафу, достал стоящую на полке Библию, полистал, нашёл Евангелие от Иоанна, провёл пальцем по странице, шёпотом прочитал:

– Ваш отец – диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо в нём нет истины[2].

Харрис закрыл книгу, зло подумал: «Грёбаная Контора! Грёбаный Сандерс!», вернулся к столу, снял трубку телефона, холодно приказал:

– Соедините меня с Хьюстоном! Срочно!

***

Часа в три дня до Махмуда донеслись топот на верхней палубе, визг лебёдки, крики матросиков. «Похоже, приплыли», – решил Махмуд и забарабанил в дверь «камеры». Колотил долго (понимал, что на корабле аврал, не до стажёра сейчас команде) – кулаком, ногой, потом очередь дошла до стула. И дождался – на стук явился хмурый матросик, раздражённо забрызгал слюной. Махмуд, переминаясь с ноги на ногу, изображая нужду крайнюю, не стесняясь в выражениях, запросился в гальюн. Матрос чертыхнулся, сбегал к кэпу, тот разрешил («А куда денется!» – ухмыльнулся Махмуд). Морячок довёл «арестанта» куда надо, зло бросил: «Пять минут!» – и исчез. Махмуд, когда его в начале путешествия «этапировали» из салона, путь к ближайшему иллюминатору запомнил («Вдруг пригодится?!»). И, как

[1] «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Евангелие от Иоанна, 8:32) – надпись, сделанная над входом в ЦРУ.

[2] Евангелие от Иоанна, 8:44.

только матрос оставил «пленника» без присмотра, «серой мышкой» заторопился к «точке». Шторку отдёрнул, к иллюминатору прильнул – и ахнул! Установка! Жадно глазами впился, через минуту развернулся – и к гальюну. Повезло Махмуду – успел обернуться до морячка. Тот, минуты не прошло, в дверь гальюна забарабанил. Вернулся Махмуд в «камеру», заулыбался радостно: суета на палубе скоро закончится, что требуется, погрузят-разгрузят, каких-то спецов бюро оставят на установке, других заберут на борт, развернётся кораблик – и в Хьюстон! «К полуночи отшвартуется «пассажир» у пирса бюро – и отпустят меня американосы! Как в жилище вернусь, общий вид установки набросаю!» – мысли светлые, на перспективу, в голове вихрями могучими, победными!

***

«Пассажир» вернулся в Хьюстон около полуночи. Опять суета, топот, визг лебёдки. Махмуд, продремав на стуле часа три (шея болит, спину ломит, но перетерпеть можно), поднялся, помахал, разгоняя по жилам кровь, руками, довольно улыбнулся: «Я её всё-таки нашёл!» Через час Махмуд занервничал («Ещё забудут освободить «пленника» из заточения»!), в дверь «камеры» заколотил.

Не забыли про Махмуда, освободили: морячок дверь открыл, до трапа проводил, хорошей ночи на прощание пожелал. Одно смутило Махмуда, когда огляделся он на пирсе: коллег вокруг – никого, морячки тоже куда-то исчезли… Ну да ладно, не маленький, не заблудится, дорогу к пункту пропускному сам найдёт!

***

Хорошо было Махмуду, радостно, шёл, насвистывал, охране у проходной на прощание весело рукой помахал, те в ответ заулыбались, закивали. Сел в «фордик» Махмуд, к квартире съёмной покатил. И вдруг микробас из переулка выскочил, дорогу перекрыл. Успел затормозить Махмуд, ситуацию оценить и испугаться: «Ещё миг, и всё – смяло бы «фордик» от удара! Уберёг от смерти Аллах!» Лоб в испарине, руки дрожат, надо бы выйти, с баранами этими по-мужски разобраться! Или дверцу приоткрыть и пару тяжёлых фраз на прощание веско обронить? Не решил Махмуд, какой вариант лучше, а тут из микробаса к «фордику» двое двинулись. Подошли, фонариком ослепили, в нос документы какие-то сунули, сказали мягко:

– ФБР! У нас к вам, мистер Агазаде, несколько вопросов.

Махмуда словно током ударило, но волю в кулак собрал, ответил спокойно, с достоинством:

– Задавайте!

Федералы от наглости такой слегка опешили, один (видно, старший), за ручку на двери «фордика» подёргал (Махмуд успел её на всякий случай заблокировать), сухо процедил сквозь зубы:

– Спецагент Стивенс! В вашем автомобиле найдена фотокассета! Мы её проявили – очень странные снимки, мистер Агазаде! Вам придётся объяснить их происхождение!

Махмуда о возможных провокациях федералов-цэрэушников в комитете предупредили и инструкции чёткие дали, как действовать, если случится худшее.

– Фотокассета?! – голос у Махмуда просел, во рту пересохло – стресс, как-никак! Но собрался, вдохнул глубоко, ответил твёрдо, решительно, можно сказать, нагло: – Кем обнаружена?! Когда?! При каких обстоятельствах?! Где подписи понятых?! Где результаты дактилоскопии?! Это провокация! Вам нужен международный скандал?! Вы его получите! Требую советского консула!

Федералы переглянулись, хохотнули, ультиматум поставили: либо Махмуд добровольно отправляется с ними «в офис» («Туда же пригласим консула!»), либо «мы применим силу». Делать нечего, пришлось Махмуду подчиниться произволу.

***

«Офис» федералов оказался скромным строением, похожим на яхт-клуб средней руки: два этажа, окна выходят на канал, у свай причала вода плещется. Махмуд и федералы выбрались из микробаса, протопали по мокрым доскам, вошли в «офис». Оглядеться Махмуду не дали, сразу провели в комнату без окон (в центре – стол металлический, ножки привинчены к полу, в углу – раскладушка, на ней постельный комплект). Появился третий, хмурый, заспанный, в руках подносик с чашкой кофе и сэндвичем. Спецагент Стивенс улыбнулся, мягко произнёс:

– Вероятно, советские дипломаты встретятся с вами ближе к полудню. Пока отдыхайте!

Когда за федералами закрылась дверь, Махмуд шагнул к столу: красивый жест – отказ от подачки американцев и гордое объявление голодовки! Но силы ему пригодятся, поэтому выбирать не приходится – и в пять минут умял скромный «ужин».

Свет в комнате федералы не погасили. Махмуд размял руки, ноги, пару раз присел-наклонился, подумал, что командировка в Хьюстон, похоже, заканчивается досрочно, для Штатов он станет невъездным, но в Баку вернётся «не с пустыми руками». А карьера… Ну, с карьерой всё будет отлично! Если в Баку он вернётся с ценной информацией, КГБ ведь не оставит его своей заботой?!

Раскладушка скрипнула, Махмуд повернулся лицом к стене (чтобы свет не тревожил) и погрузился в приятную дрёму.

***

Лязгнула дверь, две пары ног протопали к столу, в комнате вкусно запахло жареным мясом, сладкой сдобой. Махмуд открыл глаза, встретился взглядом со Стивенсом, тот широко улыбнулся:

– Консул будет через восемь часов, а пока, мистер Агазаде, позавтракайте за счёт заведения!

Спецагент и второй, невысокий, но крепкий, даже под пиджаком видно, как играют бицепсы, осклабились, закивали, развернулись и вышли. Приземистый в дверях обернулся, хитро подмигнул Махмуду. Стивенс, пока неизвестный строил рожицы, почтительно стоял за спиной гориллы. Дверь закрылась, звякнул ключ в замочной скважине, от скверного предчувствия у Махмуда пробежал холодок по спине.

«Не паниковать, в будущее смотреть с оптимизмом! – засуггестировал[1] Махмуд. – Сначала вкусный завтрак (ранний, даже чересчур, но что поделаешь!), потом придёт консул – а с ним и свобода! И пошли вы тогда, янки, с вашей провокацией куда подальше!»

***

Махмуд умял стейк, проглотил булочку с джемом, выпил кофе, посмотрел на часы: пять утра, ещё несколько часов ожидания, и в «офисе» появятся консул и офицер безопасности советского посольства. Махмуд улыбнулся: «Скоро, скоро свобода!». И вдруг дверь распахнулась, и в комнату ввалились четверо. Махмуд вздрогнул, попытался подняться с раскладушки, но один из ворвавшихся цепко ухватил его за лодыжки, второй – за кисти рук, третий зажал коленями голову, цепкой клешнёй в перчатке – нижнюю челюсть. А четвёртый, та самая улыбчивая горилла, приносившая ужин, аккуратно пропихнула в ноздрю Махмуда тонкий резиновый шланг с воронкой на втором конце. Горилла хитро подмигнула стажёру и засмеялась:

– Всё будет хорошо!

Потом взяла со стола открытую бутылку виски («С собой принесли…» – механически отметил Махмуд) – и по шлангу потекла жгучая струя.

[1] Суггестия – самовнушение.

«Ночью, на лодке, подплыть к «пассажиру», забраться на борт, спрятаться в шлюпке – и не было бы этого кошмара, не было бы… Ошибся я… ошибся… перестраховался…» – мелькнула у Махмуда здравая мысль – запоздалая, досадная, лишённая практического смысла.

***

Около шести утра двое крепких парней выволокли Махмуда из «офиса» (на голове стажёра – тёмный мешок, на ногах, цепляющих доски причала, – резиновые сапоги). Следом вышел Мэрфи, удовлетворённо хмыкнул, со смешком бросил подручным в гидрокостюмах, устроившимся у края причала на складных стульях:

– Вперёд, парни, время не ждёт!

Аквалангисты, помогая друг другу, закинули на спины баллоны с воздухом, надели маски, зажали во рту загубники аквалангов.

Мэрфи огляделся, хлопнул в ладоши, и аквалангисты спрыгнули с причала в воду. Мэрфи подошёл к Махмуду, стянул с его головы мешок, засмеялся и толкнул в спину. Махмуд упал в воду – холод обжёг тело, запах тины ударил в нос. «На рефлексах» попытался удержаться на плаву, но чьи-то сильные руки ухватили за правую, потом за левую лодыжку и потянули вниз – на дно канала. Махмуд заколотил по воде руками, из последних сил выдохнул:

– Что вы делаете… вы же люди… не шакалы… жить… или умереть… решает Аллах… опомнитесь…

Мэрфи приложил ладонь к уху, пытаясь уловить, что слетает с губ русского («Вдруг нечто ценное?»). Разобрал – и брезгливо поморщился.

Отчаянный призыв захлебнулся в хлынувшем в горло Махмуда мутном потоке грязной канальной воды. «Странно, вся жизнь перед глазами не пролетает… и почему-то не страшно… совсем не страшно…» – последней вспышкой сознания мелькнуло у Махмуда. А потом словно кто-то вошёл в комнату без окон и погасил свет.

Мэрфи кинул взгляд на циферблат хронометра, засёк время, пихнул в рот сигарету, кинул взгляд на тёмное небо, в голове пластинкой заезженной: «Я просто исполнил свой долг. Да, у меня грязные руки, но чистая совесть: я защищаю Америку! В отличие от умников, болтающих о свободах, правах человека и прочем дерьме!» Мэрфи лукавил: от убийства русского он получил наслаждение – этакий духовный оргазм палача. Это – правда: злая, низвергающая, словно библейского Каина, в преисподнюю. Правда, в которой не признаются даже себе. Правда, которую подменяют возвышенной ложью.

Подручные достали из мешка резиновую лодку Махмуда, накачали баллоны, уложили на доски причала сумку, вёсла, спиннинг. Мэрфи запихнул в сумку «Кэнон», закрыл «молнию», махнул рукой. Двое в чёрном спустили лодку на воду, уложили на её днище сумку, вёсла, части спиннинга, оттолкнули «плавсредство» от причала.

Минут через пять на поверхности воды появились аквалангисты, подручные Мэрфи помогли им выбраться на причал, снять баллоны.

– Отличная работа, парни, грузимся! – хохотнул Мэрфи и первым шагнул к микробасу.

***

Спецагент Терри Адамс педантично выполнил указания начальника Четвёртого отдела ФБР – хьюстонские федералы «передали» Махмуда Агазаде «коллегам» из Лэнгли и «забыли» о контакте с гражданином СССР. А когда из канала спустя два дня выловили тело утопленника, Терри лично проконтролировал «полицейское расследование инцидента».

Вскоре в Хьюстон прибыли сотрудники советского посольства, которых Адамс, выполняя приказ босса, должен был убедить в том, что смерть стажёра Агазаде –

трагическая случайность. Это была самая сложная, нервирующая спецагента, часть задания: Адамс понимал, что с консулом в Хьюстон наверняка прилетят офицер безопасности и врач посольства – эти люди верят не словам, им подавай факты.

Осмотрев в полицейском морге тело «утопленника», Терри немного успокоился: парни из ЦРУ своё грязное дело, надо отдать должное их профессионализму, сделали безупречно.

***

– Можем начинать, – бесстрастно произнёс судмедэксперт и скосил глаза на русского консула.

Яркий свет люминесцентных ламп полицейского морга слепил глаза, от ледяного кондиционированного воздуха холодели кисти рук. «Сейчас здесь главный не я, и даже не офицер безопасности, а врач посольства, хотя и он специалист иного профиля», – мелькнуло у консула. Дипломат зябко повёл плечами, кивнул, судмедэксперт надел резиновые перчатки, снял широкую простыню с тела, лежащего на столе (нержавеющая сталь, желобки для стока крови). Консул и контрразведчик отвернулись, врач посольства шагнул к столу, спецагент Адамс положил на твёрдый переплёт папки протокол вскрытия, приготовился писать.

– Стойкая мелкопузырчатая пена вокруг отверстий носа и рта, окружность грудной клетки увеличена, – диктовал медэксперт, – в желудке жидкость, в которой произошло утопление, – этот факт надо подтвердить сравнительным анализом с химическим составом воды в канале… в желудке также остатки ужина... направить на химический анализ… в верхних дыхательных путях – ил и песок…

Медэксперт стянул перчатки, пожал плечами, обратился к врачу посольства:

– Причина смерти – механическая асфиксия в результате утопления. Похоже, коллега, ваш соотечественник плотно поужинал, выпил с полбутылки виски – это, извините, многовато, и отправился прогуляться на лодке по каналу. Потерял равновесие – увы, алкогольное опьянение, – перевалился через борт и… утонул в канале. Примите мои соболезнования.

Агент Адамс шагнул к консулу, протянул чек на надувную лодку, купленную Махмудом, протокол вскрытия и папку – чтобы удобнее было ставить автограф.

– Тело и вещи, найденные в лодке, вы можете забрать в любое удобное для вас время, – со вздохом, долженствующим изобразить глубокую скорбь, произнёс Адамс, спрятал подписанный протокол в папку, протянул врачу посольства пакет с образцами воды, крови и прочего для «домашнего анализа».

***

– Ну, что скажете?! – полковник Гусейнов обвёл энтээровцев мрачным взглядом. – Сколько надежд мы возлагали на Махмуда Агазаде! А каков результат?! «Эмиссар» напился – выпил почти бутылку виски! – и утонул в канале Хьюстона! Позор!

Полковник Эфендиев положил ладонь на копию отчёта, присланного из Москвы, поднял глаза на шефа (вопрос, хоть и риторический, задан, надо что-то сказать в ответ), раздумчиво произнёс:

– Странная история…

– Странная?! Чем?! – в бешенстве рявкнул нач-1.

– Лейтенант Абасов навёл справки среди сослуживцев Агазаде. Так вот, все в один голос утверждают, что Махмуд вообще не пил: ни водки, ни вина, ни даже пива.

– В отчёте Центра указано: перед утоплением Агазаде выпил около четырёхсот граммов виски! – уже спокойнее бросил полковник Гусейнов, поднялся из кресла, прошёлся по кабинету, у окна резко развернулся: – То есть не исключено, что Агазаде был убит, а ужин и виски – это так, камуфляж?

– Да, товарищ полковник, это наша версия. И если она верна, в Хьюстоне Махмуд Агазаде узнал что-то чрезвычайно важное для нас! Именно поэтому ФБР – или ЦРУ – заставило его замолчать!

Полковник Гусейнов вернулся к столу, выдвинул ящик, достал пачку фотографий:

– Тогда как вы объясните, что на этих снимках стажёр Агазаде – в компании американских коллег – держит в руках бокал, надо полагать, с виски?! Фотографии взяты из альбома Агазаде в Хьюстоне офицером безопасности посольства. В Баку был трезвенник, а попал в Америку – и «расслабился»! Как вам такая версия, товарищ Эфендиев?!

Начгруппы развёл руками:

– Академика Кулиева мы проинструктируем! Чтобы ни-ни! И, разумеется, в Хьюстоне он должен быть предельно осторожен!

– Скверное начало работы у группы НТР! – раздражённо бросил нач-1. – Главная надежда, пассионарий, доктор наук, стажировка в Хьюстоне – три месяца, трудись, добывай информацию – пьяный утопленник! Интересно, какие сюрпризы преподнесёт нам академик?!

Энтээровцы насупились, отвели глаза от гневного взгляда «начальства»: ситуация – та самая, когда «молчание – золото».

– Ладно, идите! – досадливо махнул рукой нач-1. – Да, и подумайте, как мы сможем – деликатно, без «засветки» – помочь семье Махмуда…

Глава восьмая
Хьюстон: нить Ариадны

Из Баку до Хьюстона Паша Пашаевич добирался почти двое суток. Сначала вечерним рейсом на Ил-18 до Москвы. В столице, не преклонив главы, отправился (благо, транспортом обеспечили коллеги из всесоюзной Академии наук) из Домодедово во Внуково. Перекусив в аэропортовской ресторации, ранним (8.30 утра) рейсом на Ту-104 вылетел в Париж, оттуда «Французскими авиалиниями» в Лондон. На британскую столицу даже не взглянул – на четырёхмоторном «Боинге-707»(Boeing 707) вылетел из Хитроу в Нью-Йорк. Международный аэропорт, только-только, в декабре 1963-го, названный в честь 35-го президента США Джона Кеннеди, поразил Пашу Пашаевича масштабами, обилием пассажиров, количеством вылетов-прилётов в единицу времени и навязчивым сервисом. «В Баку, в Бина, как-то всё спокойнее, а здесь сущий Бедлам[1]», – сделал вывод академик Кулиев и отправился переночевать (благо, казной оплачено) в местный отель. Ну а утром, наконец-то, на среднемагистральном ДС-3 (Douglas DC-3) – в Хьюстон, в Хьюстон! Пока летели над Европой, а затем над Атлантикой, Паша Пашаевич пролистал доклад своего выступления на конференции, сделал пару пометок, а потом занялся программой форума (организаторы заранее прислали в Баку). Изучив темы выступлений и краткую информацию о докладчиках, Паша Пашаевич отбросил персоны, которые вряд ли могли иметь отношение к секретной установке американцев. Для проведения селекции Паша Пашаевич использовал, во-первых, принцип географический (всех европейцев, азиатов, австралийцев и латиносов – в сторону, в «сухом остатке» – только американцы), во-вторых, принцип профессиональной специализации – геологи, нефтехимики и иже с ними к созданию установки вряд ли имеют прямое отношение, поэтому интерес могут представлять лишь спецы, занимающиеся исключительно механикой. Ну и (вспомнил Нефтяные Камни) гидротехникой. На подлёте к Нью-Йорку план поисков «секретного источника» у Паши Пашаевича был, можно сказать, готов: кандидатов всего

[1] Бедлам – психиатрическая лечебница в Лондоне. Название Бедлам стало нарицательным (вначале – синоним психиатрической больницы, позже – символ крайнего беспорядка).

пятеро, но «вектор поиска выбран верный». Что искать после зрелых размышлений тоже стало ясно (в первом приближении, конечно): секретная установка – непременно плавучая. Следовательно, это либо специальное судно, либо нечто, поддерживаемое гигантскими поплавками и фиксируемое системой якорей («Вероятно, с регулируемой натяжкой тросов», – отметил Паша Пашаевич). Не исключено, якорям помогает несколько винтов, установленных на поплавках. На буровой установке, само собой, специальные муфты, компенсирующие в максимально широком диапазоне «танцы» плавучего гиганта на волне. «Жаль, в программе конференции нет персон, читающих доклады по новым муфтовым веяниям, – окажись такие на форуме, через них можно было бы добраться и до плавучего американского секрета», – вздохнул Паша Пашаевич и пометил «цифирками приоритетов» пять выбранных кандидатов в «источники». Подумал-подумал – и добавил к ним два имени: научно-технические прорывы у этих персон в прошлом, сейчас ветераны больше консультируют-координируют, а значит, могут, могут иметь доступ к секретному проекту.

***

ДС-3 на бетонку аэропорта имени Уильяма Хобби сел «на два мягких касания». А когда пассажиры покинули лайнер, в небесах вдруг грянул гром, засверкали молнии, и на Хьюстон обрушился ливень. Паша Пашаевич решил, что это хороший знак: прохудись небеса на полчаса раньше, ДС-3 пришлось бы искать «посадочные места» без грома и молний, и из трёх дней, отпущенных на конференцию, академик потерял бы минимум сутки.

В отеле (номер оплачен заранее) Пашу Пашаевича встретил шустрый «мальчик» из оргкомитета конференции: дежурная голливудская улыбка, с языка легко слетают штампованные фразы «Хьюстон – один из ведущих городов мира в сферах добычи и переработки нефти и природного газа!», «Хьюстон – энергетическая столица мира!» Быстро согласовали с говорливым «мальчиком» время и продолжительность выступления учёного из Азербайджана, участие в дискуссиях, культурную программу. Паша Пашаевич хотел было уточнить насчёт семи выбранных им «кандидатов в источники» – где, когда можно встретиться с этими «выдающимися учёными», мнениями обменяться, подискутировать, но вспомнил наставления полковника Эфендиева о бдительности и осторожности и ограничился улыбкой.

В номере Паша Пашаевич полистал буклетик: информация о судоходном канале, идущем от Хьюстона до Мексиканского залива («Расстояние – 50 километров!»), ему понравилась: «Если установка существует, её вполне могли собрать на здешних заводах, а потом отвести буксирами на шельф». Зайдя в ванную комнату, Паша Пашаевич поморщился: «Вода грязная – до шолларской[1] ей как до неба!» Утром академика, вышедшего на крохотный балкончик помахать руками, ждало ещё одно разочарование: «Дышать тяжело – воздух хуже, чем в Баку в Чёрном городе[2]!» Вспомнил Паша Пашаевич про «энергетическую столицу мира», про десятки нефтехимических предприятий Хьюстона, про нефтеперерабатывающие гиганты города и взгрустнул: «Да, работать приходится в экстремальных условиях!»

Доклад Паша Пашаевич прочитал на английском: о гигантских запасах нефти и газа на каспийском шельфе маститые в зале послушали не без интереса, хотя поаплодировали вяленько. «Теория, разведочным бурением не проверенная, но цифры я им привёл мощные! Если кто-нибудь спросит о нашем потенциале морской разведки, надо рассказать о Нефтяных Камнях, а потом поинтересоваться: «А как вы ре-

[1] Шолларская вода – родниковая вода из села Шоллар (Хачмазский район Азербайджана), отличалась вкусом и чистотой. Для доставки шолларской воды в Баку к концу 1916 года был построен специальный трубопровод.

[2] Чёрный город – название района Баку, где в конце XIX – начале XX вв. оказались сосредоточены нефтяные, загрязняющие окружающую среду, предприятия братьев Нобель.

шаете проблему разведочного бурения на шельфе?» Может быть, кто-то, приобщённый к тайне, ненароком о секретной установке и проговорится…» – прикидывал, «планы оперативные строил» Паша Пашаевич, спускаясь с трибуны и направляясь к своему креслу в зале.

«Не подошли, не спросили, ну и ладно, – легко подумал Паша Пашаевич, когда завершились доклады и маститые повалили из зала. – Главная работа – в кулуарах!»

***

«В кулуарах» удалось прозондировать лишь двоих из «кандидатского списка». На тонкие подводки академика списочники отвечали банальностями. Один, сухонький, низенький, говорливый, а потому, как полагал поначалу Паша Пашаевич, «перспективный», вместо серьёзного делового разговора понёс сущую околесицу:

– А вы знаете, что в Хьюстоне сконцентрированы штаб-квартиры ведущих нефтяных компаний Америки, а значит, и мира?! А вы знаете, как это отразилось на экономике города?

Паша Пашаевич кивнул, дескать, догадываюсь, и тонко похвалил техасцев:

– О, вам можно экспортировать знания, технологии, новейшую технику!

На лесть знаток откровениями о секретной установке не откликнулся, лишь криво заулыбался и заторопился на «деловую встречу».

Второй списочник минут десять пел Паше Пашаевичу оды про кондиционеры:

– В Хьюстоне их сотни тысяч! Чувствуете, какой чистейший воздух, какая прохлада?!

Паша Пашаевич зябко повёл плечами («Как бы в таком холоде не простудиться!»), потянул носом («Резиной пахнет, и в горле першит – какая всё-таки дрянь эти кондиционеры!»), солидно кивнул: да, атмосфера на уровне!

«Либо ничего об установке не знают, либо, словно аргусы, секреты стерегут», – сделал вывод Паша Пашаевич, огорчился, что время потрачено впустую, потом успокоился, решив, что отсутствие результата – тоже результат, и с чувством исполненного долга отправился в ресторан – скромным, но сытным ужином восстанавливать растраченные за день силы.

Сначала подошёл к бару, чтобы дринком виски снять накопившееся напряжение. Бармен оказался навязчивым болтуном, стал рассказывать Паше Пашаевичу, сразу признав в нём иностранца, как во время Второй мировой войны все самолёты, все танки – и американские, и британские, и русские! – заправлялись техасским топливом.

– Мы доплыли до победы по морю техасской нефти! – пропыхтел бармен с восторгом.

Паша Пашаевич не стерпел, нарушил строгую комитетскую инструкцию («Категорически избегать ситуаций, которые главный противник может использовать для политических провокаций!»), доходчиво объяснил американцу:

– Не знаю, как вы, а мы доплыли до Победы по морю азербайджанской нефти!

От второго дринка демонстративно отказался, повернулся к бармену спиной, стал осматривать зал, искать столик поудобнее. За колонной приметил Ричарда Брауна – его Паша Пашаевич в список свой кандидатский включил последним: человеку за семьдесят, от дел практических отошёл, всё больше координирует-консультирует да входит в организационные комитеты нефтегазовых конференций – в США и в Европе. «Отношение к секретной установке иметь может, но вероятность удачи невелика», – решил Паша Пашаевич, размышляя, стоит ли ему занимать столик поближе к мистеру Брауну, чтобы, значит, попробовать «крутануть» ветерана на установку тайную, плавучую, «Азнефти» необходимую.

Пока размышлял-прикидывал, приметил, как за столик мистера Брауна подсели два незнакомца: костюмы цивильные, ничего примечательного, если бы не лица

– загорелые, обветренные. «Где в марте-апреле можно получить загар да продубить кожу? На берегу, на нефтяных промыслах Техаса? Не исключено. Но можно и в море – на борту секретной установки! Если версия моя верна, американцы успели и конструкцию разработать, и опытный экземпляр со стапелей спустить и в море на испытания вывести!» – дедуктивно («Как Шерлок Холмс!» – польстил себе академик) помыслил Паша Пашаевич, поманил хостессу, объяснил, что хотел бы столик подальше от джаз-бэнда, «ну хотя бы вон там». И, пока девица прикидывала, куда лучше усадить мистера, двинулся к колонне, за которой о чём-то оживленно шептались Браун и два парня с задубелыми лицами.

Саксофонист рвал воздух, Паша Пашаевич, лавируя между столиками, нехорошо думал и про джаз вообще, и про бэнд на ресторанной эстраде в частности. Хостесса догнала Пашу Пашаевича, решившего пристроиться поближе к Брауну (столик на четверых перед колонной, три места заняты), ухватила за локоток, увлекла в сторону от намеченной академиком цели. «Не повезло», – огорчился Паша Пашаевич, шагнул за хостессой к пустому столику на двоих. До Брауна и обветренных – метра три, разговор у них, прикидывая со стороны, интереснейший, но сакс и ударные – что твоя глушилка!

А дальше – игра случая, да и только: саксофон на мгновение сдох, ударник палочкой живот чешет, и в этот волшебный миг тонкий слух академика уловил чудесные слова «волна» и «динамическое позиционирование», произнесённые загорелым-обветренным. Потом опять включилась бэндовая глушилка, но «нить Ариадны» Паша Пашаевич ухватил, стал размышлять, как с Брауном в контакт войти, разговорить, к оговоркам-откровениям об установке секретной осторожно подвести.

Пока размышлял да прикидывал, Браун и обветренные из-за столика вдруг поднялись – и к выходу.

«Не успел, – огорчился Паша Пашаевич. – Ничего – законтактирую завтра!»

Но на следующий день Браун на конференции не появился. Задавать администраторам вопросы, координатор приболел или дела важные внимания авторитетного потребовали, не стал, а маститые в конференц-зале, наверное, не знают. От печали Паша Пашаевич, словно от мухи голодной, отмахнулся решительно – к чему огорчения, если главное он выяснил: установка для разведки на глубоководном шельфе у американцев есть, а добраться до секретов можно через тихого американца мистера Брауна! «Гипотеза, конечно, прямыми доказательствами не подтверждённая, зато косвенных предостаточно!» – весело подумал Паша Пашаевич и решил, что в Хьюстоне в оставшиеся часы рисковать и тянуть на себя инициативу нецелесообразно, а о форумных планах мистера Брауна на 1964 год надо разузнать. Узнал – деликатно и аккуратно – и с чувством исполненного долга отправился ужинать.

Вчерашняя хостесса дежурно улыбнулась Паше Пашаевичу и посадила академика подальше от эстрады – в тихом углу за колоннами. Столик, правда, оказался на четверых. «Подсадит ко мне цэрэушников – вот будет потеха!» – хмыкнул Паша Пашаевич и заказал подскочившему официанту стейк («Недорого, но сытно!») и – эх, гулять, так гулять! – бокал бургундского. А то, понимаешь, в книжках читал, а пробовать не пробовал!

***

Настроение у Паши Пашаевича было отличное. Расправляясь со стейком и прикладываясь к бокалу, академик прикидывал, как лучше отчитаться в Баку о «проведённой операции». И тут явилась хостесса, с ней – парень (хмурый, мрачный) с девушкой (глубокое декольте, обтягивающее платье, в глазах огонь и чёртики пляшут). Хостесса извинилась, развела руками: столики все заняты, так что делитесь, мистер, местом под солнцем!

«Не исключено, парочка из ЦРУ! Решили заманить меня в эту, как её?.. А, в «медовую» (вспомнил академик ликбез комитетский) ловушку! Мальчонка посидит-посидит, потом изобразит ссору с пассией и, полный показной ярости – или ревности, это уже вопрос стилистический – уйдёт. А девчонка глазки строить начнёт, дышать неровно, со страстью вулканической, чтобы, значит, кавказец раззадорился да девку заманил-совратил! Приманка в номере разоблачится, на кровати раскинется, а тут дверь нараспашку – и табуном агенты цэрэушные с фотоаппаратами! Щёлк так, щёлк этак, девка несовершеннолетняя, о, мистер, за совращение малолетней пожалуйте в Алькатрас[1]! Как, не хотите в Алькатрас, хотите обратно в Баку?! Ладно, мы – гуманисты, мы – демократы, избавим вас от тюрьмы! Вот вам бумага о сотрудничестве с ЦРУ, подписывайте!» – сочинял, фантазировал, забавлялся, жевал стейк и пил бургундское довольный жизнью и собой Паша Пашаевич.

И вдруг парень нахмурился, прошипел девчонке что-то обидное и злое, та вспыхнула, ресницами заморгала, а кавалер из-за стола встал, салфетку в гневе бросил, развернулся – и к выходу. Девчонка ох, ах, а пышная грудь в декольте так и скачет, так и скачет: мёртвые, и те в гробах суставами заскрипели! А академик нет, чтобы на добычу лёгкую облизнуться да к делу интимному приступить, вослед кавалеру вдруг со смехом бросил:

– Молодой человек, если вы из ЦРУ, девушку «медовую» не забудьте с собой прихватить!

Пошутил, конечно, Паша Пашаевич про ЦРУ (настроение у него было отличное, опять же стейк и бургундское энергии добавили), улыбнулся язвительно и решил твёрдо, что пора, пора в номер возвращаться, вещи паковать, к отъезду готовиться.

***

Слова неожиданные, брошенные объектом разработки в спину, остановили, качнули, развернули агента ЦРУ Билла Кейси. Кавказец за столиком вместо того, чтобы, ловя момент, приударить за пышкой, покинутой кавалером (именно так было написано в плане операции, утверждённом боссом), нагло и публично посмеялся над Центральным разведывательным управлением США. («Как, как узнал?!» – ожгло Билла.) Хорошо, не над Управлением, а над агентом Кейси! Но это ещё хуже! Девка, когда начальство начнёт задавать вопросы (а ведь начнёт, потому что в успехе операции вербовочной, самим боссом разработанной, никто в отделе не сомневался!) о причинах провала, ткнёт пальцем в него, в Билла, – это он, бездарь и неумеха, во всём виноват!

Кейси вернулся к столику, зыркнул на девку строго – пошла вон! (операция провалена, приманка больше не нужна) – а что дальше делать, непонятно. Налил вина, глотнул, скосил глаза – кавказец вроде уходить собрался? Нет, так нельзя! Это ж полное фиаско! А главное – босс Биллом будет недоволен, самому мистеру Сандерсу ещё доложит! «На автомате» Билл включил диктофон (спрятан в кармане, микрофон вынесен на лацкан) и нервно брякнул первое, что в голову пришло:

– Вам понравилась Америка? Её мощь, сила, дух свободы?! («Босс наживку должен оценить по достоинству»!)

«Похоже, шутка о ЦРУ попала в десятку!» – удивился своей прозорливости Паша Пашаевич. По инструкции комитетской ситуацию надо гасить быстро и радикально: молча встать и уйти в номер. «Но этот цэрэушный клоп решит, что я испугался! Нет, уйти я всегда успею!» – лихо, по-гусарски, решил академик и стал сочинять «алгоритм ответного удара».

Паша Пашаевич равнодушно зевнул. Открыл портфель (дорогой, кожаный, пристроенный у ножки стола). Подвинул папку, нащупал диктофон (техникой снабдили

[1] Алькатрас – знаменитая тюрьма, расположена на острове в заливе Сан-Франциско, штат Калифорния. О её закрытии 21 марта 1963 года Паша Кулиев не знал.

комитетчики, чтобы процессы поиска носителя секретной информации после возвращения в Баку, на свежую голову, разумом коллективным анализировать), нажал кнопку записи. Положил, демонстрируя цэрэушнику готовность «к катапультированию» из ресторана, портфель на колени (микрофон ближе – запись лучше). Спокойно, внимательно и неотрывно, словно Вольф Мессинг[1], стал изучать рыбьи глаза визави. Больше минуты «игры в молчанку» цэрэушник не выдержал, отвёл взгляд, и тогда Паша Пашаевич чётко произнёс:

– Спрашиваю с чисто научным интересом! Допустим, ваша «медовая ловушка» сработала. Ну а дальше-то что? Шантаж, угрозы, бумага о сотрудничестве? Допустим. Ну а дальше, что дальше?! Отчётное оправдание съеденных, пропитых в кабаках денег американских налогоплательщиков? Да, это мотив. Информация?! Но если Америка – это мощь и сила, зачем вам скромные достижения советской науки? Отсюда логический вывод: если ЦРУ вербует советского учёного, это Америка – слабая, а СССР – сильный, могучий!

Кейси нервно сглотнул: русский – софист, но такую запись боссу всё равно не отнесёшь! Вместо идеологической победы – полный разгром! В голове агента – ни одной свежей мысли, сплошные штампы, Билл и выдохнул нервно (надо же что-то ответить!):

– Америка – богатейшая страна! Для выдающихся иностранных учёных у нас отличные возможности! Лаборатории! Новейшее оборудование! Личные особняки! Счета в банках! Одним словом, весьма и весьма – в отличие от вашей страны! – обеспеченная жизнь!

Полномочий склонять академика Кулиева к невозвращению в СССР у Кейси не было – расстроенный «медовой» неудачей агент нёс откровенную, несанкционированную в Лэнгли, чушь.

Паша Пашаевич понял, что разговора полезного, открывающего новые цэрэушные приёмы вербовки, не получится: перед ним – малообразованный тупой идиот, голова которого забита скучными банальностями. Жаль потерянного времени, взгрустнул академик, но и уходить без венчающего победу решительного слова нельзя, никак нельзя!

– Особняк, «кадиллак», счёт в банке, колбаса и пиво в холодильнике (новейшее оборудование, которое крыть нечем, пришлось проигнорировать) – и это, болезные, предел ваших мечтаний?! Ну ответь мне, американец, «что значит человек, когда его заветные желания еда да сон?» Не знаешь? Записывай: «Животное – и всё»[2]!

Кейси тупо уставился на «объект разработки», в сознании заискрило откровение: «Вроде учёный, мудрый человек, а не знает, не понимает, что такое американская мечта! Ну как, как работать с такими дауншифтерами[3]?!»

А Паша Пашаевич сделал вывод, что цэрэушники «Гамлета» не читали или не смотрели, а если даже читали-смотрели, то не поняли. «Знал бы, что агент, полное интеллектуальное ничто, ни секунды тратить на идиота не стал бы!» – брезгливо подумал академик и на прощание «громко хлопнул дверью» (теперь можно и нужно!):

– Прощай, агент, не знаю, как там тебя звать! И передай своему боссу мой совет: ищите и вербуйте животных – это вашего поля ягоды!

***

В кабинете полковника Эфендиева на третьем этаже здания президиума Академии наук группа НТР слушала «хьюстонский отчёт» академика Кулиева.

[1] В.Г.Мессинг (1899–1974) – советский эстрадный артист, выступал с «психологическими опытами по чтению мыслей» зрителей.
[2] У.Шекспир. «Гамлет», акт IV, сцена 4.
[3] Человек, исповедующий теорию «жизни ради себя», «отказа от чужих целей».

– Двое загорелых? Подслушанные слова «волна» и «динамическое позиционирование»? Не густо, – разочарованно «выразил общее мнение» полковник Эфендиев.

– Да, «не густо»! Но достаточно для того, чтобы сделать важнейший вывод: подходы к секретной установке надо искать через мистера Ричарда Брауна! – веско изрёк Паша Пашаевич, слегка обиженный скепсисом гэбистов. А про себя подумал, что чекисты и в технических вопросах разбираются слабо, и с дедукцией у них проблемы. «Но тут уж ничего не поделаешь – других партнёров по тайному фронту у меня нет! Поэтому инициативу надо брать в свои руки», – решил Паша Пашаевич и, не обращая внимания на хмурого и недовольного полковника, придвинул лист бумаги, набросал контуры поплавка, верхней платформы, буровой вышки. Потом заштриховал «дно», протянул от вышки к штрихам линию, коротко пояснил:

– Буровая колонна!

Чирканул стрелки, направленные к поплавку:

– Волновой вектор!

Добавил встречные стрелки и веско изрёк:

– Вот оно, динамическое позиционирование! Без него ветер и волны установку сдвинут – и буровая колонна будет снесена!

Академик решительно перечеркнул линию, соединяющую «дно» с «установкой», и стал излагать придуманный им «план дальнейших оперативных действий».

Теяр, как младший по званию, мнением которого руководство пока не поинтересовалось, молчал, на академика и начальника не смотрел – оценивал ситуацию: «Кулиев получил задание найти в Хьюстоне «источник информации». Нашёл? С высокой вероятностью – да, нашёл: это Ричард Браун. Этот человек достоин интереса за одно «динамическое позиционирование»! Брауна необходимо взять в разработку, поэтому от плана академика отмахиваться нельзя! Но решать начальству. Хотя, раз послали по миру уже пятерых, а за нить ухватился один Паша Пашаевич, у начальства выбора-то, по сути, и нет!»

***

План академика Кулиева был прост и прямолинеен: в мае в Лондоне очередная нефтяная конференция, в британскую столицу, как разузнал в Хьюстоне Паша Пашаевич, приедет и мистер Браун. И вот тут-то, где-нибудь «в кулуарах», Паша Пашаевич встретит объект разработки, скажет приятные слова, позовёт кофейку попить, подарит альбом красочный (фотографии исторического Баку, промыслов Биби-Эйбатских[1]). Ну и Нефтяных Камней – на этот крючок и надо ловить американца! Заглотнёт – отлично! Не получится – ищите других героев, я сделал, что мог!

– Только раскручивать Брауна надо здесь, в Баку! В Хьюстоне на конференции цэрэушников было что комаров! Так и вились, так и вились вокруг! И в Лондоне, полагаю, будет то же самое!

– С чего вы так решили, Паша Пашаевич? – насторожился полковник Эфендиев.

«Нормальный вопрос, – подумал академик, – только рассказывать про девку в ресторации да диалог с цэрэушником не стоит. Ещё задумаются чекисты, не двойным ли агентом вернулся из Хьюстона Паша Пашаевич, проверки начнут устраивать! Нет, и «коллег» лучше избавить от искушения, и себе жизнь не осложнять!»

– Решил, следуя вашим инструкциям, – витиевато парировал академик Кулиев.

– То есть вы могли и переоценить опасность? – вставил, «ответ правильный подсказал», майор Бабаев.

– Конечно, мог! Но вы сами меня наставляли: лучше пере, чем недо!

[1] Биби-Эйбатское газоконденсатное месторождение расположено на Апшеронском полуострове, официальная дата открытия – 1871 год. И.И.Воскобойниковым на Биби-Эйбате в 1846 году была пробурена первая в мире нефтяная скважина.

***

– И это всё? – сухо спросил нач-1, выслушав доклад полковника Эфендиева «об итогах Хьюстона».

– Нет, Паша Пашаевич ещё план сочинил! – театрально вздохнул (с неприкрытым сарказмом) начальник группы НТР и пересказал «могучий академический замысел».

Полковник Гусейнов задумался. Железных фактов из Хьюстона «эмиссар» не привёз: так, одна дедукция да «учёная интуиция». Но, кроме линии «мистера Брауна», других у комитета пока нет – это факт. Вывод: за неимением иных предложений план академика Кулиева необходимо одобрить, утвердить – ну и претворить! А дальше «эксперимент покажет», окажется жила пустой или «золотоносной».

– Ну что ж, поезжайте за помощью в Москву, в Госкомитет по координации научно-исследовательских работ, к товарищу Гвишиани… – раздумчиво произнёс нач-1.

***

Пребывание советских учёных на зарубежных научных форумах оплачивалось твёрдой валютой, распределяли доллары, фунты и прочие марки в Москве. «Квоты» на лондонский визит у Академии наук Азербайджана не было, поэтому, чтобы снарядить в мае Пашу Пашаевича в столицу Британии, нач-1 и отправил делегацию (группу НТР) в столицу СССР к Джермену Гвишиани – зятю Алексея Косыгина, первого заместителя Председателя Совмина СССР – за «внеплановым финансированием». Расчёт полковника Гусейнова строился, во-первых, на «кавказской солидарности», которую грузин должен был проявить к «соседям», во-вторых, на «солидарности корпоративной» – отец Джермена, как никак, видный (пусть и в прошлом) сотрудник спецслужб. Вон и для сына имя сочинил со смыслом глубоким, сложив неологизм из первых слогов фамилий Железного Феликса Дзержинского и его преемника Вячеслава Менжинского.

Перед отлётом «делегации» в Москву полковник Гусейнов проинструктировал (с глазу на глаз, уж больно разговор деликатный) руководителя группы НТР. Начал с простого: приказал получить в финчасти комитета оперативную наличность – заходить к Джермену Гвишиани без «щедрых даров Кавказа» – ход тактически неверный. Затем перешёл к вопросам, касающимся родословной Джермена. С одной стороны, отец Джермена – Михаил Гвишиани – человек заслуженный, авторитетный, сделавший, как говорят англосаксы, себя сам. Шутка ли, родился в многодетной семье батрака, образования не получил (ну, читать-писать с грехом пополам научился). Зато при советской власти вознёсся высоко – до генерал-лейтенанта НКВД-МГБ[1]!

С другой стороны, в биографии родителя Джермена тёмных пятен предостаточно. Когда в органах до войны служил, много крови грузинских «профессиональных революционеров», ну и вольнолюбов – поэтов, писателей и прочих свободных художников – в ходе «чисток» пролил. Опять же руководителем личной охраны «кровавого палача» Лаврентия Берии был. А в 1944 году лично руководил депортацией с Северного Кавказа чеченцев и ингушей[2]. В 1954 году Михаил Гвишиани был лишён звания генерал-лейтенанта, отправлен в отставку, сейчас живёт в Тбилиси, работает скромным спецом в Госкомитете по координации научно-исследовательских работ Грузии[3].

[1] МГБ – Министерство государственной безопасности СССР (1946–1953 годы) – центральный госорган по борьбе с преступностью и обеспечением госбезопасности.

[2] В период с 23 февраля по 9 марта 1944 года с территории Чечено-Ингушской АССР в Казахстан и Киргизию было выселено от 500 до 650 тыс. чеченцев и ингушей. Официальный мотив депортации: «за пособничество фашистским оккупантам».

[3] Михаил Гвишиани скончался в Тбилиси в 1966 году.

О том, что опального и малообразованного Михаила Гвишиани пристроил в грузинский Госкомитет сын Джермен, полковник Гусейнов вслух не сказал – зачем, если и так всё яснее ясного? – и сразу перешёл к главному, ради чего повёл речи свои деликатные. Глава партии и правительства товарищ Никита Сергеевич Хрущёв на историческом XX съезде КПСС гневно осудил и беззакония сталинские, и приспешников диктатора, и депортации народов, следовательно, как ни крути, и деяния Михаила Гвишиани. А это значит, сколько ни повторяй вслед за генералиссимусом «Сын за отца не отвечает», тень родительская кровавая на Джермене лежит.

С другой стороны, Джермен Михайлович – человек уважаемый и высокопоставленный, любимый, можно сказать, зять второго человека в правительстве. (Вскользь о том, что в 1948 году, когда Гвишиани-старший был ещё в силе, а наследник обучался в элитном Московском институте международных отношений, женился 20-летний Джермен на сокурснице, дочери товарища Косыгина Людмиле Алексеевне – крепко, одним словом, устроился в номенклатурной обойме.)

Помолчал с минуту полковник Гусейнов, посмотрел глазами грустными на начальника группы НТР, оценил, проникся ли наставлениями мудрыми полковник Эфендиев, и изрёк установочно:

– В Москве, как вы поняли, никаких, даже случайных, упоминаний о Гвишиани-старшем. (Хотел – для закрепления материала – добавить лихое англосаксонское «Не будите спящую собаку», но решил, что Эфендиев и так всё хорошо запомнил.) О высоком родственнике в правительстве, если к месту и с приличествующим почтением – можно и нужно. Имя Брауна, если спросит Джермен Михайлович, за какой надобностью нас потянуло в Лондон, называть не надо – ограничьтесь обтекаемыми «интересами государственной безопасности».

***

В Москве группа НТР поселилась в гостинице «Пекин» – половина отеля обслуживала нужды комитета, поэтому «забронированные звонком из Баку» номера на пятом этаже уже ждали «ходоков с Кавказа». Переночевали и к согласованному из Баку (звонком из республиканского Госкомитета) полудню отправились (чёрную «Волгу» выделили коллеги с Лубянки) на улицу Неждановой – в Госкомитет всесоюзный.

Джермен Михайлович проявил радушие – в приёмной «ходоков» держать не стал, секретарша сразу запустила группу в высокий кабинет. На дежурные улыбки «от всей души» и ритуальные восторги «от чистого сердца» ушло минут пять, после чего полковник Эфендиев магическим взмахом рук извлёк из пузатого портфеля коробки с коньяком 50-летней выдержки (нашли раритет в Баку в винно-водочном ведомстве «по особому заказу») и баночки (Теяр насчитал штук десять) с чёрной икрой.

Джермен Гвишиани образу хрестоматийного советского партийно-государственного деятеля, который «плоть от плоти народной, выразитель чаяний рабочих и крестьян» (внук батрака – это ж самый гегемон!), на взгляд Теяра, не соответствовал. «Дорогой, явно из Лондона или Парижа, костюм, тонкий французский парфюм, а главное – взгляд: сановный, барский, сверху вниз – да он, скорее, преуспевающий буржуа, чем радетель о благе народном», – с неприязнью подумал Теяр о «философе и социологе, члене КПСС с 1951 года».

– Ну, в чём нужда, дорогие земляки? – вальяжно спросил наконец о главном у полковника Эфендиева советский элитарий.

Начальник группы НТР уложился в две минуты, Джермен Михайлович хохотнул, снял трубку, в пять секунд решил вопрос, кинул взгляд на большие напольные часы, тикающие в углу, и развёл руками: извините, дорогие земляки, труды праведные зовут!

***

Закрылась дверь за «ходоками» – и забыл о «земляках» Джермен. В кресле устроился, бутылку гянджинского раритета на свет рассматривать стал, этикетку коньячную изучать – и размышлять об архиважном и весьма перспективном, о чём с «дорогим другом» Аурелио Печчеи[1] предварительно договорился: о строительстве в СССР итальянским концерном «Фиат» автогиганта! Деньги (советские), перспективы (итальянские – и вообще…) – сумасшедшие! Но есть проблема: Хрущ, не возражая против сотрудничества с концернами Запада, хочет, свинопас хренов, чтобы контракт получили французы! «Рено» ему, видишь ли, подавай! Ну да, да, президент Франции генерал де Голль пошёл на сближение с Советским Союзом, «Рено» в контекст геополитический и «встраивается»! «Вот Печчеи и беспокоится, в глаза при встречах заглядывает – как там, в Кремле, благоволят к «Фиату» или к конкурентам грёбаным – к «Рено»?! Нос морщит, зубы вставные скалит, напоминает: мы же договорились, дорогой Джермен! Ничего, Аурелио, ничего, подожди немного, скоро уберём Хруща, тогда и контракт с «Фиатом» подпишем[2], и дела великие начнём!» – сопел Гвишиани-младший, глаз злой на портрет «вождя» на стене щурил.

***

В коридоре Госкомитета, шагая следом за начальством, Теяр гнал от себя мысли крамольные, но те, упрямые, возвращались: «Джермен «уважаемый и высокопоставленный» (вспомнились наставления полковника Эфендиева) потому, что велик умом, могуч познаниями, славен делами? Или потому, что зять второго человека в правительстве СССР? Вообще-то философ – это специалист, далёкий от проблем технических и естественнонаучных. Как же он может решать, что сегодня в науке и технике приоритет, а что нет? Да-а, в школе «Горе от ума» цитировали: «Ну как не порадеть родному человечку?», выводы далеко идущие делали: вот он каков, проклятый, бесчеловечный царизм-капитализм! Такой, несправедливый и порочный, и снести до основания не жалко! И что?! Царя скинули, шустрые батраки стали генералами, а пропасть между теми, кто почитает себя элитой, и теми, кто «простой народ», как была, так и осталась! Всё вернулось на круги своя! Одно поменялось – элита! Вот уж, поистине, кто был ничем, тот стал всем!»

– Абасов, поторопись! Опаздываем! – строго приказал полковник Эфендиев отставшему-задумавшемуся Теяру и кинул взгляд на часы: в Баку полковник Гусейнов ждал отчёта победного о «выбитой финансовой квоте». Яснее ясного – надо спешить в «Пекин», к телефону, радовать начальство!

Глава девятая. Загадочный мистер Браун

В конце мая Паша Пашаевич вылетел в Лондон – на научную конференцию. Визит на три дня – срок вполне достаточный, чтобы и самому выступить с докладом о достижениях учёных Азербайджана, и «просьбу» группы НТР выполнить – войти в контакт с «потенциальным источником информации» – мистером Брауном (постоянный член оргкомитетов большинства нефтяных форумов, проводимых «в странах капитала»). На конференции в Лондоне, как подтвердили коллеги из британской резидентуры ПГУ, Браун обязательно будет присутствовать, его выступление на форуме программой не предусмотрено, значит, послушает других.

[1] Аурелио Печчеи (1908–1984) – итальянский учёный, предприниматель, общественный деятель, основатель и президент Римского клуба.

[2] 15 августа 1966 года в Москве глава «Фиата» Джанни Аньелли подписал с министром автомобильной промышленности СССР А.М.Тарасовым контракт на строительство в городе Тольятти автозавода с полным производственным циклом. По контракту «Фиат» обеспечил технологическое оснащение завода и обучение специалистов.

Узнав эту новость, полковник Эфендиев отправился в президиум академии наставлять «эмиссара». Инструкции от начгруппы НТР Паша Пашаевич получил просто великолепные. Во-первых, в Лондоне проявлять предельную осторожность! О странной смерти в Хьюстоне «эмиссара №1» начальник группы НТР не упомянул ни единым словом. Оно и понятно: весть печальная, энтузиазм «эмиссарский» остужающая. Да и в «академических кругах», хотя запущена версия официальная – «несчастный случай», интеллектуалы глаза закатывают, шепчут (в «курилках» и коридорах) многозначительно: «Без ЦРУ не обошлось!» Деморализуют, одним словом. Зачем же керосин в огонь добавлять, намекая на некие ошибки, допущенные в Хьюстоне покойным Агазаде?! Во-вторых, на самой конференции – никакой активности! Вокруг участников наверняка будут крутиться парни из британской контрразведки МИ-5 и резидентуры ЦРУ! Поэтому первый контакт с «источником» должен произойти «случайно» и в таком месте, где появление британских, ну и американских контрразведчиков маловероятно.

«Инструкции – отличные. Только где оно, то тихое, безопасное, располагающее к душевной близости с Брауном, местечко?» – взгрустнул Паша Пашаевич, поразмыслил и решил, что строить схемы «вхождения в контакт» с источником не будет, а положится на случай: повезёт – хорошо, не повезёт – ну и ладно. Положил в багаж фотографии промыслов Баку (начало века, раритеты!) и Нефтяных Камней (панорамы-ракурсы согласованы с КГБ) и отбыл в Лондон.

На конференции Паша Пашаевич, следуя поговорке, показал себя, посмотрел на других, приметив «по ходу смотрин» «в научном сообществе» с десяток личностей, подпадающих под фразеологическое определение «рыцари плаща и кинжала». От мистера Брауна, следуя инструкции, держался подальше – и терпеливо, точно кот перед мышиной норой, ждал «счастливого случая».

Удача, словно капризная дама, пришла неожиданно – на третий день. После утреннего кофе-брейка Паша Пашаевич приметил цепким глазом: мистер Браун повернулся к конференц-залу спиной и степенно зашагал к выходу. На улице взял такси, и тонкий слух «эмиссара» (Паша Пашаевич, «как учили» в Баку, на мистера Брауна не смотрел, внимания к его персоне не проявлял ни малейшего, а так, скользил «параллельным курсом по своим делам») уловил дивные слова: «В Британский музей, пожалуйста!»

Паша Пашаевич сел в автобус (красный, двухэтажный – традиция!), проехал три остановки, вышел около гигантского маркета (куда ехать и где соскакивать, узнал из путеводителя), зашагал к входу в «товарный рай». В сознании озорно мелькнуло: «Если за мной крадётся контрразведка, у топтунов должен сработать стереотип: советикус отправился за шмотками!»

Гигант гудел и зазывал, и затеряться в толпе шопингующих было не трудно. На товары Паша Пашаевич старался не смотреть (коварное искушение, отвлекающее от «дела»!), на пятки лондонцев не наступать (всё по инструкции: серость, безликость, «невесомость» со стремлением к идеалу – «человеку-невидимке») – академика интересовал лишь второй выход из железобетонного «рая».

Нашёл быстро, вышел стремительно, прошёлся по улице, заскочил в будку телефона-автомата, притаился в ожидании – «хвостов» вроде нет? Раз нет, взял такси – и в Британский музей!

***

Допуск в читальный зал Британского музея, Паша Пашаевич узнал заранее, только для профессиональных исследователей, гость из Азербайджана как раз из этой категории, и документы на языке английском на сей счёт имеются. Хотя кто их знает, этих британцев: начнут придираться к визитёру из СССР, искать предлоги, чтобы отказать…

Не отказали – и Паша Пашаевич, испытывая нечто, подобное «священному трепету» («В этом зале работали Маркс, Ленин!», других великих, набиравшихся в Британском музее чужих мыслей, чтобы, опираясь на плечи гигантов, осчастливить мир парой-другой мудрых откровений, академик не припомнил – не до того было), «вошёл под исторические своды».

Заказав меланхоличной сотруднице несколько специальных нефтяных журналов, Паша Пашаевич двинул по проходу между столами, выискивая «объект». Мистер Браун сидел в центре зала, у окна, шелестел страницами фолианта, иногда что-то чиркал в пухленький блокнот.

Стол в соседнем ряду оказался свободен. Паша Пашаевич решил, что это добрый знак, устроился на стуле поудобнее, достал из портфеля «приманку» – запасённые в Баку фотографии, стал выжидать, когда Браун, давая отдых глазам, оторвёт взгляд от фолианта.

Минут через двадцать план сработал: Браун устало откинулся на спинку стула, Паша Пашаевич «случайно» кинул взгляд на соседа, «узнал коллегу», заулыбался, приветливо кивнул. Браун ответил «зеркально», Паша Пашаевич «случайно» задел локтем стопку фотографий, и те, словно карты из колоды, легли интригующим веером.

Простенькая «домашняя» уловка, к удивлению академика, сработала: «объект» вдруг потянулся к фотографиям. Паша Пашаевич, моля Аллаха о милости, проявил любезность, протянул соседу пачку, в сознании – приятное, лёгкое, пьянящее, словно шампанское: «Есть контакт!»

Минут через десять Паша Пашаевич сидел уже рядом с Брауном, тихо, чтобы не мешать высоколобым посетителям читального зала, шептал «комментарии» к снимкам. Боковым зрением академик приметил вдруг странное волнение, испытанное Брауном, так, ничего особенного: лёгкий тремор мизинца левой руки, моргнувшее раз, другой и третий веко.

«Реакция на Нефтяные Камни – спокойная, а как взял в руки Биби-Эйбатские промыслы в 1918 году – заискрило… – напрягся Паша Пашаевич. – Хотя, наверное, показалось… Да, конечно, показалось… И всё же, всё же, всё же…»

– Я вам немного завидую! Вы, вероятно, можете посетить и это удивительное месторождение – я имею в виду Нефтяные Камни, и эти славные места, – произнёс вдруг «объект» и мизинцем двинул фотографию с нефтяной вышкой Биби-Эйбата.

Паша Пашаевич выпрямил спину, облизнул вдруг пересохшие губы – отвечать надо быстро и точно, «инструкций по ситуации» в Баку не дали, вот и принимай решение под личную ответственность.

– Я приехал в Лондон, что мешает вам посетить Баку? Приедете – будете моим гостем, и я постараюсь ответить любезностью на любезность… – витиевато бормотнул Паша Пашаевич (плана в голове нет, что делать дальше – непонятно: всё произошло так неожиданно и стремительно, эх, хотя бы минут пять на размышление!).

Браун, неожиданно для академика, «пришёл на помощь»:

– Если бы не «железный занавес», дорогой коллега, я с удовольствием принял бы ваше приглашение!

Паша Пашаевич нахмурил брови, изобразил работу мысли и доверительно шепнул:

– Я постараюсь вам помочь! Получится – увидите Баку воочию, а если… – академик развёл руками, изображая искреннюю печаль, и, словно опытный драматург, завершил спектакль патетическим: – Будем оптимистами! А фотографии… – они ваши!

Деловито договорились о будущей – на очередной конференции – встрече. Браун, заглянув в блокнот, решил, что произойдёт она здесь же, в Британском музее, восьмого июля, в шестнадцать часов плюс-минус пятнадцать минут.

«Выполнив миссию», Паша Пашаевич с час полистал журналы («для конспирации» – мозг был перевозбуждён и плодотворно приобщаться к зарубежной научной мысли категорически отказывался), на прощание пожал мистеру Брауну руку, а когда «объект разработки» покинул читальный зал, засобирался и сам.

Браун остановил такси, назвал адрес отеля. «Кажется, только что произошёл тот самый случай, о вероятности которого говорил мне плешивый тип из Лэнгли, – пронеслось в сознании Ричарда. – Что он мне тогда сказал? «Если русские попытаются войти с вами в доверительный контакт, реагируйте спокойно, внимательно выслушайте их предложения, ни от чего не отказывайтесь – и сразу сообщите мне!» И дал визитку. Кажется, я оставил её в Хьюстоне…»

***

Вернувшись в Баку, Паша Пашаевич первым делом зашёл в президиум академии, заглянул в кабинет к помощнику президента и коротко рассказал полковнику Эфендиеву о состоявшемся в Лондоне контакте «с потенциальным источником».

– Мне показалось, что Браун не прочь оказаться в Баку, – раздумчиво резюмировал академик отчёт о лондонском вояже. – Сдаётся мне, что с промыслами Биби–Эйбата американца что-то связывает, что-то из прошлой жизни…

И, поймав удивлённый взгляд полковника, поспешно добавил:

– Это всего лишь версия, базирующаяся на моих личных ощущениях.

Академик слетал на Альбион вроде бы удачно, но в заявленном позитиве было нечто, рассудком не объяснимое, смущающее начальника группы НТР. Эфендиев полил цветок на подоконнике, покачал головой и отправился в комитет – докладывать об итогах визита «эмиссара» в Лондон.

***

В кабинете начальника разведотдела собралась вся группа НТР. Полковник Эфендиев доложил нач-1 «о достигнутом в Лондоне» – это было нетрудно. И после паузы (может быть, начальник о чём-нибудь спросит или сразу даст руководящее указание, но полковник Гусейнов лишь недовольно хмурил брови и молчал) перешёл к главному – к ответу на вопрос: «А дальше-то что делать?»

– Академику за границей склонить Брауна к сотрудничеству вряд ли удастся. Да и риск оказаться в разработке у ЦРУ или МИ-5 в этом случае для Паши Пашаевича немалый. Перспективнее, на наш взгляд, визит Брауна в Баку. Здесь, на своём, так сказать, поле, да общими усилиями, да ничем особо не рискуя…

У Теяра мелькнуло: «Другого плана у нас всё равно нет, поэтому либо одобрение начальством единственного оперативного варианта – и тогда «колёсики начинают вертеться», а там, глядишь, «кривая и вывезет», либо неодобрение, и тогда непонятно, что дальше-то делать».

Нач-1, поразмышляв минут пять, глубокомысленно изрёк:

– Нельзя приготовить омлет, не разбив яйца, – и одобрил предложение группы НТР.

Оперативный план составили быстро: диктовал нач-1, записывал Теяр, полковник Эфендиев и майор Бабаев согласно кивали. Некоторые сомнения возникли по «ранжированию вербовочных приоритетов», но и с «механикой процесса» определились быстро: если Браун окажется в Баку, документы от него надо постараться получить «на идейной основе». Запасной вариант – подкуп. Прикинули, оценили, выходило, что за чертежи американцу можно предложить миллион, а то и поболее, долларов. От запасного все взгрустнули. Получить в Центре «на оперативные расходы» инвалютный миллион, во-первых, не просто: надо доказывать, мотивировать, одним словом, полностью – «с именами, явками, паролями» – «раскрыть карты». Во-вторых, если «оперативный нал» придёт в Баку из Москвы (а из каких иных источ-

ников он ещё может появиться?!), то и добытая (если повезёт!) группой НТР ценнейшая научно-техническая информация окажется в Ясенево. Это закономерно: «кто платит, тот девушку и танцует». «Конечно, делаем общее дело, но для Азербайджана лучше, если документация попадёт в «Гипроморнефтегаз», – мелькнуло у всех четверых, собравшихся в кабинете начальника разведотдела. Ну и, наконец, вариант нежелательный: шантаж, который на Брауна, может статься, и не подействует. Хотя – «на всякий случай» – компрометирующие материалы на американца, как появится тот в Баку, собрать не помешает…

***

В июле Паша Пашаевич улетел в Лондон («квоту» вновь обеспечил Гвишиани-младший) – на очередную конференцию. Как и в мае, Браун на третий день форума после кофе-брейка отправился в Британский музей, ну а Паша Пашаевич сделал это на часик раньше. Для начала, выполняя комитетские инструкции (прежде всего – оторваться от вероятных «хвостов»!), отправился на такси к Букингемскому дворцу. Прошёлся перед воротами, через прутья решётки сфотографировал красно-мундирных гвардейцев в высоких медвежьих шапках. Потом ловко смешался с толпой японцев («Жаль, самураи низкорослые – уходить приходится на полусогнутых!») – и бочком-бочком на автобус. Сошёл за две остановки до музея, ловко, не без удовольствия, с азартом попетлял по улицам-переулкам. Притомился изрядно, но от топтунов за спиной, если те и взяли на конференции его след горячий, вроде как оторвался.

В читальном зале, подсев за столик к Брауну, академик (улыбка широкая, добрая) бодро поведал американцу, что обо всём с «нужными и влиятельными людьми» договорился!

– Вы, мистер Браун, окажетесь в Баку, но никаких отметок в ваших документах о пересечении «железного занавеса» не будет! Эту деликатную сторону вашего вояжа я беру на себя! Под мои личные гарантии! (Слова о гарантиях, конечно, так, фразеология, но как без неё?!) Единственное, что вам нужно сделать – оказаться в августе в Чехословакии. Понимаю, Чехия – тоже за «железным», но в Карловы Вары, на курорт, за водой целебной, если состояние здоровья требует, наверное, можно?..

Браун усмехнулся и кивнул:

– Чего не сделаешь ради здоровья! Тем более что Карловы Вары – это Карлсбад, бывшая Австро-Венгрия…

«Исторический экскурс» американца академик пропустил мимо ушей, сосредоточившись на деталях плана. Минут за десять согласовали дату и место встречи (Браун оказался педантом, да ещё въедливым, пришлось сказать ему больше, чем разрешили в комитете), пожали руки и расстались.

«Как-то неожиданно легко он согласился...» – не испытывая радости от достигнутого «оперативного успеха», размышлял Паша Пашаевич, степенно шагая к выходу из читального зала и «затылком чувствуя» пристальный взгляд «объекта».

«Сандерс был бы доволен…» – подумал Браун, провожая взглядом «темпераментного коллегу из СССР», и захлопнул библиотечный фолиант: прошёл, прошёл рабочий настрой…

«Или субъекта?» – злая и неожиданная мысль опалила на выходе из Британского музея мозг академика. Паша Пашаевич качнулся, опёрся на поручень: ледяное щупальце, сжавшее его горло, давило, не отпускало, не давало дышать.

Окончание следует

НИЗАМИ ТАГИСОЙ

Полноценный человек в философско-художественном и морально-нравственном понимании Абая Кунанбаева

Великий поэт-мыслитель, основоположник казахской реалистической литературы и литературного языка, философ-культуролог Абай Кунанбаев оставил богатое творческое наследие. Ещё в раннем возрасте он получил признание современников как оратор, как степной Цицерон. В совершенстве владел арабским, персидским и другими восточными языками. Уже в ранних стихах поэта можно увидеть своеобразные философские взгляды на устройство мира.

Поэтическое дарование Абая опирались на три источника: 1. Древняя казахская литература и устное народное творчество казахов; 2. Лучшие образцы восточной, в том числе общетюркской литературы; 3. Непревзойдённые образцы русской, а через неё и мировой культуры.

Абай был великим сыном казахского народа. В его произведениях правдиво отражались мысли и чаяния родного народа, реальная картина современной ему эпохи. Абай хорошо знал, что центральным звеном в цепи известных живых систем является человек – высшее из земных созданий существо. Философский взгляд на человека предполагает выявление его сущности и особенностей, назначения и места в мире, причин человеческой активности, определения исторически возникших форм человеческого бытия.

В древности Сократ, осмысливая проблему бытия – основного вопроса философии, пришёл к выводу, что главной проблемой является человек. Все науки, говорил Д.Юм (и не он первый), в большей или меньшей степени имеют отношение к природе человека.

Вопрос о том, что такое человек, был наиболее актуальным в философии и социологии и в эпоху Абая. Если Сократ, пытаясь определить сущность человека, проанализировал его индивидуальные качества и добродетели: мудрость, благость, справедливость, умеренность, доблесть, то Абай полагал, что развивая свои добродетели, человек достигает гармонии души. В таком случае её не может разрушить даже физическое насилие. И гармоническим сочетанием всех добродетелей является справедливость.

Поиски ответа на вопрос о сущности человека продолжались с древности вплоть до нашего времени. Этому вопросу посвятили свои философские и художественные труды Платон, Аристотель, Н.Гянджеви, Н.Туси, И.Насими, М.Физули, И.Кант, Ж.Ж.Руссо, А.Шопенгауэр, М.Ф.Ахундзаде, Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой, М.Горький, Н.Бердяев, М.Хайдеггер и др. Правы учёные, подчеркнувшие, что человек, как «мера всех вещей», безмерно сложен и неисчерпаем. Человек, как природно-социальное явление, субъект общественно-исторической деятельности и культуры, имеет органическое сочетание природного, психологического и общественного. Вместе с тем, человеческая сущность до сих пор во многом остаётся загадочной. Ведь человек постоянно творит историю, культуру и одновременно самого себя, преобразует свою природу.

Рассматривая человека как объект философского, эстетического, этического, социального знания процесса социального эволюционизма, Абай понимал, что человек в исторической перспективе жизнедеятельности интегрируется в сложную систему социальных отношений и процессов. Эти связи преломляются через личность человека, его социальный потенциал и выражаются в его деятельности в качестве формируемого личностного отношения к окружающей действительности, её преобразованию и включению в социальное содержательное функционирование.

Прогрессивные тенденции, наблюдавшиеся в развитии казахской литературы XIX века, подготовили переворот, совершённый Абаем, сумевшим объять умом и познать специфику складывавшейся веками духовной культуры казахского народа и прежде всего его фольклора, впитавшего лучшие традиции древней тюркской и персо-таджикской поэзии, что ярко просматривается в его стихотворении «Шамси, Саади, Физули…».

Шамси, Саади, Физули,
Хафиз, Навои, Сайхали,
Фирдоуси – молодому поэту,
Великие, вы помогли.

Преданный своему народу, Абай создал произведения, в которых ярко и реалистично обрисованы жизненный уклад, национальный быт, поэтичность казахского аула, природа родных степей. До небывалого уровня поднял Абай любовную лирику, обогатив её психологизмом, основанным на полноценном знании природы человеческих отношений, людских характеров. Новаторское творчество Абая заложило основы критического реализма в казахской литературе, подняв на новую высоту родную поэзию, глубокую по содержанию, многообразную по тематике.

Абай прежде всего был поэтом-просветителем, поэтом-демократом. Глубоко ощущавший социальное неравенство в казахском общества, Абай искренне сочувствовал бедняку, влачащему жалкое, мучительное существование, и подвергал беспощадной критике представителей власти. Его остросатирические стихотворения служили грозным оружием и составили значительный вклад в историю казахской литературы. «Для своего века, для среды невежд он был загадкой. Но для нас он ясен, как светило казахской литературы, солнце казахской поэзии». Абай стихами и песнями смело вторгался в мрачную действительность своего времени, призывал разрушать препятствия, мешающие прогрессивному развитию народа. Все творчество поэта отразило думы и чаяния родного народа о справедливой жизни. В своих произведениях Абай, наряду с прочими вопросами, стремился выработать концепцию совершенной личности. Воспевая трудолюбие, упорство, честность, мужество простых людей, он стремился раскрыть в национальном характере народа те черты, которые были порукой освобождению казахов из-под векового гнёта ханов, баев, феодалов, капиталистов и империалистов.

Абай в своём творчестве сформировал мысль о человеке, о его роли в окружающем обществе. При этом он хорошо представлял себе то, что каждая историческая эпоха рождает своё, особое видение человека и его роли в обществе. Думая об особенностях концепции полноценного человека, он чётко понимал, что это не статичное представление о человеке или суждение о человеческом бытии, обрамлённое в живую ткань человека.

Концепция Абая о «полноценной личности», как пишет казахский учёный Н.Кенжегараев, тождественна идее интеллектуальной нации. Абай толковал эту концепцию на основе социально-политического дискурса. Полноценный человек в его понимании, исходя из религиозно-философского контекста, превращается в социально-политическую личность и приобретает эстетический, этический и культурный характер. Всем своим творчеством (лирикой, поэмами, назидательными словами «Гаклия») и всей деятельностью он показал, каким должен быть полноценный человек. Проще говоря, Абай думал о формировании такой личности, которая должна стать достойным членом общества, характеризующимся сформировавшимся мировоззрением, способностью нести ответственность за свои поступки, пониманием своего места в этом мире, имеющим определённые отличительные черты, называемые индивидуальностью.

Читая произведения Абая, мы видим, что он всегда хотел продвигать свою страну вперёд. И всегда шёл за этой идеей. Наука и образование – основа прогресса. Абай всегда заботился об полноценном изучении казахского языка. Он говорил, что народ не будет на высоте, пока не овладеет знаниями.

Президент Казахстана К.Ж.Токаев в одном из своих выступлений, посвященном Абаю, говорил: «Для нас важно обратить пристальное внимание на Абая. Знать Абая – значит знать себя… Абай призвал каждого казахского ребёнка быть гражданином страны. Его наследие – школа мудрого патриотизма, основа уважения к стране… ».

В концепции Абая о полноценной личности важное место занимают его взгляды относительно создания справедливого общества. Ведь конструктивный диалог между государством и обществом может способствовать укреплению доверия к государству. Полноценный человек, полноценная личность – это люди, уверенные в себе, стремящиеся к добру и совершенству.

Одно из магистральных направлений художественного творчества Абая – борьба с гордостью. Поэт постоянно призывал людей быть внимательными и чуткими по отношению к обществу. Он углублялся в психологические аспекты жизни людей.

Неординарность философско-поэтического мышления Абая ярко выражает себя в его отношении к религии. Он писал:

«Аллах истинен, слово истинно, правда никогда не бывает ложной».

Он пришёл к такому заключению, детально изучив труды восточных и западных классиков. В Тридцать восьмом слове «Слов назиданий» (или «Чёрных слов», как мы часто их называем) он ясно и отчётливо выражает своё отношение к Аллаху.

«Самое сложное воспитать в них (в людях – Н.Т.) *человечность. Потому что Аллах – это путь истины, а искренность и правдивость – враги зла…, прежде всего надобно возлюбить Аллаха. Известно, что Наука – один из ликов Всевышнего, потому и любовь к Науке – признак человечности и искренности… Пусть богатство, всеобщее уважение и слава сами найдут человека, только тогда они смогут стать достойным украшением его. А преклонение перед ними принижает человека…»*.

По мнению Абая, Жизнь, Наука, Могущество, Зоркость, Чуткость, Желание, Слово, Созидание – являются светлейшими ликами Аллаха.

«Создатель наделил человека этими восемью ликами, но не в таком абсолютном совершенстве, каковым он сам ими обладает».

«Аллах всесилен, наши возможности ограничены. Измерить конечным бесконечное невозможно. Сила человека заключается в его разуме и знаниях. Могущество Всевышнего выражено в Науке и Милосердии. Хотя милосердие не упоминается в числе восьми его ликов, оно поясняется смыслом следующих его имён: «Всемилостивый, Милосердный, Сострадательный, Всепрощающий, Любящий, Защищающий, Покровительствующий, Благодетельный, Дарующий, Учтивый… Логику моих изложений также подтверждает удивительная гармония сотворённого мироздания… Справедливость – мать всех благодеяний. Понятия совесть и честь исходят от справедливости… Наука и разум, как и человеческая природа, не терпят насилия над собой, им противны неискренность, они учат нас быть добрыми, искренними, благодетельными, что и есть Милосердие.

…Существуют три вещи, способные унизить весь человеческий род, которых следует избегать, это: невежество, леность, злодеяние.

Невежество – есть отсутствие знаний, без которых ничего нельзя добиться: отсутствие знаний равняет человека со скотом.

Леность – злейший враг искусства, бесталанность, безволие, бесстыдство, бедность – порождение лени.

Злодеяние – враг человечества, причиняя зло другим, человек отдаляется от людей, уподобляясь дикому зверю.

Противоядие от этих пороков – человеколюбие, желание всеобщего благоденствия, твёрдость духа, справедливость, глубокие всесторонние знания».

Как мы видим, концепция полноценной личности в понимании Абая исходя из религиозно-философского контекста приобретает социально-политический, нравственно-эстетический и культурно-этический характер. Выдающийся писатель на примере своей жизни и деятельности показывает, каким должен быть полноценный человек.

По его мнению, все личностные качества человека должны сосредотачиваться в эстетике служения народу, стране, человечеству.

В творчестве Абая, как мы отмечали выше, Науке уделяется большое внимание. Великий просветитель Науку ставит на самую передовую позицию. Одним из трёх качеств полноценной личности Абай считает разум. Разум в его учении выступает как синоним Науки. В его трактовке Наука – один из ликов Всевышнего, любовь к Науке – признак человечности и искренности. Абай сто крат прав, когда твердит: *«Не всякий учёный – мудрец, но всякий мудрец – учёный»*. По его мнению, каждый человек должен стремиться к полноценности, мудрости.

Он убеждённо говорил о духовно-нравственном воспитании детей. Здесь он имел в виду необходимость учить детей канонам религии и религиозной нравственности. Абай считал, что наука должна служить человеческому обществу, она должна усовершенствовать сознание человечества. По его мнению, Путь науки – это путь к истине, путь справедливости, путь Аллаха. Глубоко анализируя идеи Абая, мы видим, что его концепция о понимании сути жизни и развития по сей день остаётся актуальной и современной.

Произведения Абая, особенно его «Слова назидания», ярко подтверждают мысль о том, что Абай – это не только выдающийся учёный и поэт, внесший значительный вклад в художественную и духовную сокровищницу казахского народа, он также мудрец, беззаветно служивший становлению казахской государственности.

Абай удивительная личность из числа мыслителей мирового уровня. Его концепция полноценного человека безгранична и проверена историческим ходом развития и формирования казахского народа. Оставив яркий след в родной истории как философ, поэт, просветитель, основоположник новой казахской литературы и литературного языка, блестящий переводчик, реформатор культуры, патриот, композитор, он всегда искал сближения с восточной, исламской, русской и европейской культурами.

Он – творец современного казахского языка и патриот своей страны. Абай заложил вектор развития литературы, культуры, философии и эстетической мысли на столетия вперёд. Он не просто указал направление, а дал мощнейший импульс для их развития.

Первый Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, имея в виду величайшую роль Абая в казахском обществе, говорил: «С каждой новой эпохой раскрываются новые грани его величия, а творчество играет новыми красками. Абай будет всегда жить вместе со своим народом».

Но в чём кроется феномен абаевских строк, в чём их «тайна»? Как мы говорили выше, конечно, она – в его Слове. Абай велик, так как велико его слово. Поэтому Абай – неиссякаемый и вечный источник духовности казахского народа.

В трудах Абая величайшей ценностью на земле является человек и его деяния.

Выработанная Абаем концепция полноценного человека носит мотивированный характер. По его мнению, человек должен утвердиться духовно и быть непреклонным, слушать советы умных людей со вниманием и открытым сердцем, с готовностью и желанием уяснить смысл сказанного, вдумчиво, неоднократно повторять про себя эти слова и закреплять их в памяти, должен избегать вредных свойств ума, беспечности, равнодушия, склонности беспричинному веселью, тяге к мрачным раздумьям и губительным страстям.

Таким образом, подытоживая мысли о концепции полноценной личности Абая, мы солидарны с мнением казахского учёного К.Кенжегалиева о том, что «по своей значимости всё творчество и «Слова назидания» Абая Кунанбаева стоят вровень с такими произведениями классической философско-педагогической мысли, как «Эмиль, или о воспитании» Ж.Ж.Руссо, «Воспитание джентльмена» Дж.Локка, «Великая дидактика» Я.А.Коменского, «Педагогическая поэма» А.С.Макаренко, «Труд в его психическом и воспитательном значениях» К.Д.Ушинского. Всё это дает нам право сказать, что Абай – мыслитель планетарного масштаба, в творчестве которого разрабатывались не только вопросы литературно-художественного характера, но и проблемы философии, эстетики, этики, социологии, педагогики, психологии, нравственности, морали и т.д.

МИХАИЛ САЛЬМАН

Я в Баку

– Разбуди ты меня, разбуди, –
Говорю я будильнику строго...
Я знакомо сверну с Видади[1],
Дальше –
к морю прямая дорога.
Ну, а там –
мой любимый рассвет,
Загорается небо Востока.
И стоит постаревший поэт,
Вытирая слезливое око...

Азербайджану

Впадаю в Каспий, как Кура,
Теку сквозь горы и долины,
Сквозь все дожди, сквозь все ветра,
Где я и Каспий – суть едины.
Где Гобустана сух пейзаж,
И влажен воздух Карабаха,
Где детство, Шихово и пляж,
И век – до горестей и страха.
Где мать вручает мне арбуз
И хлеба свежего краюху...
Как убежать от этих уз,
Что телу так родны и духу,
Как кровью всей туда не течь,
Туда, где Каспия буруны?..
Я счастлив тем, что смог сберечь
В душе чувствительные струны,
Что нет на свете ближе слов:
Баку, земля Азербайджана...
А чтоб без пафоса –
и плов,
С добавкой чуточки шафрана.

****

Мне быть педантом не дано,
Когда касается реалий,
Загадывать вперед смешно,
От нас сокрыты близи, дали.
Блеснет ли молнией гроза,
Иль солнца луч ударит сверху,
Но неготовым быть нельзя –
Ни к тьме вокруг, ни к фейерверку...

[1] *Одна из центральных улиц Баку.*

История

О, как опасен прохиндей,
Строчащий новую доктрину...
Вопя о равенстве людей,
Он в мир подкладывает мину,
Что в тот ли день, или иной,
Но – бунтом, взрывом обернется,
И властью новою шальной
Безумца некого, уродца...

Бог – человеку

1

Тебе долго ходить по пустыне,
Утопая в зыбучем песке,
Прежде чем я скажу мое: Сыне!
Отпускаю, иди налегке.
Но пока не прошел ты экзамен,
Под палящим светилом бродя...
Потому я и плачу слезами,
А ты думаешь: капли дождя.

2

О, ты, рожденный для скорбей
И Богом изгнанный из рая,
Завет великий «Не убей!»
Зачем живешь, не исполняя?..
И убиваешь неспеша
Посредством слова или действа.
И больно мечется душа
В густых потемках фарисейства...

****

«Ты не увидишь Тадж Махал,
Ты не увидишь Каджурахо...» –
Журавль крылом мне помахал,
И грусть была в абрисе маха.
Не то, что б он со мной грустил
И понимал о безнадёге...
Но эту мысль я допустил,
Не крылья ощутив, а ноги...

Моя ночь

До самого пения птиц,
Точнее сказать, – до рассвета,
Совсем не смыкая зениц,
Я про́жил в режиме поэта.
Я слышал дыхание почв,
Небесные гулы и шумы,
И слово являлось всю ночь,
А с ним и «былое и думы»...

***

От правды ложь не отличая,
Уже меж ними не мечусь,
И никого не обличая,
Жить потихонечку учусь.
А если скажут: поздновато,
Скупое «да» я оброню –
В том время наше виновато,
Что было лживо на корню...

Легко о прошлом

Ча-ча-ча и буги-вуги,
Танго, диско и фокстрот...
Были мы свежи, упруги,
И зубов был полон рот.
Пили чачу – не мартини,
Вместо «Кэмела» –
«Казбек».
Было небо сине-сине
И вкуснее первый снег.
Были девочки добрее,
И любили –
за стихи...

Было бедному еврею
Чем оплачивать грехи...

***

Закатом дышит грусть аллеек,
Лучи всё глуше – сквозь листву,
И тень остывшая скамеек...
Как хорошо, что я живу.
Вкушаю дней – кожурку, мякоть,
Ну, в общем, что ни подадут...
Но вдруг захочется заплакать
От мысли, что не вечен тут...

***

Уже берусь я за стихи
Без вдохновенья и полета –
На свете большей чепухи
Нет, чем поэтова работа.
Вот написал, друзья, –
и что?..
Что изменилось в мире этом?
Никто светлей не стал, никто
От сотворенного поэтом...

***

Шар земной не сорвется с орбиты,
Реки, нет, не прольются вспять,
И не встанет из ямы убитый,
Сколько сил на него ни трать.
Все случайное – закономерно,
Эта истина так проста,
Как и то, что страдание верно,
Если верить судьбе Христа...

***

Целый день, целый день напролет
На природу какая-то тяга,
Сам не знаю, что это зовет,
Будто я забубённый бродяга.
Стены дома зачем-то тесны,
Агрессивно пространство углами...
Старику не хватает весны –
Только это, друзья, между нами...

На Волге

Ни молодой, ни старый Рерих,
Не позовут меня в Тибет,
Люблю реки пологий берег,
И барж ленивый силуэт.
Гудки без эха над простором
Вдаль уплывающих судов,
Где только облака́ декором,
И запах трав густ и медов...

***

Бывает так – все нет и нет
Ни слов, ни рифм кудрявых,
И ты совсем, совсем как швед,
Разбитый под Полтавой.
Куда бежать –
не от себя ж,
Дороги перекрыты.
Нет куража и сгинул раж,
Не в теме Айболиты...
И не оправиться от ран,
Как будто пал на сече,
Но –
вдруг ударит, как таран,
Толкнет тебя в подплечье:
И ты, воскреснув, оживясь,
Помчишь вовсю галопом
Туда, где строф и мыслей вязь,
По стихотворным тропам[1]**...**

[1] *Троп – одно из средств поэтического языка.*

НАТИК МАМЕДЛИ

Р А С С К А З Ы

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

День убийства Мольера

Я увидел там похороны культуры.

Он довольно долго не мог поверить в ответ, полученный от главного режиссера театра. Телефонный разговор оказался очень кратким; вопреки ожиданиям, не было надобности как-то обстоятельно себя представлять, говорить какие-то приятные слова. Как только режиссер услышал, что он молодой драматург, завершивший свою первую пьесу, тут же обрадованно посоветовал срочно принести произведение в театр и предъявить Худсовету. Молодой автор даже подумать не мог, что дела пойдут настолько быстро. Неужели без всяких рекомендаций, будучи чуть ли не человеком с улицы можно получить одним телефонным звонком согласие главного режиссера самого знаменитого театра страны? Неужели он столь близок к осуществлению своей цели, о которой приходилось только мечтать? Он принялся упрекать себя за то, что месяцами хранил в долгом ящике давно дописанную пьесу. Всё началось с интервью режиссера газете; листая газету, он очень рассердился на писателя, который опубликовал на всю газетную полосу бородатые анекдоты, преподнося их как свежие свои рассказы, но интервью режиссера на следующей полосе под заголовком «Мы в поисках молодых талантов» обрадовало его и подарило надежду. Прославленный режиссер, который в то же время являлся худруком знаменитого театра страны, говорил, что они находятся в поисках молодых авторов, и что даже подготовили стратегический план с целью выявления новых талантов, и неоднократно повторял, что двери священного храма искусства открыты для всех подающих надежды литераторов. Молодой писатель был на седьмом небе от счастья, после положительного ответа в его ушах шумели пламенные аплодисменты зрителей прошедшей с аншлагом премьеры, он даже встал перед разбитым зеркалом в своей комнатушке и отвесил несколько поклонов. Некогда видимые лишь ему одному туманные мечты превратились теперь в порхающих в чистом небе ласточек, возвещающих приближение весны.

Больше собственного интервью режиссеру понравились рассказы неизвестного ему доселе автора в представлении именитого критика, известного своей принципиальностью и графоманией. Ему казалось, что он всё это уже читал, уже слышал, но главным было не содержание текстов, но само представление критика. Профессиональное чутье диктовало ему, что здесь что-то есть. Да и во вступительной заметке он так и написал: «…в этих рассказах – плодах таланта и бессонных ночей – что-то есть…» Но что?

Их встреча состоялась без проволочек, журналист, взявший интервью у режиссера, тут же отыскал номер телефона писателя, а писатель примчался в театр, будто только и делал, что ждал этого звонка. Беседа между литераторами и представителями сцены обычно проходит напряженно. Когда в беседе наступает момент выяснения того, что возникло раньше – литература или театр, то есть курица или

яйцо – лучше будет если одна из сторон проявит благородство и отступит назад, в противном случае беды не миновать. Но беседа режиссера с писателем заладилась с самого начала, встреча сопровождалась взаимными комплиментами, и потому обоим казалось, что они уже встречались прежде, но только вот вспомнить, когда это случилось, не могли.

– Честно говоря, я не знаю, почему пишу, – скромничал писатель, – порой мне кажется, что всё это уже давным-давно кем-то написано, а я всего лишь переписываю этот текст.

– Удивительно, – промолвил с изумлением режиссер. По мере того, как говорил писатель, он ощущал себя не главным режиссером крупного театра, а журналистом, вымолившим у Фолкнера после долгих отнекиваний согласие на данное наспех интервью, и, кажется, был доволен этим своим положением. – И вправду, такое случается, не знаешь, зачем и почему, но всё-таки пишешь.

– Да, вот и у меня всё так, я никогда не обращал внимания на то, что пишу. Я мыслю в процессе письма. Дома у меня целый сундук текстов, но до сих пор нет изданной книги. В конце концов наш уважаемый критик меня уломал: «Отбрось свои комплексы, ты нужен литературе». Да, так и заявил. И вот уже в этом году готовят к печати три мои книги – два сборника повестей и один – рассказов. А в следующем году выйдут два моих романа. А еще через год…

– Вы работаете и в крупном жанре? – на сей раз режиссер прикинулся восхищенным пионером, задающим вопрос самому Шолохову.

– Я не думаю о жанре, я просто пишу, пусть критики навешивают ярлыки. Предисловия ко всем моим книгам уже готовы.

– Вот, оказывается, как…

– Конечно, после того, как книги выйдут, появятся еще отклики. Затем мы соберем все эти отклики и рецензии в отдельный сборник. Короче говоря, планов у меня хоть отбавляй. Вот в такую именно минуту вы и набрали мой номер. Честно говоря, я и не ждал, что так скоро привлеку к себе внимание.

– Я не мог вас не искать. Знаете, талант…

– Да, да, именно талант. Я не могу выразить этого словами. Знаете, критик говорит, в моих текстах что-то есть…

– Совершенно верно! – на сей раз режиссер собрал всё свое театральное мастерство и встал с места, профессиональное чутье подсказывало: если сейчас он не произнесет ошеломляющий монолог, то цель упущена. – Что-то есть! А мы именно это и ищем. Нам именно это «что-то» и требуется. У вас неповторимый стиль, ваши тексты обладают как сакральным, так и мифологическим пластом. Слова, которые вы употребляете, многоплановы, полифоническая манера ощущается с первых же фраз ваших рассказов. Я при первом же прочтении смог уловить драматургическую линию ваших рассказов, скажу прямо, я не могу читать такие произведения без внутреннего трепета. Правда, вы глубоко прорабатываете идею, но находите такие простые решения сложнейших конфликтов, что это просто поразительно. Я чувствую в ваших произведениях театральное настроение, нельзя держать их взаперти, под книжной обложкой, надо выпустить их на сцену…

Когда режиссер встал с места, писатель подумал, что беседа затянулась и пора уходить, но, оказывается, всё только начиналось. Под неожиданным ударом монолога ему поначалу показалось, что в него ударила молния, ему даже захотелось кинуться бежать. Затем, поняв, что речь идет именно о нем, он понемногу взял себя в руки и оперся подбородком на руку. В такой позе он и вправду походил на писателя, и именно в этой позе его фотография должна была украсить обложки предстоящих книг. Тон голоса режиссера, сопровождаясь убедительной мимикой, становился всё резче и внушительней, и с каждым витком в молодом авторе крепла вера, что он действительно писатель, а под конец монолога эта вера стала незыблемой.

– … у вас глубокая идея, а конфликт разработан так мастерски, что грех оставлять его в одном формате рассказа. Вы меня понимаете? – наконец раскрасневшийся режиссер закончил свой монолог и сел. В последний раз он был таким раскрасневшимся на защите дипломной работы, в качестве темы для которой был выбран монолог Гамлета.

– Понимаю…, – промямлил писатель. Он думал, что сказать, как быть, чтобы выйти из этой малопонятной ситуации, – то есть, вы хотите сказать, что прямо-таки…

– Конечно, прямо-таки.

– А это как – прямо так?

– А как вы хотите?

– Прямо так?

– Конечно?

– То есть?..

– Давайте поставим ваше произведение.

– А, вот вы о чем…

– Ну да.

– Давай тогда говорить прямо.

– Я тоже люблю прямой разговор.

– Ну, раз любишь, – так и говори, дорогой, а то начал… Я было уже подумал, ты репетируешь.

– Нет, что вы.

– Не обижайся, эти артисты ведь немного того… Не обиделся, дорогой?

– Нет-нет, извольте.

– Так и скажи, хотим показать театр… Ладно, как ты собираешься это делать? Разве из рассказа можно театр сделать?

– Почему нет, я из таких вещей театр делал, что…

Дополнительный художественный материал для предстоящего спектакля не понадобился, было решено начать работу на основе напечатанных в газете рассказов. Все творческие вопросы режиссер взял на себя, а писатель сказал, что будет время от времени наведываться на репетиции и поправлять диалоги. Творческий процесс начался невероятно бурно, почти всем знаменитым актерам страны достались роли. Сцена должна была поражать своим необычным оформлением: на заднем фоне от начала представления и до самого конца должно было крутиться без посторонней помощи гигантское колесо, предназначение которого оставалось неясным; слева должны были возвышаться символизирующие непрерывной ход времени куранты величиной с кремлевские, но только отсчитывающие время обратно; по мере смены действий герои должны были менять современную одежду на древние облачения; по специальному заказу был закуплен сухой лед для усиления дымовой завесы, которая несколько раз должна была окутывать сцену; было решено воспользоваться помощью каскадеров, когда в кульминационный момент героям предстояло взмыть над сценой. Режиссер применил гениальную находку в оформлении массовки: тринадцать актеров – по числу написанных писателем рассказов – должны были словно призраки выйти из зала на сцену. Режиссер сказал, что это называется интерактивным методом и убедил писателя, что данный метод применяется в истории отечественного театра впервые. Несмотря на официальный госзаказ, писатель покрыл все расходы на инсценировку из своего кармана, но один вопрос всё-таки не давал ему покоя.

– Разве так и ставят театр? – спросил он у режиссера на банкете, который дал всей труппе после главной репетиции. – Непростая у вас работа.

– Ну, как непростая, знаете, будь меценатство, культура задышала бы полной грудью, – сказал режиссер.

– Будь что?

– То есть нужна, так сказать, поддержка…

– Понимаю, я всё прекрасно понимаю, но должен снова спросить, неужели у этого спектакля найдутся зрители?

– Ну что вы, что вы? Конечно, найдутся, вот увидите, будет аншлаг, то есть, придет много людей. По поводу зрителей можете не беспокоиться.

– Только об этом я и беспокоился.

– Очень напрасно, у нашего театра нет такой проблемы, сами увидите.

Премьеру назначили на 17-е февраля. Афиши расклеили в двух местах: возле служебного входа, через который проходили сотрудники, и у основного входа, предназначенного для зрителей. Писатель жаловался, что этого мало, но режиссер снова его успокоил и посоветовал особо не нервничать. «Я же говорил, что будет аншлаг, значит, будет, не переживай», – сказал он.

Осенью прошлого года молодому писателю по меньшей мере раз в неделю приходилось наведываться в театр за решением Худсовета. Связаться с главным режиссером, после первого звонка сменившем номер, оказалось крайне затруднительно. Писателю не оставалось ничего иного, кроме общения с театральным сторожем. Ему он и вручил свое произведение, точнее, ему велели оставить папку у охранника и у охранника же узнать о результате. Охранником был низкорослый старик с поредевшими волосами и глазами как щелки. Каждый раз при виде молодого парня он говорил одно из двух: «в театре серьезная репетиция» либо «труппа готовится к гастролям», и советовал прийти в следующий раз. Старик говорил «нет» таким образом, что оно вовсе не походило на отказ, и именно скрытая в этом ответе надежда побуждала писателя снова и снова на протяжении долгих месяцев приходить в театр. За это время он просмотрел все вошедшие в репертуар вещи уже покойных или зарубежных драматургов. Каждый раз после спектакля его мучил вопрос, который он наконец-таки решился задать старику:

– Почему в наших театрах всегда ставят уже умерших писателей?

– Видимо, потому, что никто из живых театру не интересен, – ответил шутливо старик.

Наконец в один из холодных февральских дней старик сощурил и без того узкие глаза и сказал: «День, которого ты так ждал, настал. 17-го числа премьера произведения живого писателя, отличная комедия, отзыв Худсовета можешь забрать после спектакля».

Молодой человек еще не видел в театре такого столпотворения: зал был набит битком, яблоку негде было упасть, даже в ложах поставили дополнительные стулья. Кассирша, всегда встречающая его с улыбкой как редкого завсегдатая, на этот раз сожалела, что все лучшие места раскуплены заранее. Ему еле-еле удалось отыскать себе местечко в последнем ряду третьего яруса амфитеатра. За всё это время он так пригрелся в театре, что узнавал обычно всех зрителей в лицо. Порой он думал, что зрители этого города, как и актеры, в большинстве случаев бессменны.

Например, в Азербайджанский академический театр ходят мужчины в костюмах и в галстуках и женщины с беспокойными лицами, в Русский драматический – немногочисленные мужчины в поношеных джинсах и непременно целующиеся друг с другом пожилые женщины с маленькими желтыми и белыми букетиками в руках. Учеников средних классов, недавно познакомившихся влюбленных, курсантов военных школ зачастую можно было увидеть либо в театре юного зрителя, либо в музкомедии. Кроме студентов Университета Искусств, толпами стекающихся во все театры и обла-

дающих правом проходить без билета, с каждым отдельно взятым зрителем он сталкивался только в каждом отдельно взятом театре. Словно даже у пустующих в зале мест имелись свои призрачные владельцы, и театры поделили между собой зрителей на основе «джентльменского соглашения», чтобы никто не остался в обиде. И все беспрекословно соблюдали это неписаное соглашение, над которым не было властно даже само время. Но на сей раз сложилась совершенно иная картина, он без устали всматривался в лица мужчин в костюмах и беспокойных женщин, но ни одного знакомого лица так и не увидел. Видимо, проведав, что впервые ставится вещь живого драматурга, люди решили не упускать такого шанса.

Кроме него, все зрители в последнем ряду третьего яруса были в очках с толстыми стеклами. Вообще количество людей в очках было столь велико, что, казалось, сегодня покажут не спектакль, а фильм в формате 3D. Как обычно, третий звонок прозвенел на полчаса позже, поднялся занавес и о, Боже… Все выглядело таким ярким и величественным, перед глазами открывался ослепительный вид, напоминающий какой-то гигантский мегаполис; на заднем фоне беспрестанно крутилось чертово колесо, а старые кремлевские куранты отсчитывали время назад – поначалу он воспринял это как олицетворение современности и историзма, но вскоре понял, что всё это не более, чем мишура. Актеры играли как следует, как только на сцене появлялись признанные мастера комедии, от хохота зрителей закладывало уши. По правде говоря, артисты ничего особенного не произносили, точнее, сами не знали, что говорят, для компоновки бессистемных, несвязных диалогов над сценой порхали каскадеры, проделывая всевозможные опасные трюки, внезапно из зала на сцену выпрыгивали обернутые в саван люди, кувыркались по сцене, время от времени спускались в зал и щекотали зрителей. Когда в центре сцены встал серьезной внешности актер, прославившийся пафосными ролями, молодому человеку подумалось, что он наконец-таки услышит сокрушительный монолог, призванный разъяснить всё это сумасбродство. Но серьезной внешности актер устремил вдаль свои глаза под густыми бровями, выждал паузу, пикнул и ушел. Зрители смеялись до слез, будто того и ждали, раскаты смеха отдавались в голове молодого человека страшным гулом. Он прочел немало книг о театре, вызубрил теорию драматургии, как таблицу умножения, просмотрел сотни спектаклей и точно знал: действие на сцене должно вызывать либо смех, либо слезы, или же должно заставить задуматься. Однако он не испытывал ни одного из этих чувств.

Пару лет назад, смотря «Короля Лира» в этом же театре, он столкнулся с почти такой же неразберихой, а после представления узнал, что проблема вовсе не в нем. Когда король выкрикнул слова о том, что младшая дочь недостойна его любви, пожилые мужчины в первом ряду покатились со смеху. Затем эти же мужчины до упаду смеялись вплоть до финала трагедии, не обращая никакого внимания на неоднократные просьбы контролерш. Только во время антракта из разговоров девушек-контролерш он понял, что в этот день спектакль ставился для жителей дома престарелых. «Им сказали, что ведут их на комедию, потому они и смеются, что бы там ни показывали», – сказала одна из контролерш. Сейчас он столкнулся со схожей ситуацией, на сей раз действительно давали комедию, но почему смеялись все, кроме него?

Трехчасовое мучение подошло к концу, и творческий состав стал по двое, по трое выходить на сцену; артисты кланялись под продолжительные аплодисменты и в конце образовали на сцене треугольник; появившийся из непроглядного мрака главный режиссер прошагал прямо до центра треугольника, и в этот момент люди стали хлопать еще оглушительней. Все выглядели крайне счастливыми. Режиссер поклонился несколько раз, затем протянул руку в сторону зала, настойчиво приглашая

кого-то выйти на сцену. Но этот «кто-то» либо не понимал происходящего, либо проявлял невиданную скромность. Однако по мановению режиссерской руки двое молодых артистов, стоявших до этого, как солдаты, навытяжку, побежали в зал, взяли под руки сидящего то ли в шестом, то ли в седьмом ряду низкорослого мужчину средних лет и потащили на сцену. Сидящий в последнем ряду третьего яруса молодой литератор с трудом, но всё-таки узнал живого автора, стоящего теперь в обнимку с режиссером.

Это был тот самый человек, заполнивший осенью прошлого года своими рассказами целую полосу в газете, где также шло интервью режиссера. В ту пору молодой автор разозлился на критика-графомана, представившего этот набор слов в качестве рассказов, но потерянную было надежду он отыскал в мыслях режиссера, ищущего молодые таланты. Теперь, видя в обнимку этих двоих, он подумал лишь об одном: «если это и есть живой писатель, то я давно уже мертв…»

– Это театр?..

– Хорошо, что это театр, жизнь гораздо хуже.

Он не ожидал от старого сторожа такого ответа на свой вопрос, который невольно сорвался с губ у порога служебного входа.

– Почему у нас всё так странно? – снова невольно сорвался вопрос.

– Знаешь, что странно? – промолвил старик и добавил: – Жизнь продолжается. Нельзя падать духом, будь стойким. Взять вот меня, тридцать лет назад я бросил курить, а сорок лет назад – писать.

– Вы писали?

– Еще как…

– Почему же бросили?

– Скоро ты сам всё поймешь. Знаешь, есть сотни причин для того, чтобы писать, но вот бросают это дело одинаково – тьфу, и дело с концом.

Старик не спешил передавать парню лежащую на столе бумагу. Ему хотелось рассказать пару театральных баек, пошутить, чтобы подготовить молодого человека к ответу Худсовета, но не вышло. Он мог бы проговорить с молодым человеком обо всём на свете хоть до самого утра, но февральский мороз отсекал всякую романтику.

– Сегодняшний спектакль ставился для членов общества слепых, – сказал старик, – раз ты слеп, остается только хлопать в ладоши. Знаешь, слепые аплодируют громче зрячих, чтобы никто не догадался об их увечности.

Парню больше не хотелось о чем-либо спрашивать, говорить ради чего-то. В эту февральскую ночь он в одиночестве постиг истину, которую никогда не решится озвучить – быть мертвым здесь лучше, чем живым…

Не поднимая головы, он оставил театр позади и вышел на улицу.

– Какого драматурга ты больше любишь? – казалось, старик старается досказать самые действенные слова утешения.

– Мольера, – послышался голос из тьмы.

– Какое совпадение! Сегодня день смерти Мольера.

– Нет, сегодня день убийства Мольера… У всех на глазах, под оглушительные аплодисменты слепых, – сказал голос и растворился во тьме.

Май, 2018

Потерянная голова

Весть о том, что возле прибрежной полосы, там, где сточные воды города вливаются в море, найдена отрезанная человеческая голова, обрадовала меня, словно путешественника, который после долгих мытарств наконец-таки отыскал в пустыне воду. Я уже готовился вскинуться с места и выкрикнуть «ура», но шеф меня опередил; по блеску в его глазах, под которыми проступали мешки от привычки дремать днем, я понял, что он тоже в курсе дела и радуется не меньше моего.

– Слыхал…

– Да, да, – отвечал я, торопливо собирая сумку, точнее, мы не говорили, а просто издавали отрывистые звуки. Мы долгие годы проработали бок о бок, и это сформировало у нас интересные профессиональные привычки, среди них мне больше нравилось понимание друг друга с полуслова.

– Ты же знаешь…

– Да, да…

– Надо хорошенько копнуть, поглубже…

– О´кей, о´кей.

– Успеешь?

– Йес, йес!

– Ну, давай!

– Давай-давай! – с заданием всё было ясно, не теряя времени я должен был первым успеть на место происшествия. Невероятно… отрезали человеческую голову… настоящую человеческую голову… Йес! Этот односложное восклицание вырвалось не у меня, а у шефа, и он вложил в это словцо яростную страсть футболиста, которому удалось на последней минуте второго тайма наконец-таки открыть счет.

Я никого не увидел на месте происшествия, и меня охватил озноб: «О, Господи, неужели я опоздал?». Я весь просиял от радости, когда спустя некоторое время увидел, как устало плетется ко мне давно знакомый участковый.

– Где голова? – вымолвил я, и сам испугался своего голоса.

– Здорово, – участковый поздоровался так уверенно и размеренно, будто тут убийством и в помине не пахло.

– Голова!

– Увезли…

– Куда?

- В столовую… Да в морг, куда ж еще!

- Из наших кто-нибудь был?

– Нет, ты подоспел первым.

– Отлично! – не теряя ни минуты, надо было мчаться в морг, но…

– Погоди-погоди, как это «отлично»? Тут человеку голову отрезали, а ты говоришь «отлично»? Мне ваша профессия совсем не нравится, вы деньги на проблемах людей зарабатываете, а потом на эти деньги своим детям хлеб покупаете…

– Ну ладно, ладно, не задерживай меня…

– Но, между нами говоря, шикарная была голова, – сказал мечтательно участковый, а я, услышав эти слова, застыл, как вкопанный.

– Да ты что, ты ее видел своими глазами?

– Своими, своими. И своими же руками опустил ее в мешок…

– И какая она была?

– Да ты натуральный маньяк!

– Ради Бога, опиши… умоляю… что в ней было шикарного?

– Вот я влип… Не похожа была эта голова на голову нашего брата, по крайней мере, такова моя версия. Она напоминала, как бы это сказать, голову Маркса. Ну ты же знаешь Маркса? Что еще добавить, очень умные глаза, правда, глаза мертвеца, но ведь не у каждого мертвеца такие глаза? На лбу четыре глубокие продольные морщины, наверное, человек мыслящий, начитанный… Погоди, ты чего? – пока участковый рассказывал, я успел достать блокнот и сделать заметки. Он так живо всё это описывал, что отрезанная голова встала перед моими глазами во всех подробностях.

– Делаю заметки…

– Какие еще заметки?!

– Дам от твоего имени…

– Ты чего это ерунду несешь? У меня семья, дети, братец, не создавай мне проблем! Знаешь что, давай уходи отсюда, на место преступления заходить нельзя! Отойди!

– А что тут такого, я имею право получить информацию.

– А у меня есть право на молчание, иди дожидайся официального заявления.

По сути, я собрал достаточно информации на начальном этапе, вместо фотографии в крайнем случае можно дать голову Маркса, обработанную в фотошопе. Я помчался в морг. В спину мне несся смешанный с удушающей морской влажностью голос участкового: «Эй, будь мужчиной, ничего не пиши от моего имени… не создавай мне проблем… будь мужчиной…»

Однако я был журналистом. После двухмесячной летней «засухи» августовская новость об отрезанной голове станет исключительным событием на первых полосах СМИ. Если мы приложим усилия и, как выражается шеф, хорошенько «копнем» вокруг да около этой новости, и взорвем все рейтинги, то вне всяких сомнений рекламодатели выберут именно нас для продвижения собственной продукции. В газету, которая лучше других «раскопает» новость об отрезанной человеческой голове, потечет как из рога изобилия самая разная реклама – от женского белья и мужских носков до детских памперсов и сортов жвачек. После смерти старика, продававшего семечки в кульках из газетных страниц, и закрытия последней пивной, подающей клиентам отварной горох в сложенных из таких же страниц треуголках, наш шеф тоже откликнулся на требования текущего времени и сменил бумажный формат на электронный. Теперь мы работали на сайте; это оказалось удобнее, мы строчили новости в автобусе, метро, по дороге, одним словом, где придется, и в ту же минуту размещали на сайте, обходясь без дополнительных расходов. Сведения, полученные от участкового, я по пути в морг второпях набросал в автобусной давке и отправил шефу, а спустя четыре минуты на телефон пришло сообщение «надо быть мужчиной!». Это был участковый, значит, шеф с молниеносной скоростью разместил материал на сайте, и я уже успел получить первый читательский отзыв.

Перед моргом яблоку негде было упасть, одни вывозили трупы, другие привозили. Мне не встретилось ни одного знакомого лица, судя по разговорам присутствующих, тут не было ни одного моего коллеги, мне и на сей раз удалось оказаться первым. Я подошел к стоящему на пороге и оглядывающему собравшихся напряженным взглядом контролеру.

– Что слышно о голове?

– Какой еще голове?!

– Человеческой.

– Ты чего, сумасшедший?

– Нет, я журналист.

– А, всё ясно… та самая голова…

– Да-да, та самая…

– Ты уже сам всё написал, это мужская голова.

– Ты сам видел?

– Я своими руками положил ее в холодильник.

– А дальше?

– А дальше она привет передавала.

– Что?

– Да отстань ты наконец, чего прилепился как банный лист.

– Дайте информацию.

– Губа не дура! Пускай хоть сначала за ней придут близкие… Ладно, раз уж пришел… Отрезана очень аккуратно. Настолько аккуратно, что мне кажется, ее хозяин не успел даже спохватиться. У головы мутно-голубые запавшие глаза, устремленные куда-то вдаль. На лбу четыре продольные морщины, она больше похожа не на Маркса, а на Энгельса – борода слишком густая.

– Какова предварительная версия?

– Какая еще версия?

– Почему ее отрезали? Где тело?

– Мне кажется, ее отрезали потому, что она была чересчур умной. Да, это моя версия. Что касается тела, кому нужно тело без головы?

– Как тебя зовут?

– Зачем тебе?

– Дам информацию от твоего имени.

– Что?! Ты всё это время новости строчил? Вот я влип! Слушай, если дашь что-нибудь от моего имени, я сознаваться не стану. Я тебя вообще не видел. Ну и ну, какие всё-таки эти журналисты проныры.

«Учти, я ничего не говорил!», – возмущенный голос охранника преследовал меня до тех пор, пока я не затерялся в собравшейся перед моргом толпе. Но было уже поздно, диктофон в моем нагрудном кармане работал исправно, и я, даже не прослушав, отправил шефу на имэйл запись разговора. Примерно через семь минут послышится оглушающий вопль охранника: «Какие эти журналисты проныры!».

Придя в редакцию, я услышал, что фирмы, продающие киндер-сюрпризы и зубные пасты, срочно затребовали наш прайс-лист и попросили выделить им место для размещения рекламы. В офисе всё бурлило и кипело, прервав заслуженный отдых, на работу вышли даже находящиеся в отпуске сотрудники. Меня встретили как настоящего героя. Шеф стиснул меня в объятиях, не переставая кричать «йес, йес!», и я решил, что новость об отрезанной голове прочитана около миллиона раз, но, оказывается, я ошибался, число читателей давно перевалило за миллион.

– Наверно, сами знаете... – громко сказал шеф, обращаясь к сотрудникам.

– Да, да... – чуть приподняв головы, откликнулись наши сотрудники, с молниеносной скоростью щелкающие по клавиатуре компьютеров.

– Надо хорошенько раскопать вокруг да около…

– О´кей, о´кей.

– Всесторонне, так сказать…

– Йес, йес!

– Ну, давайте!

– Ладно, ладно!

В ходе этой мимолетной летучки каждый получил необходимый для себя сигнал, и все, не теряя драгоценного времени, погрузились в работу. Каждый должен был максимально глубоко, как можно глубже копнуть новость со своей стороны. Ребята из международного отдела связались с пресс-секретарем террористов с Ближнего Востока, сделавших себе имя по части обезглавливания. Ребята надеялись, что обезглавливание – монополия этой террористической группировки, и, возможно, по этой причине группировка возьмет на себя ответственность за преступление.

Однако версия себя не оправдала. Пресс-секретарь головорезов близко ознакомился с параметрами головы, уточнил кое-какие технические показатели, а затем высказался коротко и решительно: «Голова отрезана очень аккуратно, мы покамест не располагаем такой техникой». Мы решили, что опровержение – тоже новость, и разместили материал на странице, и таким образом включили бесхозную голову в международный контекст.

Наши сотрудники из гуманитарного отдела включили свою креативность и решили отыскать владельца головы. Естественно, они руководствовались в поисках своими креативными методами. Они подготовили опрос на тему: «Разве никому не нужна умная голова?». Научные организации ответили отказом, а одна клиника заявила, что ищет донорскую печень. Шеф поначалу удивился этому странному опросу, но огорчать ребят не стал, креативности ради мы разместили на сайте и этот материал.

Задержка официального заявления, как всегда, развязала нам языки и руки, каждый продолжал вносить свою лепту в глубокую и всестороннюю раскопку новости. Наши репортеры, прервавшие свои отпуска и вышедшие на работу, делали опросы на всех главных улицах города. Охваченные ужасом простые граждане требовали скорейшей поимки и наказания головорезов, просили Всевышнего смилостивиться над лишенным головы телом. Дела портили сайты конкурентов, все эксклюзивные материалы выходили у нас, а они перепечатывали наши тексты без ссылок на первоисточник, выдавая за своё, короче говоря, имитировали, как только можно. Один из сайтов, наступающий нам на пятки в гонке за новостями, ссылаясь на компетентный источник, пожелавший остаться неизвестным, подтверждал, что голова действительно представляет собой мужскую голову с густой бородой и четырьмя продольными морщинами на лбу, но подчеркивал, что она лысая, а чуть спустя этот самый сайт, и вовсе растеряв стыд и срам, дал информацию о том, что она напоминает голову Ленина. Мы не стали опускаться на их уровень и спорить с ними, вместо этого шеф выступил с экстренной колонкой. Вот это да! Признаюсь, что я фанат его пера, одной мелкой деталью он создает такие мощные публицистические эффекты… Одним словом, шеф своим пером творит чудеса. Так вышло и на сей раз, шеф обратился к коллегам и упрекнул их в том, что они делают шоу из людской трагедии, гонятся за рейтингом, он призвал всех соблюдать этические нормы, передавать сбалансированную, точную, правдивую, честную информацию.

После появления колонки шефа наши сотрудники из гуманитарного отдела отыскали где-то парапсихолога и устроили с ним прямой эфир с нашей странички в социальной сети. Парапсихолог завел речь об истории обезглавливания как меры наказания, схожих и отличительных чертах восточной плахи и западной гильотины. Оказывается, отсечение головы по сравнению с сожжением на костре более гуманное наказание. Затем он направил внимание на то, с какой аккуратностью была отсечена голова, и принялся уверять, что такое мастерство говорит об изысканности палача. Парапсихолог в течение битого часа говорил столь хорошие слова о «щадящей» природе этой меры наказания, что так и хотелось склонить покорно голову на плаху.

Под вечер наш технический директор подскочил, как ужаленный, и принялся кричать; крепко стиснув кулаки, он несколько раз проорал «йес! йес!», пока не проступили вены и артерии на его шее и горле. Посещаемость сайта достигла десяти миллионов! В столпотворении поздравляющих друг друга сотрудников мой взгляд выхватил лицо шефа, мне показалось, что он плачет. А весть о том, что рекламу только-только входящих на рынок памперсов с крылышками дадут нам, только подлила масла в огонь, так что радости нашей не было предела. Наконец-то! Это – пик рейтинга: в августовскую жару, когда ровным счетом ничего не случается, а случающееся обычно представляет собой не более, чем сухие, серые новостные сводки, нам удалось сорвать пальму первенства!

До самого конца лета шумиха, поднятая отрезанной головой, оставалась основной темой СМИ. Мы занимались раскопкой гигиеническо-эстетических, религиозно-нравственных аспектов обезглавливания. На форумах шли яростные споры, все только и делали, что обсуждали наши новости. Не спадала читательская заинтересованность, наоборот, по прошествии времени она превращалась в какую-то дикую страсть и вдохновляла нас на выдумывание всё более немыслимых вариаций. Порой мне казалось, что эту голубоглазую, бородатую гениальную голову с морщинами на лбу отрезал вовсе не палач, а сами обыватели, чтобы испытать прилив адреналина, вроде римлян, наслаждающихся боями гладиаторов. Мы прекрасно понимали, что публикация фотографии отсеченной головы не соответствует этическим принципам, но, тем не менее, на протяжении всего августа повторяли это, как минимум, дважды в день. «Этого хочет социум», – шеф отыскал хорошую формулу, призванную защитить нас от упреков представителей околовсяческих наук, считающих себя общественными активистами. По сути, всё так и обстояло: плохие новости – убийства, теракты, насилие, самоубийства – читались лучше, и потому наш нюх был натаскан именно на такие происшествия. Наши сердца обливались кровью при виде того, как катится в пропасть рейтинг, когда убийств и насилия становилось меньше, ведь мы выбивались из сил, чтобы он полз вверх. И именно в такую трудную пору была отрезана человеческая голова… В этом деле имелось два запутанных момента, играющих нам на руку: во-первых, никто до сих пор не предъявил прав на голову, а во-вторых, ничего не сообщалось о ходе следствия. Ходили одни только пугающие слухи со ссылками на источники, пожелавшие остаться неизвестными. Конечно, мы учитывали интересы общества и даже слухи подавали как новости. Стоило хоть ненамного передохнуть, как наши конкуренты тут же выхватили бы эстафету.

«В городе всё спокойно, никому голову не отрезали, это всего лишь слухи», – говорилось в лаконичном официальном заявлении, наконец-таки данном в последний день уходящего августа. Никто удивляться не стал, так как многолетний опыт научил нас: если официальное заявление задерживается, жди опровержения либо чего-то еще в этом роде. После этого мы пустили в ход традиционную тактику, то есть все, стараясь сбросить с себя ответственность, начали выяснять, какая газета первой опубликовала новость, однако первоисточник терялся в непроглядном тумане. Мы не стали возвращать деньги, полученные за рекламу киндер-сюрприза и памперсов с крылышками, да и требовать этого никто не стал.

Августовская засуха, впитавшая в себя летнюю жару, осталась позади, приближался новый газетный сезон, овеянный прохладным осенним дыханием. Весть о том, что поблизости гигантской приморской свалки найдено обезглавленное тело, обрадовала меня, как матроса, увидевшего сушу с мачты корабля, долгие месяцы блуждавшего в просторах океана. Я уже готовился вскинуться с места и выкрикнуть «ура», но шеф меня опередил:

– Слыхал…
– Да, да…
– Надо хорошенько копнуть, поглубже…
– О´кей, о´кей.
– Успеешь?
– Йес, йес!
– Ну, давай!
– Давай-давай!

ЛЕЙЛА АБДУЛЛАЕВА

ЛЮТФАЛИ АБДУЛЛАЕВ: СОЛНЕЧНОЕ ИСКУССТВО МУЗКОМЕДИИ

В июньском номере «Литературного Азербайджана» опубликованы публицистические очерки журналиста Ширина Манафова под названием «Актер и личность», посвященные Лютфали Абдуллаеву – вот уж кто был действительно «народным» артистом: его обожали все. Оригинальность концепции этого текста (по сути – это отрывки из неопубликованой книги) состоит в том, что, рассказывая о судьбе актера, автор определяет феномен его творчества как значительное явление не только в культуре, но в жизни общества в целом. Недаром вторым, не менее значимым и обаятельным персонажем книги выступает Азербайджанский театр музыкальной комедии. При этом их тесно переплетенные судьбы, вроде бы, абсолютно далекие от всякой политики, выступают зеркальным отражением истории национальной культуры.

Интригующе удачным представляется название первой главы: «Поколение прорыва», где автор очень живо, приводя множество фактов, описывает атмосферу 20-30-х годов прошлого века, когда по всей огромной стране созидалась культура нового типа (как тут не вспомнить слова Дмитрия Быкова о том, что советский проект был устремлен в будущее). «Ребята! Давайте в наши ряды! Мы построим новую жизнь!...» – именно под таким лозунгом, в частности, был организован так называемый «Агитт-театр» в Нухе (старое название Шеки), откуда родом Лютфали Абдуллаев. Организатор – Бахшали Ахундов, человек, глубоко осведомленный и просвещенный во многих областях. «Бахшали не был романтично влюбленным ни в театр, ни, тем более, в советскую власть. Но время дало ему шанс реализовать свою страсть, свою мечту – увидеть в азербайджанцах просвещенную нацию». Автор перечисляет имена многих выходцев из Нухи, будущих представителей азербайджанской интеллектуальной элиты, которые начинали свой путь именно под влиянием Агиттеатра. Что касается главного героя повествования, то именно Бахшали «столкнул» талантливого, музыкально одаренного подростка «в веселую пропасть актерства». В 1929 году пятнадцатилетний паренек без спросу покидает отчий дом и уезжает в Баку. И вот – два судьбоносных события: первое – встреча с Шамси Бадалбейли, дружба с которым перерастет в творческий тандем на всю жизнь, второе – открытие в 1938 году театра музкомедии, где один станет художественным руководителем, а второй – ведущим актером.

В чем же состоял феномен того грандиозного успеха Азербайджанского театра музкомедии, который автор определяет как уникальное явление в жизни общества? Почему именно этот, вроде бы, легкий жанр явился для азербайджанской интеллигенции своего рода «центром культурного инакомыслия»? Подобные вопросы заданы сразу – в цитатах видных представителей азербайджанской интеллигенции: «То, что московские критики называли ...национальным колоритом, на самом деле скрывало гораздо более значительное явление, чем фольклор» (академик Мирзаджанзаде); «Притягательная сила Музкомедии... была основана на стремлении сохранить, спасти национальную память о целом периоде в нашей истории...» (врач-психиатр Агабек Султанов); «Это был дом, в котором тысячам людей в гнетущей атмосфере сталинизма хотя бы три часа было легко и свободно» (киновед Тогрул Джуварлы).

Дальнейшее повествование, выстроенное по хронологическому принципу, является, по сути, раскрытием заявленных идей.

Итак, о какой национальной памяти идет речь? Очевидно, о той самой традиции азербайджанского просветительства (Мирза Фатали, Зардаби, Сабир, Джалил Мамедкулизаде, Азимзаде, Гаджибейли), которая всегда носила антиклерикальный и социально-обличительный характер, и воплощением которой стали музыкальные комедии Узеира Гаджибейли. Здесь позволю себе остановиться на очень важном моменте, недостаточно акцентируемом автором. Именно направленность на злободневность, на острую критику общественных нравов по сути и определила самобытность жанра на национальной почве, в отличие, скажем, от той же европейской оперетты. Уж какие бурные дискуссии развернулись в то время среди азербайджанской интеллигенции, озабоченной народным просвещением. Почему оперетка, а не серьезный театр? Да потому, что синтез музыки и разговорных диалогов, позволявший заявлять об острых, злободневных проблемах легко, весело и увлекательно, явился мощнейшим орудием воздействия на широкие массы, то есть эффективным просветительским актом. Обе комедии Гаджибекова, написанные в 10-х годах XX века, стали своего рода визитной карточкой азербайджанского искусства.Таким образом, театр Музкомедии с его опорой на национальную классику сразу стал центром притяжения бакинской элиты, прежде всего, как тонкий инструмент сохранения национальной самобытности.

Сквозной линией повествования Ширин Манафов делает другой ракурс народной памяти, а именно, напоминание о том недолгом, бурлящем стремительным обновлением периоде в жизни Баку начала XX века, который был уничтожен советской властью. Именно под таким углом рассматривается и «Аршин мал алан» с его гимном личной инициативе, и, что особенно интересно, – история взаимоотношений артиста с его будущей супругой Севдой Пепиновой.

Он – обласканный советской властью комический актер. Она – дочь «врага народа» – из семьи азербайджанской культурной элиты: бабушка, Хадиджа ханым – выпускница Петербургского Смольного института, одна из первых преподавательниц организованной Зейналабдином Тагиевым в Баку женской гимназии; дедушка, Гасан бек Агаев, и отец, Ахмед бек Пепинов, – видные деятели в парламенте АДР (оба убиты: первый – армянским террористом в 1920-м году, второй – лично Мирджафаром Багировым в 37-м); мать, Хуршид ханым Агаева, – азербайджанский музыковед, автор первой монографии об Узеире Гаджибекове. К моменту знакомства с Лютфали Севда – студентка Института иностранных языков, воспитывает ее бабушка Хадиджа, которая не дает ей забыть о своих корнях, и для которой Лютфали – «комедийный актер, провинциальный выскочка – такие кандидатуры даже не рассматриваются. Тем более – комедиант, любимец властей».

Кульминацией рассказа выступает эпизод со сватовством, когда бабушка Севды отказывает ему во второй раз еще решительнее, чем в первый, именно благодаря гордо брошенному им: «Я теперь лауреат Сталинской премии!»

Эта сцена проанализирована автором блестяще: Лютфали потрясла сама пренебрежительная форма отказа. «Для семьи Хадиджи Агаевой линия раздела проходила между разрушенным миром идеалов ее мужа, зятя, целой плеяды национальной интеллигенции и бандитами, уничтожавшими национальную память. По мнению родни Севды, Лютфали – необразованный простолюдин, один из разрушителей старого мира, их мира».

Между тем, в дальнейшем повествовании наглядно показывается, что именно Лютфали, с его откровенной демонстрацией внутренней свободы на сцене, станет катализатором тех удивительных процессов, которые позволят говорить о театре музкомедии как о некой очень тонкой форме сопротивления режиму.

Как это стало возможным, если учесть, что репертуар подобных театров по всей стране основывался на колхозно-советской тематике и трафаретных сюжетах, заведомая провальность которых была очевидна всем?

И вообще, как стало возможным, что во времена жесткого диктата советской идеологии и цензуры именно Театр музкомедии стал тем уютным очагом, где людям свободно дышится? Причем происходило это отнюдь не только в силу развлекательности самого жанра, а благодаря огромной значимости фигуры Артиста, позволяющего себе весьма вольно относиться к тексту и идейным установкам эпохи.

Дело в том, что импровизация на сцене с изрядной долей экспромтов на злобу дня всегда была сильной стороной комического дарования Лютфали Абдуллаева, и вот получилось так, что именно она стала тем живым нервом, который позволял зрителю воспринимать спектакль как живую, увлекательную картинку из современной жизни. Стиль игры ведущего артиста театра лег в основу целой традиции, когда непредсказуемость и яркость сатирических персонажей плюс прекрасная музыка (Фикрет Амиров,Сеид Рустамов, Сулейман Алескеров) превращали банальные, скучные пьесы о передовых комсомольцах в яркий, сочный национальный праздник.

Отношение Лютфали к пресным пьесам на злобу дня (вроде «Дурны», которая первоначально называлась «Депутат гыз», или «Улдуз») великолепно передано автором в рассказе о ситуации вокруг «Улдуз». В колхозе «Новый путь» передовая молодежь занята проблемой выращивания нового сорта цитрусовых. Так вот, «Лютфали на репетициях в свойственной ему неповторимой манере спрашивал у шекинца Сабита Рахмана, откуда вдруг у него такая любовь к цитрусовым? Мандарины в Шеки никогда не росли, и с чего это Сабит создал «субтропическую» пьесу? Вот если бы речь шла о росте урожая гороха или лобио, он бы понял Рахмана».

В книге особо подчеркивается роль художественного руководителя театра Шамси Бадалбейли, который чутьем высокого профессионала понял, что в спектаклях нужно делать ставку на игру актеров, предоставляя им изрядную долю свободы, и музыку. Так сложился легендарный тандем: Лютфали Абдуллаев – Насиба Зейналова.

Одна из глав так и называется: «Театральный джем-сэйшн». Зритель толпами валил на все эти советские пьесы, чтобы насладиться музыкой и импровизациями любимых артистов, каждый раз привносивших в спектакль новые нюансы, а значит, и подтекст. Противостояние двух дуэтов – положительных и отрицательных героев стало устойчивой традицией от спектакля к спектаклю, часто – к немалому удивлению ошеломленных остроумными находками артистов авторов пьес. Последние, по воспоминаниям Джахангира Новрузова, сына Насибы Зейналовой, откровенно досадовали на то, что не они все это придумали. Именно со стороны персонажей второго плана публике посылался своеобразный сигнал: мы играем другое.Так создалась ситуация, когда актеры, по сути, становились со-авторами спектакля: «Лютфали и Насиба явно наслаждались ситуацией... Нельзя им отказать во вкусе: издевались над лирическими героями тактично, в меру, как бы приглядываясь к реакции цензуры, властей».

В увлекательной хронике театральной жизни автор высвечивает весьма характерные моменты, проливающие свет, к примеру, на взаимоотношения актера и режиссера, который, давая актерам известную свободу, все-таки контролировал ее рамки. Между тем, в этой «отсебятине» не было и тени любительщины: это была отточенная техника, которая шлифовалась на репетициях: «в искрометных диалогах по темпу и ритму с Лютфали могла соперничать только Насиба Зейналова, которая нередко, к удовольствию партнера, переходила в атаку, так что остальные участники спектакля еле поспевали за ними».

Само желание и смелость артиста вносить поправки в текст рассматривается автором как некий вызов обществу: «Маленький, смешной толстячок уложил на лопатки правильных героев и честно сказал под аплодисменты зрителей: пока не переиграете меня, буду брать взятки, дебоширить, хулиганить и всячески издеваться над советскими товарищами».

Одна из глав называется: «Не бойтесь быть яркими». В ней говорится об уроках Лютфали Абдуллаева молодым актерам: он был щедр, каким может быть только уверенный в себе артист. Особо подчеркиваемый автором момент – отношение артиста к дублерам. Перед нами вновь ситуация, когда стиль поведения на сцене большого артиста влияет на стиль функционирования театра.

По воспоминаниям Сиявуша Аслана, «атмосфера соревнования в Музкомедии была создана стараниями Лютфали. Он всем показал пример доброго и заинтересованного отношения к молодым. Недовольным «звездам» он отвечал: чем больше у тебя дублеров, тем ярче твоя звезда блистает».

Если в первой части книги перед нами вполне серьезное исследование творчества популярнейшего артиста, то вторая часть, посвященная воспоминаниям о нем его родных и коллег, – не только увлекательное повествование о ярких эпизодах жизни, но и характеристика человека, выработавшего свой стиль отношений со своей бешеной популярностью в народе. Сквозная линия большинства рассказов – неуемное, просто выходящее за все границы желание использовать свою популярность как средство помощи людям. Причем он брался помогать абсолютно всем, кто к нему обращался, порою – абсолютно незнакомым ему людям.

Отдельная страница – взаимоотношения Лютфали Абдуллаева и Шамси Бадалбейли. «Если папа приходил с репетиции домой и спрашивал с угрюмым выражением лица: «Шамси Бадалович звонил?», мы знали: они поругались. Если же он спрашивал веселым голосом: «Шамси не звонил?» – значит, наоборот, все прошло прекрасно. А ругались они, как правило, по двум поводам. Или Лютфали позволял себе на сцене слишком много импровизации, или Лютфали опаздывал на репетицию ввиду того, что улаживал дела очередного просителя» (из воспоминаний дочери артиста Хуршид Абдуллаевой). Среди авторов воспоминаний наряду с именитыми – и простые шекинцы, рассказывающие вроде бы незначительные, но характерные случаи из жизни.Определяя свои очерки как попытку разобраться в причинах той всенародной любви, которой Лютфали Абдуллаев был окружен на протяжении всей своей жизни, автор не избегает некоторых повторов. Но сами акценты расставлены весьма точно в каждой главе, так что напрашивается единственно возможный вывод: в основе творческого кредо фантастически популярного комедийного артиста была некая человеческая самодостаточность, противостоящая навязыванию спущенных сверху стандартов и стереотипов поведения.

Лучшая иллюстрация этого – цитата из воспоминаний Фархада Бадалбейли: «В 1938 году Лютфали участвовал в декаде дней азербайджанской культуры в Москве. На заключительном концерте сидевший в ложе Сталин встает и аплодирует исполнителям. Зачарованные видом обожаемого вождя, все участники движутся шаг за шагом к краю сцены, чтобы лучше разглядеть отца народов. Еще шаг-два, и артисты стали бы падать в оркестровую яму. Сталин делает обеими руками жест остановиться и отодвинуться от края сцены, что спасает актеров от падения. Занавес падает, труппа под впечатлением от аплодисментов вождя. И тут Лютфали заявляет: «Вы поняли, что показал руками товарищ Сталин? Каждому исполнителю выдать оклад за 10 месяцев!» Он был одним из немногих, кто в атмосфере всесоюзного поклонения всесильному вождю, сохранил независимость суждений, потому и осмелился в шутливой форме отрезвить, расколдовать зачарованную видом кумира толпу».

Здесь, как говорится, без комментариев...

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Линзы

Этюд

Смотреть на мир широко открытыми глазами и видеть все в мельчайших подробностях – обычное состояние людей. Ну, а те, кто по какой-либо причине лишен этой возможности, стараются приблизиться к идеалу. Многие, очень многие люди носят очки, возмещая природный или приобретенный дефект с помощью привычного инструмента – очков.

– Мама, почему ты не хочешь попробовать носить линзы? Сейчас все носят линзы. Некоторые даже меняют цвет глаз с помощью линз. Не хочешь стать голубоглазой шатенкой? Тебе пойдет. У тебя красивые глаза, а ты все время закрываешь их очками. Ну попробуй, а вдруг тебе понравится? – юной дочери очень хотелось, чтобы мама всегда оставалась красивой, модной мамой.

– Не знаю. Не представляю, как я буду надевать на глаз маленькую линзочку и тем более, как я буду ее снимать. Меня сложно представить без очков, ношу их с четвертого класса. Недавно твой дед, у него такая же история, как у меня, носит очки с детства, признался, что в юности ему хотелось спать в очках, чтобы видеть четкие сны. Ему казалось, что размытая картинка во сне оттого, что он спит без очков. – Женщина улыбнулась, представив себе картину.

– Ха-ха. Дед – оригинал и выдумщик. Его рассказы о самых обычных вещах похожи на сказки. Не знаю, как у него это получается?

Дочери удалось уговорить маму примерить линзы. Женщина отправилась в оптику. Милая девушка, назвавшаяся глазным врачом, определила, как ей казалось, совершенно точно, сколько диоптрий должно быть у линзы. Женщина не стала спорить с врачом. Хотя у нее были некоторые сомнения. По той причине, что очки и линзы находятся на разном расстоянии от глаза. И разница в полдиоптрии показалась женщине слишком маленькой. Выбрать цветные линзы женщина отказалась. Пусть будут прозрачные, природный темно-карий цвет глаз вполне ее устраивал. Девушка-врач подробно рассказала и показала, как снимать линзы, где хранить и как часто менять. Напоследок она ловким движением надела ей линзы и женщина, поглядев вокруг, почувствовала себя впервые в жизни орлом. Все знают, что орлы обладают зорким глазом и способны увидеть добычу, к примеру, маленькую мышь-полевку, с большой высоты. Воодушевленная новыми возможностями, женщина горячо поблагодарила девушку-офтальмолога и вышла из оптики. Никогда она не думала о том, сколько нового можно увидеть, всего лишь поменяв очки на линзы. Конечно, фокус заключался в том, что линзы просто оказались сильнее, чем ее обычные стекла очков. Женщина вертела головой, читая названия улиц на противоположной стороне. Стала замечать маленьких птичек, сидевших на верхних ветках высоких деревьев. Увидела все несовершенство людской внешности. Родинки, пятнышки, проглядывающую сквозь пышные кудри плешь. Вспомнила рассказ одной из знакомых на ту же волнующую тему.

– Представляешь, – знакомая, эмоциональная особа, размахивала руками, пытаясь донести до собеседницы всю трагичность своего открытия, – мне всегда казалось, что у нас очень красивые люди. Я гордилась этим. Не всем же так везет, как нам от рождения. Не все рождаются красивыми. Ты понимаешь! И вот, моя врач-офтальмолог прописала мне новые очки. Я надела эти очки и вышла на улицу. Нет! Лучше

бы я этого не делала! Я вдруг увидела, что люди не такие красивые. Ты не поверишь! Большинство – уродливы. Какие-то помятые, усталые, старые. Ужас!

Женщина, как могла, успокоила свою знакомую, посоветовав ей быть снисходительнее. К тому же красота – понятие относительное. А сейчас она сама испытывала нечто похожее.

Правда, женщина не ужаснулась, а, наоборот, стала с любопытством разглядывать привычные предметы. Заметила трещины в недавно отреставрированных фасадах зданий. Куда бы ни обращался ее взор, она находила новые причины для того, чтобы огорчиться или, наоборот, порадоваться. Сев в автобус, она продолжила свои исследования, глядя в окно и удивляясь тому, как можно было не заметить, к примеру, вывеску кафе с совершенно завлекательным названием «Cənnət» (Рай). Пришла в голову безумная мысль: если назвать кафе «Cəhənnəm»(Ад), придут туда посетители или все-таки воздержатся. Необычная реклама могла бы привлечь любителей эпатажа. Много чего она увидела, пока доехала до нужной остановки.

В одной из статей, посвященных медицине, из числа тех популярных статей, в которых обычно ссылаются на британских ученых, женщина прочла интересную гипотезу о том, что люди болеют теми болезнями, которые как-то связаны не только с их привычками, что вполне объяснимо, но и с их душевным состоянием. У тех, кто пытается отгородиться от внешнего мира, говоря и повторяя: это не мое дело, не моя проблема, я буду заниматься своим делом, а мировые проблемы пусть решают те, кто обязан этим заниматься, не желаю видеть того, что меня лично не касается, обычно страдает зрение. Оно ухудшается, когда человек пытается не замечать чего-то, когда он обосабливается. Либо он начинает плохо слышать, стараясь не обращать внимания на критику или иронию, с которой очень часто сталкиваются старые люди. Женщина задумалась, ей показалось, что в каких-то случаях «британские ученые» недалеки от истины. А вот почему у нее с детства испортилось зрение? Ей не хотелось замечать очевидных вещей? Сложно себе в этом признаться. А может, дело просто в наследственности, в строении глаза. Люди с большими, чуть навыкате глазами часто страдают близорукостью. Не стоит усложнять простых вещей.

По дороге домой она зашла в магазин. Стала искать кошелек. Перерыла всю сумку. Всем известно, что женская сумка – это микромир. В ней помещается, как правило, большая часть интересов владелицы. Если дама увлекается макияжем, то в сумке обязательно будет находиться арсенал самой разнообразной косметики. Непосвященному человеку при виде такого набора сложно бывает определить, для чего нужно то или иное орудие макияжа. У женщины оказались другие интересы: из предметов чисто женских – только духи и маленькое зеркальце. Кроме них в сумке находились: французский журнал, очки, книга, карандаш, ручка, детская мягкая игрушка, похожая на зверушку из детских снов, соломенная шляпка, браслет из лунного камня и много еще всякой ерунды. Но там не оказалось кошелька. Того, что искала женщина. Красивого кожаного кошелька, в котором, кроме нескольких небольших купюр, хранился металлический доллар, подаренный тетей на удачу. Конечно, больше всего женщина пожалела о долларе, тетином подарке. Женщина вышла из магазина, сопровождаемая жалостливыми взглядами продавцов. Подходя к дому, она продолжала разглядывать окружающий мир, теперь уже обращая внимание на подозрительных, как ей казалось, людей, в основном, мужчин, способных, по ее разумению, аккуратно вытащить кошелек из сумки такой растяпы, как она. Особенно ее настораживали суетливые, юркие молодые мальчики, не стоящие ни секунды на месте. Вот такой мальчишка, наверное, и вытащил у тетеньки кошелек. Она вспомнила совершенно неожиданно рассуждения отца Брауна, расследовавшего много случаев, конечно, с помощью изобретательного писателя Честертона, когда выяснялось, что совершенно очевидные на первый взгляд события могут оказаться иными, чем кажутся, и перестала подозрительно оглядываться на мальчишек.

Дома первым делом она вымыла руки и попыталась снять линзы. Она точно знала, как нужно это делать. Осторожно приподнять веко, поднести к линзе подушечку среднего пальца и легко, не нажимая на глаз, вытащить линзу, освободив глаз. Теория – это основа практики, бесспорная истина, однако… На деле все сложнее. С правого глаза она с горем пополам сняла линзу. Похлопала ресницами, глаз сразу же размыл картинку, как на картинах импрессионистов. Приступила к снятию линзы с левого глаза. Почему с левым возникла проблема? С рождения женщина была левшой. В детстве ей все хотелось делать левой рукой. Учитывая, что все вокруг во времена ее детства было задумано для правшей, любящая бабушка переучила свою внучку, упорно побуждая ее больше работать правой рукой. Женщина все равно могла делать многое левой рукой, в отличие от природных правшей. А вот теперь левый глаз отыгрывался за левую руку. Не подчинялся. Необычные мысли, в самом деле. Но линза не снималась. Глаз налился кровью, стал распухать. Женщине повезло, впрочем, как всегда. Пришел из универа сын. Увидел то, что увидел. Вымыл руки, посадил мать на стул и приказал расслабиться и не о чем не думать. Ловким движением, еще более уверенным, чем у женщины-оптика, поднес руку к глазу женщины и за секунду вытащил линзу. Как у него так легко получилось, женщина не смогла себе объяснить. Глаз промыли холодной чайной заваркой, положили сверху мокрую ватку с той же заваркой, и к вечеру он вернулся в свое обычное состояние близорукого глаза, не имеющего других проблем. После этих событий вопрос с линзами снялся сам собой.

Ночью женщина спала беспокойно, ей снился новый мир – невообразимо яркими красками раскрашенные деревья, птицы, небо, зеленая, кислотного оттенка трава, огромные цветы небывалых расцветок. На лужайке сидит старый, на вид больной человек и держит в руках ее кошелек. Медленно открывает его, вытаскивает из него несколько мятых купюр, подносит к глазам, вздыхает, берет доллар, пробует на зуб. Еще раз смотрит на доллар. Поднимает глаза к небу, обращается к кому-то, видимому только ему. «Почему мне приходится заниматься таким ужасным ремеслом? О, Аллах! Я не умею ничего другого! А глупая женщина носит в дорогой сумке и в дорогом кошельке такую мелочь! Почему? О, Аллах! Мне не удастся заплатить за жилье! Придется еще к кому-то залезть в карман. Вразуми неразумную женщину!»

Женщина проснулась, потерла глаза, удостоверившись в том, что она у себя спальне, никакой лужайки, старика нет и в помине, и что ей приснился странный сон. Глянцевая лужайка, старик, обратившийся к Аллаху с необычным пожеланием. Да…Чего же просил старик у Аллаха? Вразумить неразумную женщину; то есть – ее вразумить. Он не договорил. Она сама досказала за старика: «Чтобы не вводила людей, а именно, воров, в искушение своим наивным и удивленным видом, дорогой сумкой, яркой одеждой». Женщина улыбнулась, вспомнила совет сына не выходить из дома без 100 манатов в кармане. Рассмеялась над своим ответом любимому сыночку. «Конечно, на твоем месте ни за что не вышла бы без этой суммы, но не забывай, что я просто учительница, и эти деньги являются пятой частью моей зарплаты». Сын покачал головой и посмеялся. А вот старик вор, как оказалось, рассердился. Возможно, старик был прав?

ЛЯМАН БАГИРОВА

Разговор на краю вечности

(одноактная шутливая пьеса)

Человек:

Мне скучно, бес.
Не видишь, что кругом творится –
Все люди, словно злые птицы,
Кружат. И жадными крылами
Объять хотят буквально все:
Все, что понятно им,
И то, что не постичь умами.

Везде разбой, везде война и склоки.
И злоба правит бал.
Добра и милосердия уроки
Давно забыты. Все раздражены.

А тут еще какой-то странный вирус.

Твоих рук дело? Говори!
Ну, что ты онемел? Тебе ли и молчать?!
Ты ведь блистаешь красноречьем.
Давно ль ты стал таким увечным?

Ну, отвечай! Мне долго ждать?
Развей мою тоску. Живу я, как во сне.

Бес:

Ну, а какое дело мне?
Зачем меня ты обвиняешь
Во всех грехах? Что люди – дураки,
Что мир жесток, – ужели я тому причиной?

Человек:

А кто ж еще?

Бес:

Клянусь – я в этом неповинен!
Клянусь: и сотой доли того зла,
Что вы себе творите сами,
Мне ввек не выдумать.
Для выдумок таких
Умом я несколько не вышел!
А если б даже и хотел,
То не решился бы. А честь?!
У нас ведь тоже совесть есть!

Человек:
У вас? Чертей?! Вот это новость!

Бес *(с достоинством):*
Да, есть! Представь себе!
Мы так, как вы, пургу не гоним!
Мы чести фирмы не уроним!
Да, пакостим! Да, мстим порою!
Но все красиво, благородно.
Работа наша превосходна –
Скажу тебе я, не таясь,
Работу надо делать всласть
(что значит – в радость!) А иначе
И сердцу будет неугодно,
И перед Старшим неудобно.

Человек:
У вас и Старший есть?! Однако!
Вы, черти, тоже бюрократы!
А я-то думал – каждый бес
Свободен. Сам себе судья!

Бес *(раздельно по слогам):*
Не – Фи – Га!
Сюда другое слово в рифму
Просилось. Но щажу твой слух!

Ох, как тебе бы оплеух
Я надавал!

Бездельник, олух!
Да как подумать ты посмел,
Что маски ***Я*** на вас надел?!

Вы сами учудили это!
Вы сами мучите планету!
Готовы ближнего предать,
Загрызть, убить, обворовать.

Во всем вы видите плохое!
Любой для вас – гад и злодей!
Вы все творите только злое!
А валите всё на чертей!

Обидно, право! Мы в аду
Хоть и сидим в сплошном чаду
И фимиамов не вдыхаем,
И то себе не позволяем
Подобной наглости. А вы?
«Венец творенья»? Человеки!
Да что с вас взять?! Душой – калеки!

Ни чести нет у вас, ни разуменья,
А все туда же: *«Жажду утешенья!*
Ах, развлеки меня!» Как будто черт вам – клоун!
Нет, мне с тобой якшаться не резон!

(Собирается уйти)

Человек:

Ну, ладно, ладно. Что ты, право!
Подумаешь, сказал нездраво.
Ну, чертушка, прости! Давай-ка мировую!
Позволь, тебя я расцелую!

Бес *(отскакивая):*

Совсем с ума сошел!
А вирус? А дистанция? А маска?
Нет, верно, без меня ты пропадешь!
Пойдем уж, горе ты мое! Будь ласка!
Нет, видно, впрямь – пока с тобою я,
Ты бед не натворишь. Без дела не соврёшь.
И вовремя поешь, и вовремя уснешь.

А там, глядишь, коронавирус,
Да, даже этот злобный вирус
Ты как-нибудь переживёшь!

Пока с тобою я…

Ну, будет! Все! Прощаю!
Однако шлёпать обещаю,
Коль маску сбросишь ты!

Ну, что ты приуныл?!
А ну-ка, запевай!
Да, через маску. Я услышу!

Человек:

Что петь?

Бес:

Не зли меня! Да нашу!
Пой звонко, звонче соловья!

(Уходят, горланя арию Мистера Икса):

Всю жизнь быть в ма-а-аске –
Су-у-удьба мо-о-я-я!!!

Занавес!

ЛЯМАН БАГИРОВА

БЛАГОДАРНОСТЬ КАРАНТИНУ

ЭССЕ

И эту затерянность я всегда ощущаю как счастье.
К. Паустовский

Перечитала еще раз эти давно любимые и памятные строки и задумалась. Что же такое затерянность как счастье? И может быть, именно сейчас, когда, вирус, накрывший планету, стал лишать людей человеческого облика, и они, измученные карантином, стали злобно срываться на близких, затерянность во времени и есть счастье? Или хотя бы анестезия от тревоги каждого дня?

Когда широта этого мира стремительно ограничивается, поневоле начинаешь вглядываться вглубь. В то, что рядом, на расстоянии вытянутой руки, под ногами. И давно знакомое, и привычное обретает иной смысл, иные краски.

Ну, о чем, например, может поведать старый дом с круглыми окнами? О том, что у него выщербленные стены с разводами от известки? О том, что у него покосилась крыша и облупилась дверь? И даже маленькая ель, невесть как выросшая перед крыльцом – и то, кривая и жалкая? В иное время – пройдешь и не заметишь. А сейчас…

Жизнь на карантине становится медленной. Она осторожна словно кошачий шаг. Она мягко и неторопливо исследует каждый уголок своего пространства. И вдруг понимаешь, что оно еще полно тайн. И неизъяснимой задумчивой прелести, которую никогда не увидеть в стремительном беге.

Во всем доме круглые окна как в каютах корабля. Это удивительно и необычно. А когда над двором опускается туман, то сам дом тоже напоминает корабль – уставший, мирный, посапывающий дымоходной трубой.

Из окна с голубой занавеской доносятся приглушенные звуки. Кто-то играет на пианино. Это приятная неожиданность. Люди, умеющие музицировать, ныне редкость.

Играют робко, но с такой хрустальной чистотой, что замирает сердце. Прозрачный декабрьский воздух подхватывает эти легкие звуки и уносит в небо. «Застольная» из Травиаты. Видно, человек решил переложить известную мелодию на пианино и теперь представляет свой труд. Думаю, Джузеппе Верди не был бы против. С этой музыкой даже карантин становится праздничным.

Второе окно затянуто оранжевой занавеской. Наверно, это кухня. Из нее заманчиво тянет запахом ванильных булочек и свежезаваренного чая. От этих ароматов сладко кружится голова. Даже дворовые вороны как по команде поворачивают головы и с тоской глядят на оранжевое окно. Компанию им составляют коты. Они не охотники ни до булок, ни до чая, но близость тепла и уюта зачарует кого угодно. Так и сидят под окном в ряд – четыре серые вороны и три разномастных кота – серый, белый и рыжий.

Воробьи волнуются. Они раскачиваются на ёлке и яростно пищат. Никак не поделят ближайшую к окну ветку. С нее хорошо видно все, что происходит на кухне. Мол, все увижу, а потом вам расскажу-прочирикаю! Черта с два! Каждому охота быть первым обозревателем-комментатором. Да и просто быть первым.

Третье круглое окно за пестрой занавеской. Оно самое тихое и самое красивое. На бежевой занавеске узор из осенних листьев – лимонных, коричневых, зеленых. А с внешней стороны кто-то нарисовал на стекле снежинки. И оттого кажется, что в комнате этой встретились два времени года и озарили ее своими красками.

Четвертое окно – небольшое, и все увито «манной кашей». Так в народе называют неприхотливый цветок аптению. У нее крошечные листья и мелкие малиновые цветы. Прозвали ее так, потому что она буйно разрастается и закрывает собой весь горшок. Действительно, словно манная каша убежала из кастрюли. Листья у аптении мягкие, бархатистые, как детские ладошки. Она доверчиво протягивает их зиме и надеется, что та будет ласковой.

Пятое, последнее окно – хозяйственное. Оно самое маленькое и темное. Скорее всего, это окно кладовки. Перед ним – единственным из пяти – соорудили широкий наружный подоконник с решеткой. На подоконнике сушатся сливы. Их много. Зимний воздух звонкий, разреженный, плоды высыхают даже лучше, чем летом, и вкус у них тоньше. Окно такое низкое, что можно дотянуться и сквозь решетку незаметно стянуть одну или две сливы. Они уже сморщенные, хорошо подвяленные, но мякоть их еще хранит сочность. Такими они и должны быть – кисло-сладкими, чуть солоноватыми, оттого что их перед сушкой ошпаривают крутым соленым кипятком, чтобы не завелись черви. Вороны не охотятся за ними, видимо, пряный сливовый дух пернатым не по вкусу.

Я осторожно обхожу дом по кругу. Он очерчен. Пять круглых окон – пять органов чувств. Все как ладони. И милое серое небо над ними. Еще одно бескрайнее окно во Вселенную. Безмолвие декабрьского дня. Ни прохожих, ни машин. Время тихо дремлет на ветках сосен, облетевших акаций и вязов.

И ступаешь тише, чтобы не потревожить эту великую нежность, разлитую в воздухе. И ощущаешь затерянность как счастье, как умение видеть прекрасное в самых простых и незаметных вещах.